

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume three

DIMENSION OF MIRAKLES

THE STATUS CIVILIZATION

**JOURNEY BEYOND
TOMORROW**

«POLARIS» PUBLISHERS

1994

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга третья

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
СТАТУСА**

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994

ББК 84.7США
Ш40

Dimension of Miracles

Copyright © 1968 by Robert Sheckley

The Status Civilization

Copyright © 1960 by Robert Sheckley

Journey Beyond Tomorrow

Copyright © 1962 by Robert Sheckley

Координаты чудес

© 1993 Г. Гуревич, *перевод на русский язык*

Цивилизация статуса

© 1992 В. Баканов, *перевод на русский язык*

Хождение Джозниса

© 1992 В. Баканов, В. Бабенко
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Ш 4703040100—006 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-046-8

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

*Ах, я закидывал сеть в их море,
Надеялся поймать хорошую рыбу,
Но вытаскивал всякий раз
Голову древнего бога*

Ницше

Часть первая

ОТБЫТИЕ

Глава 1

День выдался на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбеку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блэкуэлом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце же дня он яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела, заспорил с мистером Зейдлием об истощении природных ресурсов страны и беспардонном натиске разрушительных факторов, а именно: совместного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и производителей бумажной массы. Все они, — так он утверждал, — виновны в уничтожении последних милых его сердцу островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том, — сказал язвительно Зейдли, — да разве вас на самом деле это волнует? Ведь нет же! Кого не волнует? Его не волнует?!

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заявила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вам не следовало такого говорить.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех, неосознанный и неотпущенный, остался на его душе. Его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбек, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понимал, что в его словах было мало смысла и разбираться не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, умевший говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Воссю со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

И Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно пессимистическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато и намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимиком. Рослые мужчины с хорошим зрением и предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению. Был рожден под знаком Девы, когда Сатурн находился в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — на это указывали звезды в Доме Талантов. Уж одно это говорило о его незаурядности. Он был отмечен печатью обыкновенного смертного — одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5:45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками люто ненавидел. Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд-авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его была в отпуске, в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

В следующий миг раздался удар грома, и комнату осветило молнией. Раскаты грома продолжались несколько секунд, затем протрубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы

смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова полыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, разве что без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — да так грубо, что изрядно его при этом порвал. Прочистил горло, — звук напоминал сильный удар по мячу, — и сказал:

— Приветствия!

Кармоди ничего не ответил. Он онемел.

— Мы пришли, — изрек незнакомец, — как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так. Будучи это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди убедился, с помощью только ему одному известных способов, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле.

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь:

— Это для вас, Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть» Веселье, нет? Уточняя: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розовая Неопределенность радуется своими целительными губками, а дряхлое постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает страшить, когда становится назойливым.

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя:

— Туманно мыслящие извинины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, я переделаюсь, я приспособлюсь...

Он прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас прише-

лец превратился в коротышку, лысого, в мятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за небрежную работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше, — употребляю местные эквиваленты времени, конечно, — при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова, — прервал Кармоди, — будьте добры, объясните, что все это значит?

— Конечно, конечно, — сказал пришелец. — Но позвольте мне проверить местные термины. — Он закрыл глаза, потом открыл снова. — Странно, очень странно, — пробормотал он. — Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это, разумеется, Интергалактическая Лотерея. И вы, сэр, конечно, выиграли главный приз. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует, — сказал Кармоди. — И я не знаю, о чем вы толкуете.

По лицу чужестранца скользнуло сомнение, но тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать беспокойства. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умственной спячки! Но никакого вреда мы вам причинить не намерены, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш приз —

очень красивый приз, уверяю вас, — ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но после этого я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и слышу. А это тяжело. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. Но, с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума, и все это происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно, — если это происходит на самом деле, — во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они сами признались, что делают это. И я не вижу, почему бы лотерею не быть совместимой с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерею выпало мое имя. Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или имя, или женщин, или знание, — словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в результате мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, то очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, доложу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но, можно сказать, что хорошо еще то, что Кармоди вообще рассуждал при таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему, — сказал он Посланцу. — Есть какие-нибудь условия для получения моего Приза? Что-нибудь нужно сделать или оплатить?

— Никаких условий, — сказал Посланец. — По крайней мере ничего достойного упоминания. Просто Приз. Иначе какой же это Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для возвращения, то, конечно, мы окажем вам содействие в полную меру наших возможностей. Ну вот и все об этом.

— Меня это устраивает, — произнес Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон при осмотре диспозиции маршала Нея под Ватерлоо. — Но как же мы туда попадем?

— Сюда, пожалуйста, — сказал Посланец. И проводил Кармоди в закрытый зал, а оттуда — с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное также не составило труда. Через секунду субъективного времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, были уже в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, продолжительностью не более одной секунды плюс микросекунда в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку в такой тонюсенький ломтик длительности никаких фактов вместить невозможно. Поэтому после перехода, о котором ничего и не скажешь, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и спокойно осматривался. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые уже не мог запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял, — переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой-ой!».

— Да? А мне слышалось «ой!».

— Нет, я сказал «ой-ой-ой!».

— Ах вот оно что, теперь я понял. Ну, а как вам понравился наш Галактический Центр?

— Впечатляет, — признал Кармоди.

— И я так считаю, — подтвердил Посланец. — Наш Центр для того и построен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите, и как вы могли бы и ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен подавлять избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, — заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти громадные здания...

— Да, дизайнер удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, — сказал Посланец с видом знатока. — А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там, наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком с выставки «Дженерал моторс» на вашей планете. Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не мог охватить все разом. Пока он глядел на одно, другое меняло форму. Прищуривался, но здания таяли, искривляясь на границе зрительного восприятия. («Периферическая трансмутация», — пояснил Посланец.)

— Ну а где же я получу свой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо, — сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, неприметному прямоугольному домику.

— Делами мы занимаемся здесь, — продолжал Посланец. — Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два, — сказал Кармоди. — Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, подарил вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что это такое уж большое изобретение.

— Не кажется? — переспросил Посланец. — Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за признак сознательной творческой деятельности. Знаете ли вы, что природа вообще не создавала

правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть, представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу. — Глаза Посланца затуманились. Он говорил спокойным и отрешенным голосом: — Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата... Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Поменять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так сложно! Дрожа от волнения, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники, разные по размеру и форме, все правильные и все различные. Поистине, прямоугольники сыпались из меня, как из рога изобилия. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе, — сказал Кармоди. — Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, — говорили мне, — но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 миллиардов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего прямоугольника-прототипа.

— Да уж! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы уже пришли, — сказал Посланец. — Туда идите, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо, — поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. И сразу же его руки, ноги, талию и шею охватили стальные ленты. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

— Что это значит? — крикнул Кармоди.

— Итак, — изрекла мрачная личность, — опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Сейчас ты расплатишься за свои преступления против человечества и грехи на своей душе. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел способность членораздельно говорить.

— Стойте! — закричал он. — Меня сюда не казнить привели!

— Знаем, знаем, — успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. — И что ты еще скажешь?

— Но это правда! — вопил Кармоди. — Я думал, что получу Приз!

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин; черное палаческое одеяние — в белый костюм Клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке, — без всякой тени раскаяния объявил бывший палач, а ныне Клерк. — Я же предупреждал, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им все едино — вручи я вам Приз или убей. Вот бы смеху-то было, правда?

— Мне было бы совсем не смешно, — содрогнувшись, ответил Кармоди.

— Ладно, нет смысла лить слезы из-за непролитой крови, — сказал Клерк. — Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет... Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Сию минуту в комнате материализовалась массивная конторка, какой-то миг повисела в воздухе на высоте двух футов от пола и с грохотом упала. Клерк принялся открывать ящики и вытаскивать бумаги, сандвичи, листки копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут, — с отчаянием в голосе твердил он.

Нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла вместе с доской.

— Проклятье, я будто на иголках сижу! — воскликнул Клерк.

Он протянул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это также была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез он сам. Кармоди остался в одиночестве.

Он подождал, напевая про себя. Вновь появился Клерк. Выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — Сразу и как следует не получается ничего.

— Вам пришлось обежать вокруг Галактики? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— С какой стати вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк. — Мы только вручаем.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы, — устало промолвил Клерк. — Вы исполнены наивных мечтаний о порядке и совершенстве, а они все — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слышали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля стремится к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания...

— Я никогда не думал об этом, — вежливо сказал Кармоди. Ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а ведь на самом деле они просто работали спустя рукава и сваливали вину на космические законы.

— Ну да, все это верно, — продолжал Клерк. — Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все разумные существа, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но все на свете, видите ли, всегда немножко за пределом понимания. Конечно, мы можем подойти и к этому пределу, но иной раз работаем механически, беспечно, ошибаемся даже. Важные документы лежат не на месте, машины функционируют плохо, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Ведь должен же кто-нибудь контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете создать для этого машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — воскликнул Клерк презрительно. — Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например, утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги: в этике они понимают меньше, чем новорожденный вол-

чонок. И вы хотите, чтобы такая штука планировала вашу жизнь?

— Конечно, нет, — сказал Кармоди. — Но нельзя ли построить машину, умеющую рассуждать и творить?

— Может быть, — Клерк пожал плечами. — Но ее надо испытывать в деле, что означает — учиться на ошибках. Такие машины уже делались, разного вида и размера, иногда совсем миниатюрные. Они обладали очевидными достоинствами, но обязательно находился и какой-нибудь недостаток. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Клерк самодовольно улыбнулся: вот, мол, афоризм сотворил. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию, — сказал он, — то я хотел бы получить Приз.

— Как угодно, — сказал Клерк. — Если вы уверены, что хотите его получить.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного. — Клерк уклонился от прямого ответа. — Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья, — улыбнулся Кармоди. — Пусть будет Приз.

— Ну хорошо, — сказал Клерк. Он вытащил из заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш. — Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди; вы с планеты 73 С, система ВВ454С252 Левый Квадрат, Местная Галактическая система из К по С, и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно, — сказал Кармоди.

— Я пропущу описание, — продолжил Клерк, — поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте, — согласился Кармоди.

— Затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы согласны с ними...

— Конечно, почему же нет? — сказал Кармоди, чувствуя уже, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась эта волокита.

— Очень хорошо, — сказал Клерк. — Теперь подпишитесь на мыслечувствительной полоске, вот тут, под текстом.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для него условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо, — сказал Клерк. — Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди. Вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал слова благодарности и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел. В комнату внезапно ворвался лысый коротышка в сверкающей одежде.

— Ага! — закричал он. — Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы что, в самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — крикнул он.

— Что нужно? Мне нужен Приз, что же еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди, — сказал Кармоди. — Это я Кармоди.

Человечек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С, — сказал Кармоди. — Мы называем свою планету Землей.

Коротышка вновь уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он. — Она член Члзе-рианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Коопера-

тиву Скеготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще является членом какой-нибудь межзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал! — воскликнул мини-Кармоди. Он обернулся к Клерку. — Посмотрите на него, вы, идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на его мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Стойте! — прервал его Кармоди. — Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу, — согласился Клерк. — Действительно, я не рассмотрел этого раньше. Никак не ожидал, что...

— Так почему же, черт вас возьми? — закричал космический Кармоди. — Почему ни один из вас не сказал сразу же, что это существо не из 32-го класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дорос до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии...

Глава 4

— Земля! Земля! — разглагольствовал коротышка. — Теперь я припоминаю это название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отходов. Короче, Земля — это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла серьезная ошибка. Когда в невнимательности обвинили Посланца, он не стал отрицать очевидного.

Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то все и напутал, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен, — объявил Компьютер, — с минимальными допусками. Я предназначен для выполнения сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что с того? — поинтересовался Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны

помнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно заложена ошибка. Это один из немногочисленных признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы никогда не ошибались, мы были бы отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас верховной проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем, как существа живые.

Все склонили головы, поскольку Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Ничего не могу возразить, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно. Но остальные — просто дурака сваяли.

— Это наша неотъемлемая привилегия, — напомнил ему Посланец. — Небрежность при выполнении обязанностей, освященная нашей религией, — форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, избавьте меня от своей сладкоречивой религиозности, — сказал галактический Кармоди. — А ты, — продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди. — Ты слышал, что тут говорили? Уловил, в чем суть, ты, ископаемое?

— Я понял, — сказал Кармоди четко.

— Тогда ты усвоил, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден просить и прошу вас передать его мне.

Кармоди уже склонялся к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать право на Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету. Конечно, неплохо было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже отдать коробку, как вдруг услышал глухой шепот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну, ну давай же, — настаивал другой Кармоди. — Не тяни. У меня неотложные дела.

— Катись он к черту со своими делами, — прошептал Приз. — Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в историю в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, как вдруг тот, другой Кармоди, опять раскрыл рот.

— Сию же минуту отдай, ты, слизняк бесформенный! — закричал он. — Давай-ка в темпе, да не забудь изобразить извинение на своей первобытной морде, а не то я покажу тебе...

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его здесь оскорбляли. Он уже не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Катись ты к черту! — выпалил он, невольно повторив слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе злиться и издеваться, что, конечно, приятно, но такого рода роскошь можно себе позволить лишь в своей личной звуконепроницаемой пещере. Поиграв словами, он лишился ценного выигрыша. И он попытался исправить положение.

— Прошу простить мой воинственный тон, — начал он. — В моей расе приняты сильные выражения. В том, что вы принадлежите к низшим формам жизни, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, дело уже в прошлом, — вежливо сказал Кармоди.

— Тогда отдайте мой Приз.

— Не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Я выиграл его, и по всей справедливости...

— Приз не ваш, — заявил Кармоди. — Мое имя выбрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец доставил мне извещение, а Клерк — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распо-

рядители, а равно и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты даешь, — шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же сами слышали, что Компьютер признал ошибку. И по вашей собственной логике...

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении, — сказал Кармоди. — Компьютер *вовсе не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных принципов, внушающих всяческое уважение.

— Этот тип умеет спорить, оказывается, — пробурчал коротышка. — Если не смотреть на него, можно подумать, что в этой башке работает разум, а не тупая формалистика. Но все же я взорву его писклявые уловки мощным басом неопровержимой логики. Можете считать, что машина ошиблась преднамеренно, — заявил он. — Но Приз вы получили по ошибке. Удерживать его — значит усугублять проступок. А двойная вина — это уже наказуемое преступление.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. — Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Незарегистрированная и не признанная таковой ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Неумышленная ошибка — это же просто знак высшего благочестия. И лучше не считать ее ошибкой вообще, чем превратить в умышленное лицемерное благочестие. И еще я скажу вот что: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое Богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз. — Bravo! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо!

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на сбитого с толку противника. Он был очень горд собой. Человеку

с Земли в Галактическом Центре без подготовки приходится нелегко. Высшие жизненные формы не обязательно разумнее человека. Разум ценится там не более чем длинные когти или твердые копыта. Однако Галактические расы обладали и неожиданными способностями, в том числе и гипнотическими. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. В сравнении с такими талантами обитателей Земли считали темными, бессильными, беспомощными, ни на что не годными. И поскольку таланты заговорные весьма уважались в Галактике, психомоторная деятельность чаще рассматривалась там как простейшая автоматика. Такое неудачное отклонение эволюционного процесса можно выправить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. В результате Кармоди сумел победить в словесной контратаке, но он очень рисковал, сам не зная того.

— Складно говоришь, — неохотно сказал второй Кармоди. — Но Приз будет моим.

— Нет, не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк с Посланцем быстро отошли в сторонку, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», выкатился из комнаты. Один лишь Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба», — и сжался в кубик со стороны не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков его пальцев. Он ринулся вперед, и Кармоди невольно закрыл глаза.

Но ничего не произошло. Кармоди снова открыл глаза.

За это мгновение другой Кармоди, очевидно, передумал, он разоружился и теперь вежливо улыбался.

— По зрелом размышлении, — сказал он лукаво, — я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, счастливого вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, однако эффектной.

Часть вторая

КУДА?

Глава 5

— Ну и ладно, — сказал Приз. — Будь что будет. Надеюсь, мы видели этого урода в последний раз. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль, — охотно согласился тот. — Посланец, мне бы хотелось возвратиться домой.

— Естественное желание, — отозвался Посланец. — И к тому же свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы просто обязаны отправиться домой, и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой.

— Это не мое дело. Моей обязанностью было доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди, — сказал Клерк.

Кармоди показалось, что он тонет. Он начал понимать, почему тот Кармоди так легко отступился.

— Послушайте, — взмолился он, — мне совестно обременять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, — сказал Посланец. — Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Я понятия о них не имею. Моя планета называется Земля.

— Мне безразлично, как она называется — Земля или Зеленый Сыр. Если хотите, чтобы я помог, давайте координаты.

— Но вы же там были. Вы же прибыли на Землю и доставили меня оттуда.

— Это вам так представляется, — терпеливо сказал Посланец. — На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В этой точке находились вы, и я привел вас сюда.

— Значит, вы можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней движется все, каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А новые координаты Земли вы можете вычислить?

— Я даже складывать в столбик не умею, — сказал Посланец гордо. — У меня другие таланты.

Кармоди обратился к Клерку.

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не специалист по сложению, — отмахнулся Клерк.

— А я могу считать великолепно, — объявил Компьютер, вкатываясь. — Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерею и определением их местонахождения в пределах допустимой погрешности. Я установил ваше местонахождение, и поэтому вы здесь. Но мне противопоказана всякая интересная теоретическая работа, в том числе определение координат вашей планеты в данный момент.

— Можете вы это сделать как личное одолжение? — взмолился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения, — возразил Компьютер. — Я не умею делать одолжения и заниматься поиском вашей планеты, как не могу выпотрошить сверхновую звезду или зажарить яичницу.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь, — ободрил его Клерк. — Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам доставляю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Посланец заговорил.

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами его не знаете? Хотя Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика, чтобы считаться практически бесконечной. Существо, не знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имею о местожительствах.

— Вы могли бы спросить.

— Мне в голову не приходило... Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так сложно выяснить, куда переместилась моя планета?

— Это невероятно трудно, — сказал Клерк. — «Куда» — только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» планеты.

— Да хоть Зеленым Сыром назовите, мое какое дело?! — внезапно взорвался Кармоди. — Как другие находят дорогу домой?

— Они полагаются на свой наследственный инстинкт гнезда, — ответил Посланец. — Кстати, разве у вас он отсутствует?

— Откуда у него инстинкт гнезда? — негодуя вставил Приз. — Парень никогда не покидал родной планеты. У него такого инстинкта и развиться-то не могло.

— Справедливо. — Клерк устало вытер лицо. — Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина с ее благочестивыми ошибками.

— Только одна на пять биллионов, — сказал Компьютер. — Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не осуждает, — смягчился Клерк. — Никто никого не винит. Но мы должны решить, что с ним делать.

— Нелегкое это дело, — вздохнул Посланец.

— Конечно, нелегкое, — вздохнул Клерк. — А может, мы все-таки казним его? — предложил он, оживившись. — Прикончим, и дело с концом.

— Но-но! — подал голос Кармоди.

— О'кэй. Согласен, — сказал Посланец.

— Что вам о'кэй, то и мне о'кэй, — присоединился Компьютер.

— Я не в счет, — сказал Приз. — В данном случае я не могу вмешиваться, но в самой идее мне чудится какой-то изъян.

Кармоди произнес пылкую речь о том, как ему не хочется умирать, и что убивать его не следует. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Однако его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите, — вдруг просиял Посланец. — А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль, — согласился Клерк.

— Таким способом, — продолжал Посланец, — мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И давайте поспешим, — предложил Клерк, — если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы закончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Потом узнаешь, — прошептал Приз. — Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я, кажется, готов, — отозвался Кармоди.

— Готов или нет, отчаливай.

И Кармоди отчалил.

Глава 6

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Растаяли вдали Посланец и Клерк. Галактический Центр стал плоским, уподобившись скверно намалеванной театральной декорации. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла наискось вниз. Края ее отогнулись, открывая крошечную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

— Не бойся, это все зеркала, — шепнул Приз.

Это пояснение еще больше напугало Кармоди. Он старался держать себя в руках, но еще крепче он держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, ему казалось — бесконечно, но сколько именно, установить невозможно.

Затем сцена вдруг снова осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. В лицо дул слабый ветер. Над головой висели три крошечных солнышка. Местность выглядела подиковенней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне, Центр же был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза. И куда же он мог деваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я, — прошипела змейка. — Твой Приз. Просто я принял другой образ. Форма, видишь ли, это функция от среды, а мы, призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии, — посоветовал Приз. — Видишь ли, доктор, мы — призы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, удалось мне это?

— Не очень, — вздохнул Кармоди. — Потом разберусь.

— Вот и умница, — сказал Приз. — Сначала слова будут казаться туманными, но ты разберешься, хочешь ты этого или нет. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, что это произойдет, и очень скоро.

— Что, что произойдет? Что должно случиться?

— Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, даже самое необходимое — то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

— Эти убийцы и ублюдки!

— Ты не должен так легко осуждать убийство, — сказал Приз с упреком. — Это указывает на беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но я процитирую его потом. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Несмотря на значительные личные расходы, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где — вполне возможно — тебе помогут. Они могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше, и где ее, безусловно, нет сейчас. Могли и экстраполировать, пытаясь определить ее предполагаемое местонахождение. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат вычислений был бы неважный. Так что, видишь ли...

Да, но где я сейчас? — прервал его Кармоди. — И что должно произойти?

— Я к тому и веду, — сказал Приз. — Эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис. У нее только один обитатель — Мелихрон Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и еще проживет столько, сколько и представить себе невозможно. Мелихрон в своем роде, — как бы это сказать, — козырный туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий.
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
Чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...

Ну тебя к черту! огрызнулся Кармоди. — Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

Прекрати! с внезапной злостью прошипел Приз. Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — славный Мелихрон.

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

Так где же он?

Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— И сверх того, когда он задаст свой Вопрос, отвечай осторожно.

— Постой! — крикнул Кармоди. — Ты совсем меня запутал. Какой недостаток? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу, — сказал Приз. — Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя.

Валяй, козлик! И не дай всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе в рот хвостик и погрузилась в сон.

— Ах ты клоун стриженный! — взорвался Кармоди. — Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монеты на глазу мертвеца.

Но Приз уже спал. Он не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий миг голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— О-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который возник именно для того, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер мгновенно собрал воды в гигантский смерч, толстостольный, черный, с серебристыми отблесками. Он направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, завывания шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам исторической киноэпопеи «Метро-Голдвин-Майер», только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратилось в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет! — сказал человек. — Я — Мелихрон. Как вам нравится Мой выход?

— Я сражен, — ответил совершенно чистосердечно Кармоди.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон. — Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово, — подтвердил Кармоди. — Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Мелихрон. — Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю, — и Я действительно полагаю, — что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно, — кивнул Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озобоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это Моя планета, — заявил Мелихрон. — И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Какие могут быть возражения? — сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, затем отрывисто сказал:

— Вы Мне нравитесь. Вы разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас, — сказал Кармоди.

— Но Я на самом деле думаю так, — настаивал Мелихрон.

— А я действительно благодарю вас.

— И Я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция, — а Я, видите ли, обладаю огромной интуицией и горжусь этим, — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема, — заявил Мелихрон, — порождена Моим положением. А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слышали, должно быть, что вся эта планета целиком принадлежит Мне. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали: создавали колонии, привозили животных, сажали растения — все с Моего соизволения, но напрасно. Чуждое вещество рассыпалось тонкой пылью, и Мои ветры разносили ее по полям. Что вы на это скажете?

— Поразительно! — сказал Кармоди.

— В самом деле, поразительно. Никакая жизнь не возможна здесь, только Я и Мои продолжения, — подтвердил Мелихрон. — Меня чуть удар не хватил, когда Я понял это.

— Воображаю себе, — сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен, — продолжал Мелихрон. — Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Так было все хорошо и ясно в ту пору, Я жил как в райском саду.

— Это было чудесно, наверное, — заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию, и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней. Осознал Свою исключительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им, мужайтесь, позволил Моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое Моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и

женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей и в то же время частицей Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе и разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве, иногда успешно, а также и в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые были не Я. Потому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны, — отметил Кармоди.

— Да, Я стараюсь быть разумным, — сказал Мелихрон. — Я мог позволить Себе быть разумным. Для этой планеты, — нечего удивляться по этому поводу, — Я был Богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей сущности. Я создавал горы и заставлял течь реки, Я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле, Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть без Моей воли. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины, а Я Создавал восходы и закаты. Мой народ пел о любви, — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что Я вырос, — ответил Мелихрон с горечью и грустью. — Целые эпохи Я упражнялся в творении, а теперь Я стал вопрошать эти творения. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о Моей природе и Моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о Тебе, однако это оказалось и опасно. Я Сам начал поражаться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Я Себе казался.

— А почему вы себя не спросили? Ведь вы же были Богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка, — вздохнул Мелихрон. — Мои творения не видели сути проблемы. Для них Я был Бог, Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, потому что это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим. Примерно так преподносили это Мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием Я удостою их на Небесах.

— А вы и Небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также и Преисподнюю. — Мелихрон улыбнулся. — Вы бы видели лица этих Моих творений, когда Я воскрешал их в раю или в аду. На самом деле даже и самые преданные не верили в потусторонний мир.

— Полагаю, вам это нравилось?

— Только в первое время. Но вскоре приелось. Без сомнения, Я немного тщеславен, но бесконечная лесть надоела Мне до отвращения. Ну скажите, бога ради, зачем же Бога восхвалять за то, что он выполняет свое божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью, чтобы он выполнял свои муравьиные дела.

И что же вы придумали?

Да упразднил все!. Стер жизнь с лица Моей планеты — растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и будущее. Мне надо было подумать в спокойной обстановке. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожил. Я просто воссоединил в Себе частицы Себя. У Меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые все болтали насчет блаженного слияния со Мной. Ну вот они и слились, будьте уверены.

— Наверное, им это понравилось?

— Откуда Я знаю? Единение со Мной и есть Я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, только звучит красивее.

— Необычайно интересно, — сказал потрясенный Кармоди. — Но вы, кажется, хотели говорить со мной насчет какой-то вашей проблемы.

— Именно! Я как раз подошел к ней. Видите ли, Я бросил играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально гово-

ря, чтобы все обдумать. В чем Мое предназначение? Могу Я быть чем-нибудь, кроме как Богом? Вот Я посидел в должности Бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого, самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее Мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим Собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди. — Так-так. Вот в чем дело. — Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. — Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения, — уверил его Мелихрон. — У Меня в запасе вечность. У вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что может случиться? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой, — сказал Мелихрон. — Сначала вы ответьте на Мой вопрос, потом Я — на ваш.

— Но у меня только десять минут.

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, — сказал Мелихрон безжалостно. — К тому же это Моя планета, здесь все идет по Моим законам. Будь это ваша планета — и законы были бы ваши. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй, — уныло согласился Кармоди.

— Девять минут, — напомнил Мелихрон.

Каково объяснять Богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут, — сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

— Мне кажется, — начал Кармоди, — что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто от отчаяния, надеясь, что сам процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах больше смысла, чем в отдельных словах.

— Вам нужно, — продолжал Кармоди, — э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир, и не можете стать внешним по отношению к самому себе.

— Могу, если захочу, — сказал Мелихрон веско. — Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно, — поспешил согласиться Кармоди. — Вот что пока ясно... М-да... Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность.

— Очень разумно, — одобрил Мелихрон. — Вам следовало быть теологом.

— В данный момент я теолог, — сказал Кармоди. (6 минут? 5 минут?) — Вот... Так что же мы будем делать? А может быть, познание реальности, внутренней и внешней... если есть такая вещь, как внешнее познание... в познании самого познания ваша задача?

— Я тоже так думал, — вздохнул Мелихрон. — Простудировал все книги Галактики о мзкрокосме и

микрокосме. Я способный... Правда, кое-что уже подзабыл — ну там секрет жизни или таинство смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал Я также, что учение само по себе — скучноватое и пассивное занятие, хотя и попадаются иногда любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для Меня в учености нет особого смысла. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы художник по натуре?

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Но Я слишком хорошо знал, что следует делать, не допускал ошибок и потому всегда оставался безнадежным дилетантом. И вообще Я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А не сделаться ли вам завоевателем? — предложил Кармоди.

— Какой же толк от чужих миров, если не знаешь, что делать со своим? — возразил Мелихрон. — Кроме того, Мое естество пригодно только для этой единственной планеты. В чужих мирах Мне придется действовать против своей природы.

— Да-а-с, это проблема. Это требует размышлений, — протянул Кармоди.

Я размышлял несколько миллионов лет, пожаловался Мелихрон. Искал цель внешнюю для Меня, но отвечающую Моей внутренней природе. Искал в Себе, искал указания извне. Нет. Не нашел.

Кармоди искренне пожалел бы этого неудачливого Бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало. Сколько осталось? Вероятно, не больше трех минут.

И тут снизошло. Все решалось просто и все разом: и Мелихроновы заботы и его собственные. Вопрос в том, понравится ли это решение тоскующему Богу. Но попробовать было надо, ничего другого не оставалось.

— Мелихрон, — отважно сказал Кармоди. — Я решил вашу проблему.

— В самом деле решили? — переспросил Мелихрон строгим голосом. — Действительно можете решить? Не повлияла ли на ваши слова опасность? Ведь

если Я не одобрю ваше решение, вы умрете через... через 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку, — величественно ответил Кармоди, — поскольку влияние это нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — оживился Мелихрон. — Скорее, Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу, — сказал Кармоди. — Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О небо! Вы в самом деле считаете Меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней ничуть не причастен. Но между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много, — сказал Кармоди.

— Конечно, не слишком много, но это Мой мир, и все здесь подвластно Мне. И время в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для Бога это несложно, только потом много подчисток. Ваши десять секунд будут потом компенсированы двадцатью пятью годами Моего местного времени. Достаточно?

— Более, чем щедро, — сказал Кармоди. — Вы очень любезны.

— Для Меня это мелочь. Теперь, пожалуйста, о главном — давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха. — Решение вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Неужели? — усомнился Мелихрон.

— Должна обязательно, — заверил его Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше?

— Рассмотрим наше положение, — продолжал Кармоди. — Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — Бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всесильны и хотите применить свою силу на пользу. Но для кого? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы не всемогущи.

— Да-да, именно так, в точности! — воскликнул Мелихрон. — Но пока вы не сказали еще, что же Мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вдохнул и неторопливо выдохнул.

— Что делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Да, на благо другим, — подтвердил Кармоди решительно. — Так предопределено. Вы один в своем мире, и, чтобы выполнить ваше предназначение, должно быть нечто внешнее. Однако по сущности своей вы лишены возможности выхода во внешний мир. Значит, внешнее должно прийти к вам. Это же ясно. В своем мире вы всемогущи, вам не нужно никакой помощи, но вы могли бы помогать приходящим к вам и поддерживать их.

— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, — сказал Мелихрон задумчиво. — Но тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко бывают здесь. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, потерпеть придется, — согласился Кармоди. — Но вам-то теперь легче, ведь вы можете изменять время. А что до числа посетителей, то, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать дело.

— Однако проблема остается: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. Не знаю, как вам. Но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.

Мелихрон задумался, и надолго... У Кармоди зачесался нос, он с трудом удержался, чтобы его не почесать. Он ждал. Ждала вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— В этом что-то есть, — произнес он.

— В самом деле? — Душа Кармоди возликовала.

— Да, в самом деле есть. Ваше решение представляется Мне бесспорным и элегантным. Мне кажется, что Судьба, располагающая людьми, планетами и богами, так и рассудила, чтобы Я — создатель — был создан без проблем, а вы — создание — созданы с проблемой, которую может решить только Бог. И что вы прожили свой жизненный срок с проблемой, которую может решить только Бог, ожидая, чтобы Я решил эту проблему, тогда как Я ждал половину вечности, чтобы вы пришли ко Мне.

— Рассказать о ней?

— Я уже разобрался, — объявил Мелихрон. — Да, она поистине достойна Моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой...

— Да-да! Именно в этом.

— И не только в этом. Еще и в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Какую Землю». Впрочем, если бы это было все, тоже хватило бы...

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас.

— Ох! — вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас, будьте как можно внимательней. Я обрисую ваше положение кратко и ясно, используя только часть Моего интеллекта, остальную же направляю на поиск возможных решений. Слушайте, старайтесь понять и не переспрашивайте. У нас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет, — напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука даже для Меня, — сказал Мелихрон. — Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, от этого зависит ваша жизнь.

— Я готов, — сказал Кармоди, сдерживая дрожь.

Глава 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной, — так начал Мелихрон, — заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жизни, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который может быть сформулирован так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов, и сам пожирается одним или несколькими видами.

Ситуация эта универсальна, но она может быть смягчена в зависимости от обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия. Они проживают свой жизненный срок, несмотря на наличие пожирателей. Это Равновесие выражается уравнением ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители видов перемещаются в чуждую или экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка случается временное улучшение ситуации Ем-Едят ($ПП = EE + 1$). Типичное, однако, ухудшение ($ПП = EE - 1$).

Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация ($ПП = EE - 1$) была, к сожалению, временной. Железные законы Равновесия

уже начали действовать: и вы не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Он кармодияден — может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди; челюсти, чтобы грызть именно одних Кармоди; желудок, чтобы переваривать Кармоди. Все его существо создано так, чтобы иметь преимущество перед вами... Но, если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства... Такова ситуация, Кармоди. Вы Меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно только что проснулся.

— Понял, — с трудом выговорил он. — Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли, — сказал Мелихрон, — потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть эту планету. Даже на собственной планете Я не вправе отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у Меня больше времени — ответил Мелихрон. — Но это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала нужно определить, Куда ушла ваша планета в настоящий момент, затем узнать, Какая из альтернативных Земель ваша, и еще вычислить временные обстоятельства вашего рождения, чтобы найти Когда. Еще надо учесть эффект временных трещин * фактор удвоения, и в результате при известном везении Я вернул бы вас в ваше собственное «я» (удивительно деликатная операция), стараясь, чтобы все не пошло прахом.

Вы сделаете это для меня? — взмолился Кармоди.

Нет. Времени уже нет. Но Я отошлю вас к Моему другу Модсли. Он может помочь вам.

* О фантастических трещинах во времени, где люди удваиваются, Р. Шекли написал отдельный рассказ «Раздвоение личности».

К вашему другу?

Ну, не совсем друг, скорее, знакомый. Хотя можно было бы назвать это связью. Видите ли, однажды, некоторое время тому назад, Я собирался покинуть свою планету, познакомиться с другими мирами. Если бы Я сделал это, Я встретился бы с Модсли. Путешествие Мое не состоялось, но мы оба знаем, что могли бы встретиться, потолковать о том о сем, поговорить, пошутить и расстаться с теплым чувством.

— Мне представляется, что это не слишком прочная связь, — усомнился Кармоди. — Нет ли у вас кого поближе?

— Боюсь, что нет, — сказал Мелихрон. — Модсли — Мой единственный друг. И к чему сомневаться? Возможность связи не хуже, чем связь состоявшаяся. Я уверен, что Модсли позаботится о вас.

А если... начал Кармоди.

Но тут он заметил, что за левым плечом его возникло нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду! крикнул он. И спасибо за все.

Не стоит благодарности сказал Мелихрон
Ведь это Моя Вселенская миссия помогать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но, прежде чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

Глава 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лутами темнела бахрома леса. Виднелись снежные вершины гор. Седые облака цеплялись за их клоны.

Сбоку мелькнуло что-то красное. Кармоди повернулся. Кажется, это была лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

«Похоже на Землю» подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который был зеленой змейкой. Ощупал шею. Приза не оказалось.

А я тут!

Кармоди огляделся, увидел маленький медный котелок.

Это ты? спросил Кармоди, ощупывая котелок с сомнением.

Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э... Ты того... несколько изменился...

— Да, изменился, — сказал Приз. — Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется.

Кармоди заглянул в котелок и чуть не выронил его. Внутри было ободранное и полупереваренное тело маленького зверька, может быть, котенка.

— Что это у тебя там внутри?

— Завтрак, мог бы и догадаться, — ответил Приз. — Перехватил кое-что по дороге. Между прочим, призам

тоже нужно подкрепляться, добавил он язвительно. — Да, они нуждаются и в отдыхе, в небольшом моционе для пищеварения, а иногда и в рюмочке, однако, с тех пор как меня вручили тебе, ты ни о чем не позаботился.

— Но у меня с собой ничего не было, смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно это все? — переспросил Приз с удивлением. — Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я думал о тебе, как о некой отвлеченной фигуре без житейских потребностей.

— И я о тебе так же в точности, — признался Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому, — согласился Приз. — Гости из других миров, видимо, всем представляются этакими... бетонными, монолитными, без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии, — пообещал Кармоди.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки, — сказал Приз. — А теперь могу я доесть свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди хотел было взглянуть в котелок, посмотреть, как это он переваривает ободранное животное, но отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно, — сообщил Приз. — Я оставлю тебе кусочек.

— Нет, не надо я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити», — сказал Приз. Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и тушеные в собственном соку. Лучший сорт — белый с крапинками, он вкуснее, чем зеленый.

— Я запомню, — пообещал Кармоди. — Возьму, если они попадутся. А земные люди могут их есть?

— Думаю, что могут, — сказал Приз. — И, между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити декламируют стихи, прежде чем ты его съешь.

— Гриб и стихи? Почему стихи?

— Потому что орити хорошие поэты.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими галактянами! Думаешь, что разобрался до тонкости,

оказывается, не понимаешь ничего. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а в действительности все проще простого.

«В самом деле, — подумал он. — Может быть, потому чужаки и кажутся такими чуждыми, что на самом деле они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

— Уррп! — произнес Приз.

— Что ты сказал? Я не понял.

— Я просто рыгнул, извини, пожалуйста. Но, как бы то ни было, старик, ты должен признать, что с Мелихроном я провернул очень ловко.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его...

— Боюсь, что ты заблуждаешься, — сказал Приз. — Я заснул исключительно для того, чтобы сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел, — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда, — настаивал Приз. — А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, где ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте Бога в мироздании и его предназначении?

— Я был первым по философии в колледже.

— Большое дело, — хихикнул Приз. — Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя не хватит интеллекта. Это не в твоём характере.

— Не в моём характере? У меня превосходные данные для экстраординарной логики.

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!

— Да, я придумал все это. Я думал. Я помню свои мысли, — настаивал Кармоди.

— Ну, как хочешь, — согласился Приз. — Я не представлял себе, что это так важно для тебя, не хотел обидеть. Скажи мне, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда. А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда разговор закончен, — объявил Кармоди, чувствуя себя почему-то победителем. — Но ты скажи мне еще...

— Что еще?

— О каком это недостатке Мелихрона ты упоминал, чтобы я не намекал на него?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часок, может быть, до тебя дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так ведь он же хромой, — засмеялся Приз. — Это у него генетическое. Но он никогда не знал, что это недостаток. Он же Бог и потому отвергает сравнительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и он поэтому уверен, что все хромые — нормальны, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогуц Бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит собой. Неумение сравнивать — основной порок богов. Учти — на случай, если сам надумаешь стать Богом.

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? Профессия как профессия, только титул громкий. Быть Богом нелегко, конечно. Но не труднее, чем стать первоклассным поэтом или, скажем, инженером.

— По-моему, ты спятил. — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними на почтительном расстоянии следовал десяток других...

— Тот, что в середине, — Модсли, — сказал Приз.

— А у него тоже есть своя хромота?

— Если и есть недостатки, они малозаметны. С ним надо разговаривать иначе.

— Выглядит как человек, — заметил Кармоди.

— Верно. В этом краю Галактики такой облик в моде. Поэтому ты можешь привлечь его внимание, даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется, — гордо сказал Кармоди.

— Все не так просто, как кажется, — возразил Приз. — У нас с Модсли слишком разные натуры, я не всегда понимаю его, но кое о чем могу предупредить. Он — инженер, опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно, когда увлечен новыми испытаниями. И вот в рассеянности все, что ни попадается, он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли и не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал — совершенно без злого умысла. Дьюер теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — воскликнул Кармоди. — И ничем нельзя помочь?

— Никто не решается указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать их, совершенно выходит из себя. Но тревожиться заранее не надо. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, чтобы его хвалили, как все люди и боги, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что такой совет не лучше, чем никакой, но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр, — отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону. Увлеченное разговором трио чуть не сшибло его с ног.

— Скверное начало, — шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

Глава 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр, — гордо ответил Орин, тот, что трусил слева. — Ну и как она выглядит, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр, — запинаясь начал Бруксайд. — Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная планета.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся, сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам обоим построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподнесли мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. — «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр, — сказал Орин.

— Правильно, — кивнул Модсли. — И вы считаете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

Да, сэр считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34Вс4 с некоторыми изменениями. В точности это мы и выстроили. Конечно, это лишь уголок планеты. Но все же...

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили в целом. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! И если вы не уложите, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр, — сказал Бруксайд, — Вообще-то нам не хотелось ставить солнце в однопланетную систему. Однако технические условия...

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь? — вскричал Модсли. — Тип 05 — явное излишество. Эй, вы, там, — он подозвал рабочих. — Снимите!

Рабочие подставили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвигал в сто раз, в тысячу раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх так же быстро, как она росла.

Осторожней! крикнул Модсли. — Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие там наверху, на самом верху лестницы, — отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!» Крышка закрылась, и настала тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылал Модсли. — Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кэй, — сказал Модсли. — Это солнце 05 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр, — нервно заметил Орин, — она недостаточно горяча.

— Знаю, — сказал Модсли. Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит, — вмешался Бруксайд, — Но звезда G-13 излучает РР-лучи. Если не будет должной

дистанции, они не успеют рассеяться. И могут погубить будущее население планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил очень медленно и отчетливо Модсли.

— Нет, я имел в виду не это, — замаялся Орин. — Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине, — согласился Модсли.

— Мера предосторожности в данном случае, — пояснил Бруксайд, — это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но, поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота, — отрезал Модсли. — Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который я поставил на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно, — мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает РР-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну, не сейчас, так позже, — отмахнулся Модсли. — И ведь РР-излучение действует не мгновенно. Даже при нем средний срок жизни 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр, — без особой радости сказали оба инженера.

— Далее, — продолжал Модсли. — Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря, — ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку, — сказал Модсли. — Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— У этих деревьев какой срок жизни?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубо-яблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, великолепный строительный материал, закрепляют почву и...

— Вы хотите, чтобы я стал банкротом! — закричал Модсли. — Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте большую часть их жизненной силы и слейте в бак!

— Тогда они не успеют выполнить свое жизненное назначение, — возразил Орин.

— Ну и обрежьте назначение! Орехи, тень, и хватит. Незачем делать из каждого дерева сундук с сокровищами. Ну, а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр, — признался Бруксайд. — Я думал, что местность с ними... ну, как бы уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли. — Местность должна выглядеть уютнее до продажи, а не после. Эту планету купили без обстановки. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Слушаюсь, сэр, извините. — Орин склонил голову. — Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Но вы и сами можете сообразить. Например, что это? — Он указал на Кармоди. — Статуя или еще что-нибудь? Должна петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли уже распоряжался:

— Что бы то ни было, безразлично. В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие. — Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Меня прислал Мелихрон! Подождите! Пойдите! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не вникая в вопли Кармоди. — Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин, да?

— Нет! — крикнул Орин. — Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу это, сэр.

— Н-да, — задумался Модсли. — Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим. — Тащите его назад.

— Ну, все в порядке, сэр, возьмите себя в руки, — сказал он дрожащему Кармоди. — Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения, и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

Глава 12

— Ясно, — сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ. — Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету по имени Земля.

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли почесал лоб. — Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожая на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие дела, — продолжал Модсли. — А в этом случае причина особая. Дело в том, что это я построил вашу Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, я отлично помню это, потому что, пока я ее строил, я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной... А вы, — он обернулся к помощникам, — вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ ЗЕМЛИ

Я был тогда совсем скромным подрядчиком, — начал Модсли. — Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, — карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой мелочи: «Переделай тут, переделай там, и поче-

му это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, а лучше бы ему спускаться?». И тому подобное. А я был совсем наивным тогда и принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения и с практической. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары! И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда, и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и основа прикладной науки». И мне понравилось, как это звучит, хотя особого смысла тут не было.

Не в смысле сути. Суть в том, что я сделал открытие. Ведь я же вынужден был заниматься рекламой и продажей, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородастый старик с пронзительным взглядом. (Вот так начиналась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы послушали того заказчика, — можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

— Зачем столько ураганов? — приставал он.

Я сказал:

— Это часть вентиляционной системы. (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти планеты залито водой, — брюзжал он. — Я же ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить, — объяснял я. (А я давно засунул куда-то эти дурацкие условия. Никогда не храню эти проекты на одну планетку.)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!

— Это сценично, — уверял я.

— Плевал я на сценичность, — гремел этот тип. — Один океан, дюжина озер, парочка рек, одна-две горные цепи — и предостаточно, чтобы украсить местность, создать хорошее настроение. А вы что мне подсунули? Шлак!

— На то есть причина, — сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же об этом.)

— Причина, — застенал он. — А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым взглядом, как у меня. Что мне сказать им?

Я-то знал, что им сказать, и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И нашел-таки — некую штуковину — всем фокусам фокус.

— Вы честно скажете им научную истину, — заявил я. — Скажете, что так и должно быть по науке.

— Как?

— Это детерминизм, — сказал я. Название пришло экспромтом. — Совсем просто, хотя и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из содержания. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И, наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: «Почему так, а не иначе?». Вместо этого каждый обязан изучать, как это действует.

Ну он задал мне еще несколько каверзных вопросов. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил:

— «Все действительное — разумно!» Это весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма;

надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но, скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стенке. Но я улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал:

— Ответ очевиден.

Это всегда лучший ответ, когда не знаешь, что сказать.

— Вполне возможно, что очевиден, — сказал он. — Но я его не постигаю.

— Ну, поглядите, — сказал я. — Эта свободная воля, которую вы намерены подарить своему народу, ну есть ли это разновидность судьбы?

— Ну, можно и так считать, — смутился он. — Но есть и разница.

— А кроме того, — быстро прервал я, — с каких это пор свободная воля и судьба несовместимы?

— Конечно, они несовместимы, — сопротивлялся он.

— Это потому, что вы не понимаете науки, — напирал я, проделывая свой трюк перед самым его крючковатым носом. — Видите ли, среди законов науки есть и закон случайности. Случайность, — вы это знаете, наверное, — и есть математический эквивалент свободной воли.

— Но вы противоречите сами себе, — упирался он.

— А противоречие, сэр, еще один фундаментальный закон науки. Противоречия рождают борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни Вселенной, если там случайно не окажется противоречий.

— Случайно? — быстро переспросил он.

— Ясно как день, — подтвердил я. — Но это еще не все. Возьмите, например, одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал старик. — Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели? ошарашенно произнес он.

— Безусловно, заверил я его. Я получил бесспорные доказательства в своей лаборатории, но демонстрация будет скучновата.

— Нет, пожалуйста, мне достаточно вашего слова, — уклонился он. И кроме всего, мы же доверяем друг другу.

Доверие это все равно что контракт, но звучит благороднее.

— Единство противоречий, бормотал он. Детерминизм. Тенденции превращаются в свою противоположность. Все это так запутанно.

— И эстетично в той же мере, — возразил я. — Однако я еще не закончил насчет предельных превращений.

— Продолжайте, будьте добры! — попросил он.

— Спасибо. Так вот есть еще энтропия. Это означает, что количество движения сохраняется, если нет внешних воздействий (хотя иногда в моих опытах и при наличии внешних воздействий). Итак, энтропия ведет вещество к своей противоположности. А если одна вещь движется к противоположности, тогда, значит, и все движется к противоположности, поскольку наука требует этого. Такая вот картина. Все противоположности превращаются в свои противоположности, как безумные, и становятся своими противоположностями. И точно так же на более высоком и на высшем уровне организации. Чем дальше, тем больше! Так, да?

Кажется, так, — согласился он.

Прекрасно! А теперь возникает вопрос: все ли это? Кончается ли на этом наш футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда, как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что... (здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном) потому что есть скрытая мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в более глубоких деяниях Вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может быть вещь одновременно реальной и иллюзорной? спросил он быстро.

Не мне отвечать на такие вопросы, — сказал я. — Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но, может быть, за всем этим кроется нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, он мог мне указать на несоответствия не хуже всякого другого, и все мои рассуждения рассыпались бы в прах. Но, как и все эти очкарики яйцеголовые, он сам увлекся противоречиями и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе просто не может быть таких выкрутасов, но интеллект нашептывал, что, может быть, вещи только кажутся такими сложными, а на самом деле за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если не принцип, то хотя бы мораль. Короче, я подцепил его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был прямо-таки начинен этикой, впору хоть величай его «мистер Этика». А я случайно подкинул ему идею, что вся эта кровавая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощение высоких нравственных принципов.

Пожалуй, все это глубже, чем я думал, сказал он, немного помолчав. Я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «Как и зачем должен жить человек?», а не «Из чего состоит живая материя?» Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс которые изучают звезды и радуги, а потом создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о Вселенной и до сих пор считал все эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну, сказал я. — Мне не хотелось доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся.

— Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо больших хлопот. Для меня важна свобода воли. Мои создания будут вольны радоваться и печалиться. Я мог бы создать их в точности по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир копиями самого себя. И они получают эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой, будут носиться с ней и превра-

щать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут рваться к познанию вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и я вам за это признателен.

Я вздохнул с облегчением. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я сразу смекнул, что он ноль без палочки, и знакомств в высших сферах у него нет, но держался он как аристократ. Все время я чувствовал, что, сказав лишь несколько слов, он может доставить мне немалое беспокойство, как бы воткнув в мозг ядовитое жало. И это тревожило меня.

Да, сэр, и вот этот старый шут, должно быть, прочел мои мысли. Ибо он сказал:

— Не бойтесь! Я принимаю без переделок этот мир, который вы построили для меня. Он хорошо послужит мне таким, какой он есть. Что же касается дефектов и пробелов, я тоже их принимаю с благодарностью и оплачу их.

— Как? — спросил я. — Как вы будете платить за пробелы и дефекты?

— Я принимаю их без возражений, — величественно сказал он, — и ухожу от вас прочь, чтобы заняться своими делами и делами своего народа.

И старый джентльмен удалился, не добавив ни единого слова.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны оправдывать наши действия. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказчиками после того, как работа выполнена, а не

перед этим. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, а затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что науки созданы, как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но они не должны быть использованы против вас. Наша работа необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не старайтесь объяснить, почему не получилось. Не спрашивайте и воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, как у обращенных в новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают эти слова в закон.

Глава 13

Закончив рассказ, Модсли долго молчал, мрачно хмурился, — видимо, его донимали грустные мысли. Затем он поднялся и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я вношу взносы в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродиков. Я плачу также в Проект Межзвездной Перестройки, в Космическую Зону Отдыха и в программу «Спасите молодежь!». Этого достаточно, по-моему, к тому же все это учитывается при выплате налогов.

— Ладно, — огрызнулся Кармоди, ощутив внезапный укол самолюбия, — я не нуждаюсь в вашем милосердии.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли. — Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей потребности оказывать помощь. Кроме того, я не люблю иметь дело с различными просьбами. Они запутаны, нестандартны и очень хлопотливы.

— Понимаю, — согласился Кармоди. — Ну так я пойду, пожалуй, — добавил он, хотя и не имел ни малейшего понятия, куда он пойдет и что будет делать.

— Я просил не прерывать меня, — повторил Модсли. — Да, я не люблю персональных просьб, как я говорил уже, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему именно для меня исключение? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли. — Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди...

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой, что сомнительно, даже и при моей помощи, я попросил бы вас передать некое послание.

— Обязательно! А кому?

— Ну, само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще там.

— Не знаю, — сказал Кармоди. — По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он есть, другие считают, что он умер давно (хотя я полагаю, что это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его и не было никогда.

— Он еще там, — убежденно сказал Модсли. — Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Он личность с настроениями. Начинен всякой высокой моралью и ждет, чтобы его народ жил по этой морали. Конечно, он раздражителен, может и исчезнуть из виду, если дела идут не так. Но бывает и деликатен, знает же, что люди не любят никаких излишеств: чересчур много ростбифа, чересчур много женской любви или Бога. Так что он ушел не простившись и вернется, когда у людей снова появится аппетит, интерес к нему, я имею в виду.

— Похоже, что вы хорошо его понимаете, — заметил Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте сказать вам, — возразил Кармоди, — что ваша точка зрения не совпадает с нашим представлением. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив...

— Он должен быть таким, — прервал Модсли. — Он в высшей степени эмоциональное существо. Такой же, как вы и как другие люди, ваши товарищи.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие. Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Так и сделал, очевидно. Я сразу заметил у вас семейное сходство. В каждом из вас есть немножко от Бога, хотя вы и не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но у меня никогда не было контактов с Богом, — усомнился Кармоди. — Я даже не представляю, как передать ему ваше послание.

— Ну, это просто, — сказал Модсли с оттенком раздражения. — Когда попадете домой, вы просто должны произнести его громко и отчетливо.

— И, вы думаете, он услышит?

— Он не может не слышать. Это его планета, как вы знаете сами, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Кармоди. — И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много, — вдруг замялся Модсли. — Ну, что он достойный старый джентльмен, и мне немного стыдно за ту планету, что я ему подсунул. Вредного в ней нет ничего, она пригодна для жизни, но этот старикан, он — джентльмен в высшей степени, здесь не может быть никаких преувеличений. Так что я как бы не против обновить вашу планету, всю целиком, и совершенно бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он пойдет на это, я могу превратить вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же на самом деле чертовски хороший инженер; не надо так уж осуждать меня за всякую муру, которую я наворотел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему, — пообещал Кармоди. — Но, если по-честному, не думаю, что он примет ваше предложение.

— А разве я думаю? — мрачно отозвался Модсли. — Он упрямый старик и не хочет никаких одолжений. Но я хочу сделать еще одно предложение со всей искренностью. — Модсли помедлил и добавил: — Вы спросите его, не любит ли он прогуляться и поболтать иногда.

— Почему бы вам не пойти самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. Он немного мстителен, этот ваш старик. Но, может быть, он смягчится?

— Может быть, — с сомнением сказал Кармоди. — Так или иначе, но я скажу ему. Но если вам хочется встречаться с богами, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли запрокинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? Этим имбецилом? Он помпезный, самовлюбленный осел; у него нет никаких достоинств. Лучше с собакой рассуждать о метафизике, чем тратить время на такого Бога. Божественность, говоря технически, — это сила и мощностъ, это потенциал. В ней нет ничего магического. Вообще нет двух одинаковых богов. Вы знали это?

— Нет, не знал.

— Ну так намотайте себе на ус. Никогда вы не получали более полезной информации.

— Спасибо, — сказал Кармоди. — Но знаете ли, до сих пор я не верил в Бога вообще.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога и богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога так же легко и естественно, как верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к нашей вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. В каком месте Галактики вы бы ни оказались, везде вы найдете бизнес: пищевой, строительный, военный бизнес, мирный бизнес, правительственный и, конечно, божественный, который называется «религией». И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но, наверное, вы слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и кажется мне особенно противной.

— Что это?

— Глубочайшее лицемерие, на основе которого зиждется религия. Судите сами: ни одно существо не будет молиться, если оно обладает свободной волей. Будучи свободной, она свободна, неуправляема и непредсказуема. Поистине божественный дар. Необязательность делает возможной свободу. А что предлагают служители религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободной волей, а теперь вы должны использовать эту свободную волю, чтобы стать рабами Бога и нашими заодно». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображен таким верховным рабовладельцем.

Да услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободной воли, Богом данному.

— Думаю, что я понял вас, — сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно, — продолжал Модсли. — Но есть и более простая причина, достаточная, чтобы избегать религии.

— Какая же?

Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, Бога я в церкви не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?

Глава 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен сам себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную, — объяснял ему краснолицый мастер. — Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— Протоны и электроны вы тоже делаете сами? — поинтересовался Кармоди.

— Ни-ни! Мистер Модсли не хотел возиться с этой мелочишкой. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла, — сказал мастер. — Она же взрывается, когда входит в контакт с материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

Кармоди ходил и ходил, пока у него не заболели ноги. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот он оказался у самого истока мироздания, там, где изготавливаются атомы, где сепарируется антиматерия. Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный завод для ремонта старых звезд. Однако прогулка по фабрике Модсли вызывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну утрюмого раздражения и тупого бунта ощущал он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Восхищение рождается только от удивления. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать. Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признался себе, что с гораздо большим удовольствием катался бы на лыжах или скользил бы на паруснике возле адского моста, что у Таити, чем разглядывал все чудеса Вселенной.

«Видно, я не из породы Фаустов, — сказал он себе. — Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем пушистом снеге».

Сначала Кармоди стыдился, но под конец взбунтовался. Даже и Фауст не ходил все время по выставкам. Фауст сам высиживал свои открытия. Если бы Дьявол выдал ему все знания готовенькими на подносе, Фауст бросил бы науку и занялся альпинизмом или еще чем-нибудь в таком роде.

«Здесь мне открывают секреты Вселенной, — продолжал рассуждать Кармоди, — и я вижу, что их ценят чересчур высоко. Ведь стоит подойти поближе, и поймешь, что ничего чрезвычайного здесь нет. Вот так идут дела, и ничего сверх того».

Даже если это рассуждение и было неверным, оно, по крайней мере, утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения. Время тянулось. У Кармоди сложилось впечатление, что для Модсли легче построить новую планету (за шесть дней,

как известно), чем отыскать старую. И, понимая всю сложность дела, Кармоди тем не менее впал в уныние.

В один прекрасный условно говоря день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кетс 11 взамен старого, разрушенного метеоритом. Новый лес был уже полностью оплачен, и обещали кругленькую сумму, если исполнение будет признано первоклассным.

Лес был перлом творения. Там имелись уютные лужайки для прогулок, осененные широколистными кронами с пестрым подлеском. Породы были незнакомые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному. Были там и шумные ручьи, широкие, но не глубже трех футов, были миниатюрные болотца, мангровые рощи и кедры, магнолии и ивы, вольно перемежающиеся кокосовыми пальмами. Подальше от воды росли дикie сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжиры. Превосходнейшее место для пикников!

Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на лозах винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы, и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы пожирать медведей.

И так как приматы умирали тоже, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни и смерти. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой. Приматы Кетса тоже умирали, их хоронили в лесу без гробов, с уважением и без лишней суеты, и тело их поедали черви, лисы, медведи и даже один или два вида цветов. Таким образом

кетсиане тоже занимали важное место в лесном цикле экологии.

Кармоди наблюдал все это, прогуливаясь в одиночестве с одним только Призом (все еще в виде котелка), грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, птицы плавали в пруду. Кармоди обернулся, насторожившись, чувствуя, что позади творится что-то необычное.

И увидел существо в громоздком сером скафандре из пластика, прозрачном шлеме пузырем и с доброй дюжиной инструментов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди увидел, что это земная женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди. — Как это вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин. — Слава богу, что мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, что самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хоть один шанс, отец? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда, — ответил мужчина с мрачной улыбкой. — Но сам я не ручаюсь ни за что. Может быть, док Мэддокс придумает что-нибудь.

— Ну он-то всегда на высоте, правда, пап? — сказала девушка.

— Именно так, Мэри, — отозвался отец. — Доктор Мэддокс выше всех нас на голову. Но так или иначе, мы им покажем, что и в наших котелках есть кое-что.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

Вытащив из-за пояса курносый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, бросив на Кармоди взгляд через плечо. Кармоди последовал за ней.

Глава 15

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах. — Эй, кто вы?

— Это просто ужасно! — воскликнула девушка, краснея от смущения. — Мы даже не представились в спешке. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы, — любезно возразил Кармоди. — Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю, — сказала девушка. — Я — Эви-ва Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»! — крикнул Кристиансен, не оборачиваясь. — Зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап, — прервала его Эви-ва с напускным нетерпением. — Как бы то ни было, мистер Кармоди...

— Меня зовут Том.

— Хорошо, Том, — согласилась девушка, мило краснея. — Так о чем это я? О да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ. Не знаете? Это Земная Ассоциация Межзвездных Изысканий — отделения в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне.

— Боюсь, что не слыхал об этой организации, — заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии экспериментирования. Но близок день, когда космические корабли с земными пилотами полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И, конечно, это откроет эру всеобщего мира и дружного труда на всей нашей старой, усталой планете.

— Откроет новую эру? — переспросил Кармоди. — Почему?

— Потому что не будет больше причин для войн, — ответила Эвива, несколько запыхавшись, потому что все трое пробирались сквозь густой кустарник. — В Галактике бесчисленные миры, как вы могли заметить сами, и достаточно простора для социальных экспериментов, и приключений, и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне, вместо того чтобы растрачиваться на одной планете в разрушительных войнах.

— Малютка чепухи городить не будет. Здесь все верно — сказал Ларс своим внушительным, грубым, но дружелюбным басом. — Между прочим, она у меня доктор философии и нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган. — Эвива покраснела снова. — Но у него самого в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами грозными и влюбленными.

— Но вернемся к делу, — продолжала Эвива. — Дела такие, вернее должны быть такими через пару лет. Но главная заслуга тут доктора Мэддокса, с которым вы вскоре встретитесь. — Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что я выдам секрет, если скажу вам, что доктор Мэддокс... э-э-а... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова, — прохрипел Ларс Кристиансен. — Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Это доктор Мэддокс поставил проект на рельсы, — вступила Эвива. — Он просчитал все будущее, —

как он это сделал, я не знаю, но установил, что скоро у нас будут космические корабли, способные долететь до любой звезды. И масса людей сможет отправиться в космос без специального оборудования и навигационных приборов...

— Масса дураков недоделанных, — комментировал Кристиансен.

— Ну, папа! Но как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако организованного галактического патруля не будет еще 87 238 874 года. Так что, сами видите...

— Вижу, — согласился Кармоди. — А вы решили, не дожидаясь, приступить к делу.

— Да, приступили, — сказала Эвива просто. — Папа очень любит помогать людям, хотя это незаметно из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, ну, он вершина вершин.

— Он-то туз козырной масти, — добавил Кристиансен. — Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев, — сказала Эвива почти шепотом. — Известно, что род Мэддокса можно проследить только на два столетия, но это очень странная история. Эллил Мэддокс — прапрадед нашего доктора — был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд Гринджи и, один из немногих, сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их должны были найти там, — вмешался Кристиансен. — Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Мексике, штат Оаксака. Томас Мэддокс, — так он подписывался, с одним «д», — женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас был в отъезде, объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха

де Муэрте Красная Звезда Смерти (в дальнейшем отождествленная с большим, очень радиоактивным метеоритом) упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, среди них Томас и Тереза.

— Затем мы подходим к 1930 году, — подхватила Эвива. — Следующее поколение Мэддоксов, уже порастерявшее богатство, переехало в Лос-Анжелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно — рентгеноскоп. Мэддокс демонстрировал его два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а может быть, благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын, — продолжал Ларс, — не знаем по какому поводу, переехал в Японию в 1935 году и стал монахом, дзен-буддистом. Все военные годы он прожил в Хиросиме в углу заброшенного здания. Его не трогали, считали не американцем, а индусом. Убежище Мэддокса оказалось всего в 7,9 миль от эпицентра взрыва. После атомного взрыва Мэддокс немедленно оставил Хиросиму и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в это время, ламы специально ожидали Мэддокса. И он остался там, посвятил себя изучению некоторых тантр, там и женился на принцессе королевской крови из Кашмира, от которой у него был один сын — Оуэн, наш доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения красных китайцев. Оуэн учился в Гарварде, Йейле, Оксфорде, Кембридже, Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история, но вы услышите ее в более удобной обстановке. А сейчас — на корабль, и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на большой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на

каждой руке, а в огромных шишках на лбу мог поместиться еще один мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту, — сказал он. — Линии враждебных сил очень близки к критической точке пересечения. Быстро в корабль, все трое! Мы должны включить защитное поле.

Ларс Кристиансен решительно зашагал ко входу; чувство собственного достоинства не позволяло ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку. Он заметил, что она дрожит, отметил также стройные линии ее фигурки, хотя сейчас она не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение, — бормотал Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк. — Мои расчеты допускали, конечно, такой пункт скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя было предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли, — сказал он. — Быть может, нужно даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном. — Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно, — проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду, — сказал Мэддокс, — что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши и еще жизни нескольких дюжин миллиардов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, Том, скорее, скорее! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно, — сказал Кармоди, — но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение

— Получите, получите, — сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк. — Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Ум человеческий склонен дорисовывать образы. Две-три кривые складываются в гору, из нескольких ломаных получается волна. Но сейчас образы спутников разваливались на глазах. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены, они не смотрели никуда, они были как глазки на крылышках бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, где темная линия обозначала рот. Пальцы Мэддокса были просто нарисованы на его бедрах.

Образы людей развалились полностью. Не было ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Три пальца гигантской руки, три безликих цилиндра надвигались на Кармоди, стараясь втолкнуть его в утробу корабля. Он увернулся от них и ринулся к свету, но в отверстие люка высунулись зубы. Блестящие черные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, загораживая все уменьшающийся кружок света. Кармоди боролся с отчаянием мухи, увязшей в паутине (сравнение точное, но понимание этого пришло поздновато). Три пальца крепко держали Кармоди, уже невозможно было угадать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (если только это был корабль) стали влажными, красными, живыми и проглотили Кармоди.

Спасения не было. Он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, мог только потерять сознание.

Глава 16

Как бы издалека он услышал голос:

Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

Я оплачу все расходы, — сказал другой — голос Модсли. — Можно его спасти?

— Спасти можно, — произнес третий, по-видимому, врач. — Возможности медицины неограниченны, ограничены возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы ему не повиновались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз. — Вы можете ему?

— Вы задали слишком трудный вопрос, — сказал доктор. — Чтобы ответить на него с идеальной точностью, надо сначала определить термины. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Они жаждут войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, позвольте доложить вам, и осуществима тогда лишь, когда уиичи становятся старыми и бесчувствен-

ными. И что же должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать желанию уиичи, что порицается во всех почти уголках Галактики? Или же действовать на основе обычной медицины и обрекать уиичи на судьбу, которая для них в буквальном смысле хуже смерти?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него очень скверное положение, — успокоил доктор. — Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, — не более, чем временное окоченение. Вульгарные разговоры о смерти неуместны при данном недомогании.

— Но как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв, — успокоил доктор. — Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не очень ясны, — возразил врач. — Моя работа трудна без надлежащей точности.

— Я хотел сказать: можете вы вернуть его в исходное состояние?

— Ну это уже довольно точное определение, тем более что вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумел бы участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих при каждом ударе сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Только приблизительно мы можем приблизиться к прошлому образу, но никогда не повторим его. Это весомый вопрос, господа.

— Чертовски сложный, — согласился Модсли. — Но предположим, вы сделаете его насколько можете ближе к прежнему? Это для вас трудно?

— Только не для меня, — сказал доктор. — У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым отвратительным. Не могу сказать, что стал совершенно бездушным, но с трудом я научился грустной необходимости не обращать внимания на надрывающие душу процедуры, необходимые в моей профессии.

— Ладно, док, заткнись! — взорвался Приз. — Давай рассказывай, как ты будешь чинить моего дружка.

— Я буду оперировать, — сказал доктор. — Это единственная возможность. Я расчленю его («разрежу», — говоря вульгарно), уложу члены и органы для сохранения в раствор К-5, затем пропущу мозг и нервную систему через сита с отверстиями разного диаметра. В дальнейшем процедура требует подключения мозга и нервов к жизненному стимулятору, при этом я буду возбуждать синапсы точно отмеренными сериями. Так мы установим разрывы, закупорки, испорченные клапаны и прочее. Установив же отсутствие повреждений, мы разбираем мозг, подходя наконец к контактам тела и разума. Бережно отключив их, мы проверим все внешние и внутренние связи. Если здесь все в порядке, мы открываем резервуар взаимодействия, следя за утечкой, само собой разумеется, и устанавливаем уровень сознания. Если он низок или же исчерпан (в подобных случаях так и бывает почти всегда), мы анализируем осадок и создаем новые порции сознания искусственно. Эти новые порции исчерпывающе испытываются и впрыскиваются в резервуар взаимодействия. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизненным стимулятором. Вот и весь процесс... почти.

— Ух! — вздохнул Приз. — Я и с собакой не обращался бы так.

— Я тоже, — сказал доктор. — По крайней мере до той поры, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте, — решил Модсли. — Ничего не делаешь. Бедный малый так надеялся на нас, мы не

можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, док!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся с неподвластным ему телом. С ужасом слушая, он почувствовал, что друзья причинят ему больше вреда, чем злейшие враги, и наконец он титаническим усилием отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он. — Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся, — констатировал доктор довольным тоном. — Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект, и смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, Модсли помог ему. Приз был тут же, рядом. Он больше не выглядел котенком, превратился в карлика, под влиянием потрясения, по-видимому. А доктор, тощий, высокий и грустный человек в черном, был в точности похож на Авраама Линкольна.

— Что это было? — спросил Кармоди. — Космический корабль, люди какие-то?

— Мы вытащили тебя как раз вовремя, детка, — усмехнулся Приз.

— Конечно, это не корабль, — сказал Модсли. — Это и был ваш хищник — кармодиед. Вы полезли прямо к нему в пасть.

— Полез, — признался Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс на возвращение, — продолжал Модсли. — Вам больше нельзя медлить, Кармоди. У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

Глава 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди крайне важно было понять, что с ним произошло и почему.

Модсли сказал:

— Вселенная соблюдает принцип симметрии. Для каждого мужчины есть женщина, для каждого организма — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ для описания вечного движения жизни) должна соблюдаться хотя бы во имя внутренней необходимости. Жизнь — это созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти.

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов, — оборвал его Модсли. — Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство справедливо, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо отнимает жизнь у других существ в своей природной среде обитания, а третьи существа отнимают жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытки и добываемые не думают о нем, занимаясь вместо этого искусством, или сбором орехов, или объяснением Абсолюта, или еще чем-либо, — всем, что кажется им интересным; и так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обыкновенно представляем себе старой дамой, одетой в черное или

коричневое) не любит открывать свои законы гостям за столом, или же толпе на улице, или же Конклаву и еще кому-нибудь. И вы, Кармоди, не можете избежать неумолимого закона Природы, хотя вы и уцелели у себя на родине. Но здесь, в дальних просторах космоса не существует ваших естественных земных хищников. А раз их не существует, значит, они должны быть созданы.

— Ну да, — сказал Кармоди. — Но этот корабль, эти люди...

— Эти люди не были людьми, только казались. Теперь ясно?

Ясно, увы!

Это было то самое единственное существо, сотворенное специально для вас Кармоди. Оно ваш Хищник-пожиратель, и оно ледует классическому Закону Пожирания

— В чем же суть его?

— 'уть суть — вздохнул Приз Как мило ты ставишь вопрос Можно сколько угодно рассуждать о судьбе и сути а в конце концов приходишь к выводу: «Это есть и все тут»

Я не спорил, я спрашивал, заметил Кармоди. Что это за Закон Пожирания?

— Извини я не понял тебя.

Ничего, все в порядке.

Спасибо

Ничего я не имел в виду...Нет, я имел в виду. Что же такое этот простой и обязательный Закон Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Ну хорошо, — сказал Модсли. — Понимание пожирания присуще всем организмам, как руки, ноги и головы, даже еще обязательнее. Оно фундаментально, как законы науки, фундаментальнее науки, о нем не расскажешь упрощенно.

Но должен же я знать все о пожирателях, хотя бы о моем собственном.

Модсли почесал лоб, подбирая слова.

Ты ешь, поэтому тебя едят, изрек он. — Это общеизвестно. Но как именно сумеют тебя съесть? Как тебя поймают, схватят, как сделают неподвижным и как

приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут в сыром виде? Очевидно, это зависит от личного вкуса того, кто захотел полакомиться тобой. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоём пути, или запутает в паутину, вызовет на поединок, когтями вопьется? Это тоже зависит от природы пожирателя, от его формы и строения. Его природа приспособлена к особенностям твоей. И подобно твоей обладает свободной волей и не подвластна року.

Теперь разберемся. Когти, ямы и паутина прямолинейны, однообразны и не годятся против существ с хорошей памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз не попадется в ту же ловушку. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. У Природы особенное пристрастие к иллюзиям. Через иллюзии идет дорога и к рождению, и к смерти. И чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен предпринимать сложные маневры.

Есть еще и другая сторона дела. Ваш пожиратель создан не специально, чтобы съесть вас. Вы для него самая важная пища, бесплатный подарок, но он не так уж ограничен в выборе еды. Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но люди-то знают, что у сов разная бывает добыча. Так и со всякими хищниками, и с вашим, Кармоди. У хищников есть выбор, поэтому они непредсказуемы.

— Никогда не думал об этом, — признался Кармоди. — Это для меня имеет значение? Поможет?

— Едва ли поможет. Но знать об этом надо. На практике вы никогда не используете непредсказуемость вашего хищника. Вы даже не узнаете, каков он. Вы как амбарная мышь в данном случае. Вы можете нырнуть в дырочку и услышать свист крыльев над ней, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Ну, это необыкновенно полезная мудрость, — сказал Кармоди с сарказмом. — Я потерпел поражение еще до старта, или, проще говоря, съеден уже, хотя пока еще никто не воткнул в меня вилку.

— Терпение! Терпение! — остановил его Приз. — Пока все идет не так плохо.

— Не так плохо? А можете вы подсказать мне что-либо действительно полезное?

— Это мы и стараемся сделать, — сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой.

— Именно это невозможно, к сожалению. Не думаете же вы, что всякая жертва знает, как выглядит ее смерть. Если бы знала, то жила бы вечно.

— А это против законов Природы, — добавил Приз.

— По крайней мере хоть намек какой-нибудь, — взмолился Кармоди. — Всегда ли хищник мой маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет, — сказал Модсли. — У вашего избирателя изменчивая форма. Слыхали вы, как лягушка прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушке, или олененок бежит в лапы тигра? Вот в чем суть талантов хищника. Можете спросить себя: «Что же в голове у жертвы, что она видит перед собой?» Себя спросите, что было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали за ним прямо в пасть.

— Они выглядели, как люди, — пожал плечами Кармоди. — А на что же похож мой хищник все-таки?

— Я не сумею объяснить вам, — сказал Модсли. — Но их маски и ловушки основаны на вашей собственной памяти, на ваших мечтах, надеждах и пожеланиях. Хищник заимствует вашу сокровенную мечту и на основе ее разыгрывает целое представление. Вам нужно понимать самого себя, чтобы избежать гибели. Но легче познать Вселенную, чем понять самого себя.

— Ну и что же мне делать? — спросил Кармоди растерянно.

— Учитесь! — сказал Модсли. — Будьте настороже всегда, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте никому. И не позволяйте себе думать об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там свои обыденные земные бедствия, но от хищника вы избавлены.

— А домой вы сумеете меня переслать?

Машину я сделал, сказал Модсли. Но ее возможности ограничены, поскольку ограничены и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда ушла Земля, не более того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит определить еще второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте последовательность! Сначала Временная ось, потом ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник чей аппетит вы по-дурацки раздражили, может явиться в любой момент. И я не ручаюсь что на этот раз я умею так удачно вытащить вас из его пасти.

А как это вам удалось? — поинтересовался Кармоди.

Я быстренько сфабриковал приманку, ответил Модсли. Сделал вашу копию но больше размером. Пожиратель выплюнул вас и кинулся за ней, истекая слюной. Но так мы его не обманем вторично.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

Я готов, сказал он. Но куда я попаду, и что будет там?

Вы попадете на Землю, — продолжал Модсли, — почти наверняка не на вашу. Но я pošлю письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, если согласится, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди, и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю, — сказал Кармоди. — Чем бы это ни закончилось, большое вам спасибо.

Ну тогда все в порядке, сказал Модсли. — И не забудьте передать мои слова тому старику, если попадете домой. Ну все. Машина тут рядом, под рукой. У меня не было времени сделать ее видимой, но выглядела бы она как зенитная батарея, управляемая по радио. Да где же она, черт возьми? А, вот она! Приз свой берете?

— Я беру его! — крикнул Приз, ухватившись за Кармоди обеими руками.

— Ну, мы готовы, — сказал Модсли. — Эту стрелку я ставлю сюда, затем эту, а затем эти две наверху... Вам приятно будет расстаться с макрокосмом, Кармоди, и оказаться на планете, хотя бы и не на своей. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос, в каком масштабе вам удобнее жить. Ну а затем я нажимаю это...

Бамм! Пуфф! Хррруст! Медленное растворение, быстрое растворение, жидкое растворение, электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки; шелестят странички календаря; кувыркаются голова и ноги в невесомости. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, детский смех. Апельсины из Яффы светятся как планеты; Солнечная система — как рябь на пруду. Лента бежит быстрее, лента ползет медленно. Тьма снаружи, тьма внутри...

Это была дьявольская забава, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть третья

КОГДА?

Глава 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одна голова и одно туловище. Он заметил также, что на этот раз Приз превратился во флейту.

— Ну ладно, — сказал сам себе Кармоди. — Не так уж ладно, — поправился он, осмотревшись. Он не ожидал, что попадет на подходящую Землю, но эта оказалась очень уж непохожей.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистные папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет, — отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком обертонов.

— А как же это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивился, что я говорил, когда был котелком, — возразил Приз. — Пожалуйста, я объясню. Возле моего ротика прикреплен патрон с СО₂. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Кармоди не было очевидно ничего, но не Приз интересовал его сейчас.

— Так где же я? — спросил он.

— Не я, а мы, — поправил Приз. — Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твоё время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк. — Он хихикнул. — Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно, нет. Оставляя вопрос о «Какойности» мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос. Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. В палеозойской... нет, скорее в мезозойской эре. Но в каком именно периоде? Впрочем, это можно уточнить. Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно археоптерикс, — сказал Приз. — Сразу видно, что перья торчат иголками. Большинство ученых относит это существо к меловому периоду или же к юрскому, но никак не раньше, чем к триасу. Значит, мы в мезозое определенно.

— Довольно-таки давно, — заметил Кармоди.

— Порядочно, — согласился Приз. — Впрочем, мы можем и уточнить время. Дай-ка мне подумать чуточку. Во-первых, это не триас. Болото ничего нам не говорит, но тут есть цветок возле твоей левой ноги. Покрытосеменные! Цветок — безупречное указание на более поздний период. Теперь посмотри перед собой. Видишь два тополя и фиговое дерево? И самое главное — трава. Травы не было в юрские времена — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову даю на отсечение, что мы в меловом периоде.

У Кармоди было самое смутное понятие о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов, — сказал Приз. — Меловой период кончился примерно за 70 миллионов лет до появления человека.

— А откуда же ты знаешь всю эту геологию?

— Откуда? Уж если мы едем на Землю, я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы

бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопали бы...

— Кто слопал?

— Ну, какой-нибудь урод из числа динозавров.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать, — ответил Приз все с теми же неуместными трелями, — что мы попали в самый настоящий Динозавровилль.

Кармоди не успел ничего сказать. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — машину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда зауришиа. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом хардозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине — никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать?

— Лучше всего превратиться в растение, — посоветовал Приз.

— Но я не умею.

— Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь, и убежать тебе, держу пари, не удастся. Будь стойким — ничего другого не остается. Хочешь, процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки, а тираннозавр уже был перед ним. Он высился над головой, словно подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть...

Глава 19

Хэлло, сказал тираннозавр. Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

Кармоди, — представился Кармоди.

— А я его Приз, — добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные, — сказал Эми. — Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона, и струтиомим, и сколозавра, и кучу других зверей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно, — сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми окнул и замолк, глаза на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно, — сказал Эми наконец. — А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно, — сказал Динозавр. — Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок, — сказал Кармоди. — Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кэй, — сказал Эми. — Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел

вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то уж совсем странный.

Кармоди сунул Приз в карман, взобрался на тиранозавра, и тот пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы? — спросил Кармоди, еле удерживаясь при каждом прыжке.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему быть еще?

Сначала они выбрались на дорогу, широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую как бетон. То тут, то там они видели хардозавров, спавших возле дороги, под ивами, или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил, что это за животные. Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, кленов, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры — копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают, — презрительно сказал Эми. — Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Динозавровиль — так мысленно называл Кармоди город ящеров. По пути к нему они миновали плоскогорье с отдельными рощами, затем оказались в лесу; по-видимому, это был не естественный лес, а планомерные посадки. На опушке находился широкий пояс фиг, хлебных деревьев и грецких орехов, за ними несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее только сосны, иногда канадские ели. Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Просто страшно было смотреть на эти тысячи бегущих махин. А вонь какая!

— Вот мы и на месте, — сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи. — Тут мой папа.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались между красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь, что тебя раздавят, и соскользнул со спины динозавра.

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью.

— Сколько раз, — начал он недовольно, — сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости папа, но ты посмотри, что я...

— Ты всегда просишь прощения, — наставительно сказал старший тираннозавр, — а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоём поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает вести себя воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа, ты потом скажешь. Ты только посмотри!

Тираннозавр гневно взмахнул хвостом, но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр, — сказал Кармоди. — Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое... — закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. — Говорящее млекопитающее!

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам, — подержал его второй тираннозавр, примерно такого же возраста.

— Я и сам не верю, — сказал отец Эми.

Глава 20

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого, — сказал Борг. — Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Судя по всему, Борг был рядовым обывателем: гостеприимный, но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник — этаким заурядный, темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну, — произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным. — И как там, в будущем?

—хлопотно, — вздохнул Кармоди. — Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да, — сказал Борг. — Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит, — дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за семьдесят миллионов лет до человека, и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать, — сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал, — сказал Борг. — Мы — крепкий народ, знаете ли, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного, — с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать это. Я боялся, что динозавры при своих размерах станут угнетателями, тяжелыми на руку.

— Нет-нет! Даже можно сказать, что людям нравятся динозавры.

— Очень приятно, что вы так считаете.

Кармоди пробормотал еще что-то, чувствуя, что стыдится сам себя.

— Нас, динозавров, мало занимало будущее, — продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора. — Но прошлое было не столь простым. Наш вымерший предок — аллозавр — был грубым, прожорливым хищником. Его же предок — цератозавр — всего лишь карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были, безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное звено — древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие и двуногие.

— Двуногие доминировали, конечно? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари. Мы держим небольшие стада их. Шарики из их мяса очень вкусны с добавкой из рубленой

бронтозаврины. Есть еще и другие виды ящеров. Хардозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют, — сказал Борг сурово.

— Вы едите их тоже?

— О небо! Конечно, нет! Хардозавры разумны. Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также утрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги — хардозавры. У них нет самолюбия, нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто их будет кормить, и, похоже, ни-сколько не тревожатся. Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хардозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит — этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хардозавров решена?

— Да, — сказал Кармоди. — Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал Борг. — Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, и об урбанистических проблемах у ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидали деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Громадные ящеры любят скорость и очень гордятся быстротой своих рефлекторов. Но столкновения неизбежны, когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес. И аварии трагичны, если два ящера в сорок тонн весом каждый сталкиваются на скоростях в тридцать миль в час. Сломанные шеи — сплошь и рядом.

Были и другие проблемы — результат демографического взрыва. Переполненные города. Ящеры во многих странах живут на грани голода.

— Проблем у нас масса, — вздыхал Борг. — Некоторые из лучших наших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежде. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул.

— Вы выстоите.

Что ему оставалось, кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас, — сказал Борг. — А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и с зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди? — спросил тот.

— Да, я — Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подходящих Налогов. Вытаки заставили нас погоняться за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал:

— Меня это не касается.

И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного динозавра.

— Странные у вас друзья, — сказал Саргис, глядя ему вслед. — Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать, — настаивал сборщик налогов. — Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных

Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать. А отказ повиноваться приказу Верховного Суда...

— Я сказал: нет! — крикнул Кармоди. — Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его преследователь. Грубая подделка под сборщика налогов никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: колени у него оттибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

Глава 21

— Войдите! Войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью, и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осторчтели.

— Ну, а как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Великолепно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объявил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел.

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять чинил ее, но она вечно десинхронизируется.

Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и не может попасть домой, к семье, иногда по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы мне объяснить все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить для начала, где я сейчас и как мне попасть домой отсюда?

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Чашечку чаю, может быть? Так вот, место это, где вы находитесь сейчас, — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал?

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Мой клерк нашел вас на Земле ВЗ441123 С22Ш. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту, вышеупомянутую, Землю...

— Нет-нет, — отмахнулся Кармоди. — Но только я никак не пойму, где же... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кэй, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша. — А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-либо из тех Земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему

же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете, — ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред, и вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все рассыплется, исчезнут нелепые видения, а сам он проснется в своей кровати, в собственной квартире, или же на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили свой монолог? — ледяным голосом спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разумное поведение может привести вас домой, дикие истерики не приведут никуда.

— Еще раз прошу: простите, — пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы почувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж... в нем что-то есть!

— В самом деле?

— Предположение ценно само по себе, но вам оно не поможет нисколько.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря, — продолжал Сизрайт, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Различие только в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но, будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю вам на слово, что все это на самом деле... — Он засмеялся. — Но вот чего я на самом деле не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен бы говорить. И...

— Ради бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, — продолжал Сизрайт, — почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо привыкнуть подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспособливаться. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично. Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумайте, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения, — не задумываясь, ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться решать их, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность. Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо, — успокоил Сизрайт. — Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Вопрос в том, какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но все-таки вы должны признать, что и в том и в другом случае принцип одинаковый и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это и просто в принципе, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, полезна иногда. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо... А теперь что будет?

— А теперь мы приступим к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы тут с коллегами выбрали некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете только вы сами, конечно.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны вжиться в эти миры. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — согласился Кармоди. — А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены», — я так бы их назвал, — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно, безопасного убежища нет. Но вы меня спрашивали раньше о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете что-нибудь предпринять против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Хищничество — закон Природы. Даже и боги иногда уничтожаются Роком. Вы не должны быть исключением из универсального закона Природы.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде, — вздохнул Кармоди. — Но, может быть, вы дадите мне намек, признак, укажете, как угадать моего хищника?

— Для меня-то отличие очевидно, — сказал Сизрайт. — Но мы с вами мир воспринимаем по-разному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока...

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И, конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э... планеты берет. Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что если я прозеваю начаянно?

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее среди самых вероятных, будем искать среди менее вероятных, потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видно, у меня нет другого пути.

— У меня нет другого способа помочь вам, — подтвердил Сизрайт. — И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени.

— Боюсь, что у меня нет времени, — вздохнул Кармоди. — Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня в ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за внимание и терпение.

— Пожалуйста, — легко согласился Сизрайт, явно довольный. — Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал на кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его поставили на свое место — прямоком на Землю.

Часть четвертая

КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

Глава 22

Кармоди оказался на опрятной, хорошо возделанной равнине под синим небом и с золотым солнцем над головой. Впереди в полумиле от него виднелся небольшой город. Он был построен не в обычной американской манере — с бензиновыми колонками на окраине, рядами сосисочных, мотелей и с крепостной стеной свалок. Скорее, он был похож на итальянский городок на вершине холма или же на швейцарскую деревню, которая возникает перед вами внезапно и так же внезапно обрывается без предупреждения.

Несмотря на такую чужеземную внешность, Кармоди был уверен все же, что городок этот американский. И он осторожно двинулся к городу со все возрастающим напряжением, готовый стремительно бежать, если что окажется не так.

Однако все, казалось, было в порядке. Город выглядел приветливо, улицы просторные. Свободное что-то ощущалось в широких эркерах на фасадах. И далее нашлось много приятного. В центре города Кармоди вышел на площадь, похожую на римскую «пьяццу». В середине ее был фонтан с мраморной копией мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била чистая струя воды.

— Надеюсь, вам понравилось? — произнес голос за плечом Кармоди.

Он не отпрыгнул в ужасе. Даже не повернулся. Начал уже привыкать к голосам, раздающимся за спи-

ной. В Галактике, видимо, многим нравилась такая манера обращения.

— Очень мило выглядит, — сказал Кармоди.

— Я сам построил все это, — продолжал голос. — Мне кажется, что фонтан, хотя назначение его устарело, воздействует эстетически. А эта пьяцца со скамьями и тенистыми ореховыми деревьями — точная копия Болонской. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, так кажется мне, использует все, что считает необходимым, — тысячетное и сиюминутное.

— Я одобряю вас, — сказал Кармоди. — И позвольте представиться. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за спиной его никого не было. Вообще ни единого человека не было на площади, никого в поле зрения.

— Извините меня, — произнес голос. — Я не хотел напугать вас. Я думал, что вы знаете...

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города, — сказал голос. — Или, выражаясь точнее, я и есть город. Город говорящий.

— Факт налицо, — сказал Кармоди насмешливо. — Слышу — говорящий. Итак, вы — город. Большое дело!

Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Столько он уже повстречал существ с чудесными силами, столько раз его швыряли из одного конца Вселенной в другой. Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком, он понимал, что существует межзвездная иерархия, и человек в ней ценится не слишком высоко. Но у него была и гордость, он считал, что и человек чего-то стоит, и не только для себя самого. Самоуважения Кармоди пока не утратил.

И потому он отвернулся от фонтана, спокойно пересек площадь, как человек, который каждый день разговаривает с городами, чудеса такие ему наскучили. Он прошел по нескольким улицам, заглянул в витрины лавок, отметил размеры домов, постоял у скульптур, но не слишком долго.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»?

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кэй.

— Только о'кэй?

— Видите ли, — сказал Кармоди. — Город — это город. Когда знаете один, в сущности, вы знаете все города.

— Это неправда, — сказал город, явно уязвленный. — Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникум.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами. — А по-моему, вы выглядите, как конгломерат плохо подогнанных частей. У вас итальянская площадь, группа греческих статуй, ряд тюдоровских домов, нью-йоркские кварталы старого стиля, калифорнийские сосисочные, похожие на портовые буксиры, и бог знает, что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в осмысленном ансамбле, — возразил город. — У меня внешнее разнообразие во внутреннем единстве. Эти старые формы не анахронизмы, видите ли, они являются стилями жизни, хорошо организованной машиной для житья.

— Но это ваше личное мнение, — сказал Кармоди. — Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер*, штат Нью-Джерси. А не хотите ли вы кофе, или же сандвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы, — охотно сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна веселых девяностых, с пианино, лампами в стиле Тиффэни и канделябрами из резного стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная, — сказал Кармоди. — О'кэй, если вам нравится такой стиль.

* Беллуэзер — от англ. Welle weather — «хорошая погода».

Дымящаяся кружка капучино сама собой опустилась на стол на подносе из нержавеющей стали.

— По крайней мере обслуживают здесь хорошо, — добавил Кармоди и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

— Я горжусь моим кофе, — заявил Беллуэзер. — И моей кухней тоже. Хотите попробовать? Омлет, например, или суфле?

— Нет, спасибо, — сказал Кармоди твердо. И откинувшись на спинку стула, добавил: — Так что, вы — образцовый город?

— Я хотел бы заслужить такую честь, — сказал Беллуэзер. — Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был задуман объединенной исследовательской группой из университета Дэйла и Чикаго, которая работала в фонде Рокфеллера. Большую часть деталей спроектировали в М.И.Т., а некоторые специальные разделы пришли к нам из Принстона или из Рэнд Корпорейшен. Главным подрядчиком была компания «Дженерал электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, которые я не имею права называть.

— Интересная история, — заметил Кармоди с невыносимым безразличием. — А этот собор на той стороне — готический, да?

— Да, готический целиком, — подтвердил Беллуэзер. — Но он межрелигиозный, открыт для верующих любой религии. Зал со скамьями для молящихся на триста мест.

— Не так уж много для такого здания, — сказал Кармоди.

— Конечно, не так много. Но я хотел сочетать благоговение с комфортом. Людям это нравится, — возразил город.

— А где люди, между прочим? — поинтересовался Кармоди. — Я никого не видел.

— Они ушли, — сказал город скорбно. — Все ушли.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, затем выговорил через силу:

— Получился разлад. Непонимание или несчастли-
вая цепь недоразумений. Подозреваю, что подстрекате-
ли подстроили этот исход.

— Но что именно в точности произошло? — наста-
ивал Кармоди.

— Не знаю, в самом деле не знаю, — сказал Бел-
луэзер. — Однажды они ушли все. Именно так. Но я
надеюсь, что они вернутся назад.

— Возможно, вернутся, — согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся, — сказал город твер-
до. — И между прочим, почему бы и вам не остаться
здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом.

— Но похоже, что вы устали от путешествия. Уве-
рен, что вам надо отдохнуть.

— Да, я немало постраниствовал, — вздохнул Кар-
моди.

— Может быть, вам и понравится у меня, — сказал
Беллуэзер. — И во всяком случае у вас будет уникаль-
ный опыт: самый современный город, и весь к вашим
услугам.

— Звучит заманчиво, — протянул Кармоди. — Я дол-
жен подумать.

Его заинтересовал образцовый город Беллуэзер, но
он насторожился все-таки. Ему хотелось точно знать,
что именно случилось здесь, почему все жители поки-
нули город.

Глава 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди спал в эту ночь в роскошном свадебном номере отеля «Король Георг V». Проснулся поутру свежий, бодрый и благодарный.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и исполнил веселый квартет Гайдна, пока Кармоди насыщался. Воздух был чистейший, он фильтровался. Сам Кармоди не догадался бы, но город не забыл пояснить. И температура, и влажность были идеальны. И вид с террасы открывался превосходный: приятный ансамбль из китайской пагоды, венецианских мостиков, японских каналов, норманнской башни и многого еще.

— Прекрасные виды у вас, — похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится, — отозвался тут же город. — Мой стиль обсуждался всесторонне с тех пор, как я был заложен. Одна группа зодчих стояла за единство, за гармонию форм, слитых в единое целое. Но это уже бывало в истории. И таких моделей совсем немного сейчас. Они скучны — эти искусственные творения, созданные одним человеком или одним комитетом. Они не похожи на живые города.

— Но вы и сами искусственное творение, — возразил Кармоди.

— Конечно, — согласился город. — Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый «город будущего» и не смешной флорентинский ублюдок. Я — конгломерат. Я должен интересоваться, волновать и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кэй, — констатировал Кармоди и добавил: — А случилось вам беседовать с другими городами, похожими на вас?

— Нет, не случилось, — сказал Беллуэзер. — До сих пор другие образцовые города не могли произнести ни единого слова. Но жителям нравится это новшество. Они не любят городов, которые делают свое дело безмолвно. Вот почему я и был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю, — согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем рассуждать совместно — я и мои жители, можем, постоянно ведя диалог, помочь друг другу в создании жизнеспособной обстановки. Можем изменять друг друга, не теряя индивидуальности.

— Звучит превосходно, — сказал Кармоди. — Но, к сожалению, вам не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме. Но сейчас у меня есть вы.

— Да, я у вас, — повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— И у вас есть я, само собой разумеется, — подхватил Беллуэзер. — Взаимные отношения, единственно достойные. А теперь, дорогой Кармоди, я считаю, что показал вам себя всесторонне. Теперь вы можете вселиться в меня, и все будет в порядке.

— Что именно будет в порядке?

— Я имел в виду слово в точном его значении. Это не слишком удачное научное выражение, но вы понимаете, наверное, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств.

— Но отношения могут быть и свободные.

— Мы стараемся уйти от этого, — сказал Беллуэзер. — Свободные отношения — это доктрина для эмоций, знаете ли, и они ведут к беззаконию, к вседозволенности. А сейчас, если вы пойдете по этой дороге...

Кармоди отправился, как ему посоветовал Беллуэзер, осматривать его достопримечательности. Он посетил силовые установки, водно-фильтрационную систему,

заводской район, секцию легкой промышленности. Осмотрел Детский парк и Дворец Старости. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал, театр, цветочную аллею, бильярдную, автотрек и кино. Он устал, стоптал ноги, хотел уже было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось еще осмотреть пятиэтажное здание Американского Образа и Португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал, междугороднюю автобусную станцию и многое другое. Он пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже, чем чудеса Галактики. Поистине красотой наслаждаются глаза, а отвечают за это ноги.

— Небольшая закуска теперь, — предложил наконец Беллуэзер.

— Превосходно, — поддержал Кармоди.

Его проводили в модное кафе Рошамбо, где он начал с картофеля потаж о пти-фуа и закончил печеньем пти-фур.

— Не завершить ли хорошим сыром грюер? — предложил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас, — сказал Кармоди. — Я сыт, я очень сыт.

— Но сыр не переполняет желудок. Камамбер хотите?

— Спасибо, спасибо, я больше не могу.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают небо.

— Спасибо, мое небо не нуждается в освежении.

— По крайней мере хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет!

— Парочку вишеноч?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов, — настаивал Беллуэзер.

— Моя трапеза закончена.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Я обхожусь без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я очищу ее для вас. Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Не могу. Не в состоянии.

— Хотя бы четверть апельсина.

— Решительно: нет!

— Вы доставили бы мне удовольствие, — настаивал Беллуэзер. — У меня полный комплекс в меню, но никакая еда не завершена без кусочка фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Ну ладно, не волнуйтесь так, — уступил Беллуэзер. — Если вам не нравится мое угощение, тогда все кончено у нас.

— Но мне все нравится.

— Если нравится, почему вы не хотите фруктов?

— Ну хватит, — сказал Кармоди. — Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас силой.

— Вы не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Так берите. — И Беллуэзер сотворил чудесную ветвь мускатного винограда.

Кармоди съел все. Виноградины были очень хороши.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — Кармоди закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц на спине, — предупредил голос.

— Не беспокойтесь, — промычал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке.

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, вам неудобно на самом деле. Человек не приспособлен к сидячему сну.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, очнувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо, — сдался Кармоди. — Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской «Дремотная». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближайшей.

— Нет, не эта, — предупредил Беллуэзер. — У нее плохие пружины.

— Неважно. Я улягусь между ними.

— Но у вас будет судорога в итоге.

— О Боже! — воскликнул Кармоди. — На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади, — указал Беллуэзер. — Это королевская кушетка, лучшая из всех. Эффективность ее проверена научно. Подушка...

— Хорошо, прекрасно, великолепно, — бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?

— Не беспокойтесь!

— Как вам угодно. Я потушу свет?

— Прекрасно!

— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, конечно, но у спящих иногда особенная чувствительность к холоду.

— Не имеет значения. Оставьте меня!

— Хорошо. К сожалению, я не могу последовать вашему примеру. Лично я не сплю никогда.

— Очень жаль.

— Нет, меня жалеть нечего. Тут все в порядке, — сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.

— Не могу заснуть! — сказал Кармоди.

— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до...

— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.

— Может быть, вы недостаточно хотите спать? Но тогда вы можете отдыхать с закрытыми глазами.

— Нет! — отрезал Кармоди. — Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец! — посетовал Беллуэзер. — Делайте, что вам хочется. Я старался как лучше...

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая на ноги и выбираясь из «Дремотной».

Стоя на горбатом мосту, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции, — сказал Беллуэзер. — В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво, — согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите, — посетовал Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Заботясь о вашем здоровье, я должен напомнить вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете к трубке.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю. — Кармоди зажег еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу! — взорвался Кармоди.

— Да, конечно, будете, — сказал город. — Но я старался для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы губите свое здоровье?

— И хочу, — сказал Кармоди.

— Не могу поверить, что вы на самом деле хотите этого. И тут налицо этический императив. Человек может действовать против самого себя, но машина не позволит дойти до такой степени извращенности.

— Уйдите прочь! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем зажали меня.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я рассердил вас? Что я сделал? Только добрые советы давал.

— Слишком много советов! — Кармоди зажег очередную сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сласти.

— Не похож с виду.

— И все же это автомат. Я скопировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и...

— А как он работает?

— Очень просто. Нажмите красную кнопку. Подождите немножко. Теперь надавите на этот рычажок в ряду А. И нажмите зеленую кнопку. Ту.

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку, откусил кусочек.

— Настоящая «Бэйб Рут» или копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул и отлепил обертку от пальцев.

— А это уже, — сказал город, — постоянный пример непростительной беспечности.

— Кусочек бумажки всего лишь, — пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, упавшую на безукоризненно чистую мостовую.

— Конечно, только кусочек бумажки, — посетовал Беллуэзер, — но, если умножить его на сто тысяч жителей, что получится тогда?

— Сто тысяч кусочков бумажки, — пошутил Кармоди.

— Мне это не кажется смешным, — сказал город. — Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. Но разве вы убираете за собой? Конечно, нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня достаточно дел в городе, дневных и ночных, по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди. — Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но, прежде чем его пальцы прикоснулись к бумажке, щипцы высунулись из ближайшего колодца, схватили бумажку и спрятались.

— Все в порядке, — сказал Беллуэзер. — Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ох ты! — произнес Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности, — заключил Беллуэзер.

— Я благодарен, благодарен!

— О нет!

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите сказать этим?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать, что инцидент исчерпан.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени.

— Вы едите немного.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему вы не кушаете больше?

— Потому что больше не хочу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой сладостью...

— О черт! Сладкое не портит мне аппетита. Как раз...

— Вы опять закуриваете?

— Ох!

— Вы не можете потерпеть немножко?

— Слушайте, — взорвался Кармоди. — Какого черта вы...

— У нас есть более важные темы, — быстро перебил Беллуэзер. — Подумали вы, как зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но я подумал за вас. Неплохо было бы, если бы вы стали доктором.

— Я — доктором? Идти учиться в колледж, в Медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою.

— Не интересуюсь.

— Ну... а стать юристом?

— Никогда!

- Инженером? Прекрасное дело...
- Не для меня.
- Бухгалтером?
- Нет! Даже для спасения вашей жизни.
- Так кем же вы хотите стать?
- Летчиком, — неожиданно выпалил Кармоди. —

На ракетоплане.

- О, что вы?!
- Совершенно серьезно.
- У нас даже нет аэродрома.
- Тогда я буду летчиком в другом месте.
- Вы говорите это мне назло?
- Ничуть! Я хочу быть летчиком. На самом деле. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуззер произнес:

— Выбор полностью в ваших руках. — Сказано это было замогильным голосом.

- Куда вы идете?
- Погулять.
- Так поздно? В половине десятого?
- Ну да! А почему не пойти?
- Я думал, что вы устали.
- Раньше устал.
- Но мы могли бы поговорить немного.
- Давайте поговорим, когда я вернусь.
- Это не играет роли.
- Верно, гулянье не играет роли, — согласился Кармоди, усаживаясь. — Поговорим.
- У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.
- Ну, покойной ночи! — сказал Кармоди.
- Прошу прощения!
- Я сказал: «Покойной ночи».
- Вы идете спать?
- Ну да! Уже поздно. Я устал.
- Вы намерены лечь прямо так?
- А почему бы нет?
- Можно лечь, конечно. Но вы забыли помыться.

— О! Верно, забыл. Но я помоюсь утром.
— Когда вы принимали ванну в последний раз?
— Очень давно. Я приму утром.
— Не лучше ли принять ее прямо сейчас?
— Нет!
— Даже если я приготовлю ванну для вас?
— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать.
— Делайте как хотите, — сказал Беллуэзер. — Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но потом не корите меня.

— Вас корить? За что?
— За что-либо.
— Конкретно, что вы имеете в виду?
— Это неважно.
— Тогда зачем вы так настаиваете?
— Я думаю о вас, — сказал Беллуэзер.
— Я понимаю.
— Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.

— Уверен, что не станете.
— Когда заботаешься о ком-то, — продолжал Беллуэзер, — когда чувствуешь ответственность, неприятно выслушивать проклятия.

— Я не проклинал вас.
— Сейчас нет. Но раньше...
— Ну... я нервничал.
— Это из-за курения у вас нервы не в порядке.
— Не начинайте опять.

— Я не начинаю, — сказал Беллуэзер. — Дымите сколько угодно, дымите как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми, — согласился Кармоди, закуривая.

— Ваши легкие, но мой крах! — сказал Беллуэзер.
— Нет, нет. Не говорите так, пожалуйста.
— Забудьте, что я сказал.
— Хорошо, забыл.
— Иногда я бываю придирчив.
— Верно, это есть.
— И это особенно трудно, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю! — крикнул Кармоди. — Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы, правы, правы, правы, правы!

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл руками глаза. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и неряшливым. Чувствовал себя скверным целиком и полностью и безнадежно... Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спрашивал Беллуэзер. — Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди. — Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, щелк. И Кармоди оказался в другом месте.

Глава 24

Хушш! Крруш! Крроу! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это Нью-Йорк? — спросил Кармоди.

— А черт его знает, — ответил кто-то.

— Вопрос был задан риторически, — сказал Кармоди.

— Я понимаю, — ответил голос. — Но поскольку я изучал риторику, вот и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть на шотландского пони похож?

— А где ты был раньше, пока меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске, — сказал Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Получателей.

— Я и не жалуюсь, — сказал Кармоди. — Я просто так... А, неважно. Вот что важно: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь — Нью-Йорк!

Вокруг был город. Потоки людей и машин. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу.

Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю закрытия. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северо-восточник», «Юго-западник», «Восток-северо-восточник» и «Запад-северо-западник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем "Библия"!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала труппа народного рок-н-ролла по имени «Говнюки». И девчонки-подростки в платицах «мидллесс» танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — сказал Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — возразил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди видел же своими глазами, что это угол Бродвея и 50-й улицы. Вот и вход в метро — прямо перед ним. Да-да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного туннеля, исчезал в другом...

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, словно бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол

сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог и отлучиться: вышел пообедать, или же в уборную, или заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника слышалось урчание и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Липкий сок уже разъедал подметки. — Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал Приз. — Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я обещаю торжественно: я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным. И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что же касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас из зубов в самый последний момент.

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Уже сделано! — сказал Сизрайт.

И было сделано.

Глава 25

Сизрайт на этот раз неважно, должно быть, справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом городе, очень похожем на Нью-Йорк, на заднем сиденье такси и в разгаре разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спрашивал тот.

— А ничего, — ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал-та. А я сказал-та — та новая махина — это Фламарион.

— Знаю, — услышал свой голос Кармоди. — Это я строил его.

В нем сейчас жили два Кармоди. Слова эти и действия были естественны для одной части Я (активного Кармоди), в то время как другая (рефлексивное Я) наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Правда, строили? — продолжал таксист. — А сейчас кончили, да?

— Да, кончил, — ответило активное Я. При этом он вынул сигарету изо рта, нахмурился и выбросил окуроч в окно. — С этой дрянью я тоже кончил, — сказал он.

— Что же не сказал-та? — спросил таксист. — Попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные», — подтвердил таксист. — У них запах ментола и вкус что надо.

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее он взял коробку — забил еще один гвоздик

в свой гроб. Водитель с улыбкой смотрел на него в заднее зеркало. Кармоди вздохнул, изобразил удивление и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Хм! Тут что-то есть, — сказал он.

Таксист кивнул с умным видом.

— Все курильщики думают так. Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Ну а как мои «Прохладные»? — напомнил водитель.

— Ах да! — Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Теперь Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки были снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейдена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шаффнера, носки Ван Кампа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястьи — самозаводящийся хронометр с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником (гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год). А кроме того, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкомби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только на Рождество, которые носят рубашки от братьев Брукс, потребляют лосьон «Оникс» после бритья, белье покупают у «Кантри Уормер», жакеты у Поля Стьюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он же был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И

уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин «додж-хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?

Нет, пораженческой ереси не место в голове. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы, и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НСТ-2 (нестандартные товары — сорт второй).

Было еще рано. Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул:

— Повтори, дружище! (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен, улыбаясь. — Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди сам должен был сказать — его застали врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Найт Стин его окликнул, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул:

— Эй, друг, повтори! Напритворяюсь до зари.

Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра в Майами, — сказал тот. — На неделю. Солнечный рейс — «Америкен Эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу на пляже.

— Отлично! А я свою заслал на острова, — подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но, если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоцен-

ные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Мариборо!..

— Верная мысль, — подхватил Кармоди. — А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул:

— Эй, друг, повтори!

Но не мог же он повторять до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировал свои небесно-голубые подштанники, пришитые, конечно, снаружи и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй! — крикнул он, хихикнув. — А помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он. — А моя рубашка все же белей.

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Просто чудо! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро», — возразил Стин горделиво. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди задумался, не заказать ли еще хваленое пиво, но оно было пресным на вкус, да и Стин для него — слишком прыткий партнер сегодня.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, N 666, 5-я авеню, привет-

ствуя сотрудников с демократическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Никак не мог он позволить себе отклоняться сегодня. Наступал решающий час. Кармоди понимал, что положение у него отчаянное. Всю ночь он перебирал варианты, встал с жестокой мигренью и коликами в животе. Жена его (которая никуда не уезжала) дала ему Алька-зельцерскую. Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и планировали, и он выиграл первый приз благодаря зельцерской. Но проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента меньше, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, я думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку. Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились связаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэйн или лимузина «порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, наконец, даже примитивная целеустремленность в деле — это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о стол. — Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно

пахнет». И после паузы вот так: *«Скверно пахнет!»* А затем: *«Но я нашел...»*

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но, если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал на себе глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл...

— Приветик, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой, — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди. — Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Мерсонна» рассекает слабую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту «Поцелуй менестреля». Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Из рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?.. — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему не сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из того теста. С некоторым сожалением подумал он, что ему придется расстаться со своими приобретениями: с купонами, со шведской замшевой шляпой, светящимся галстуком, с деловым кейсом «Все мое ношу с собой», со стереофоном KLN-24 и особенно с наимоднейшей импортной мягкой новозеландской дуб-

ленкой с шалевым воротником «Лэйкленд». Все это придется бросить.

— Э-э!.. И беда приносит добро иногда, — сказал сам себе Кармоди.

— Приносит добро? Так о чем же говорить тогда? — ответил Кармоди сам себе. — Смотри-ка! Не слишком ли быстро ты акклиматизировался здесь?

Два Кармоди поглядели друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение... и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди. — Заберите меня отсюда.

И верный Сизрайт забрал его.

Глава 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от самого себя: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же недопустимое. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там от трех до восемнадцати. Да, это был его дом, если только вообще у него был родной дом где-нибудь.

Кармоди стоял на углу Дюранд-роуд и Мэйплвуд-авеню — прямо перед ним был торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — произнес голос у его правого бедра.

Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь? — заметил Кармоди.

— Я нигуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динара.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил, — сказал Приз. — Знаешь, что я метафоричен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Так было бы удобнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а после этого уж в «Солар Викон паб» поболтать с дружкой, который оказался по соседству, а потом уж...

— Как это ты успел? В этом мире я был полчаса, едва ли больше.

— Я говорил же тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел. Ну а где все эти рестораны?

— Это долго объяснять, — уклонился Приз. — Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну... по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Викон пабе».

— Я уже видел, как ты ел орить, — припомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орить — редкостный деликатес. Кусочек пробуешь раз или два за всю жизнь. В «Викон пабе» наше обычное питание.

— Какое же?

— Не надо бы тебе узнавать.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал бы.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас там пища?

— Ну хорошо, мистер Нос-сующий, — сдался Приз. — Но заруби себе на этом длинном носу: ты настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я предупреждал же, что тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Это и противно, и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу, и я живу, — настаивал Приз. — И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это невозможно, — настаивал Кармоди. — Это противоречит законам сохранения энергии или материи, чего-то такого. Противоречит законам Природы в общем.

— Верно, но только в узком смысле, — согласился Приз. — А если бы ты изучал материю глубже, ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю, — признался Приз. — Но это написано во всех наших учебниках. И никто не сомневался до сих пор.

— Но я хочу получить прямой, ясный ответ, — не уступал Кармоди. — Ты действительно и буквально съедаешь кусочек собственной плоти?

— Да, именно так. Хотя это и не только моя плоть. Печенка моя очень вкусна с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Бедрa же надо выдерживать несколько недель, прежде чем...

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но...

— Нет, ты объясни все-таки: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже звучит смешно.

— Ну я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно, — поправился Кармоди. — Но ты не можешь же питать свою плоть, если ты эту плоть уничтожаешь.

— Боюсь, что я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть...

— Так я и делаю.

— Итак, если ты поглощаешь свою плоть для пропитания плоти... Минутку. Давай с цифрами. Если ты вешишь, скажем, пятьдесят фунтов...

— Именно так. На родной планете я весил пятьдесят фунтов.

— Прекрасно. Идем дальше. И если ты весил пятьдесят фунтов, и если, скажем, за год ты съел для поддержания жизни сорок фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов. Правильно?

— Черт возьми, ты видишь, к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не смогу?

— Просто по вычитанию. Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя. Ты умрешь неизбежно.

— Совершенно верно. Но смерть неизбежна и для себяядных и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Но если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день, — возразил Приз. — Но у нас — Призов — вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедем, тем меньше надо кормить, и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор автопоедания. Большинство Призов съедает свое будущее еще в ранней юности.

— А ты съел свое будущее?

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет — от девяноста до восьмидесяти, — старческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня голова болит от тебя, — прервал Кармоди. — И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз. — Тошнит его по всякому поводу. А ты сам, кровавый мясник, сколько несчастных животных ты разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных постелек? Верно, я съел случайно попавшегося орита, но перед

тобой в День Страшного Суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овец, не говоря уже о целых садах, изнасилованных тобой, целых лесах ограбленных яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орита, но ты как искупишь стоны всех этих животных, которых ты сожрал безжалостно? Чем искупишь, Кармоди, чем?

— Ладно, заткнись! — рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием, — ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у меня такая.

— Ну, если ты так полагаешь...

— Закройся, наконец. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город. Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз. — Кто знает, как выглядит его город, тот узнает его без труда.

— Я не очень рассматривал его, когда жил здесь. А с тех пор как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди. И начал медленно спускаться по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом думая, что любой выбор может стать роковым.

Глава 27

Все было как будто таким, как и должно было быть. В Театре Мэйплвуда днем на экране шла «Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жана Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырнадцать часов». На сцене выступала — «проездом, только один раз» — вокзальная группа «Якконен и Фунги».

Кармоди заглянул в витрину галантереи Марвина. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольерс», перелистал «Либерти», заметил еще «Монси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан».

— Ну? — спросил Приз. — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка. Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выходя из закусочной. — Забавно, когда все это припоминается.

— Забавно, забавно, — с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Мунтэйн-роуд, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вот, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она... — Кармоди понизил голос. — Все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия?... А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. А вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр.

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч — наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я помню его дебаты с нашим радикалом — Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то странное во всем этом, — сказал Приз. — Что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем самого себя. О, вот Полетт Годдар, там наверху! Она помощник библиотечаря. Хай, Полетт!

— Хай, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук с бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лэном

Чэни — школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в это время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лэй, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись! Ты слышал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам на смех! Я говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник...

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, старые товарищи, все улыбались. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бэстера Крэдба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — уверял Кармоди. Крутом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, слышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Все это дерьмо разыгрывается по нотам, а я не учуял!..

Но Франшо Тон уже коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу*. Остальные обступили плотной толпой, плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, бога ради!..

И все произошло быстрее, чем Кармоди что-нибудь сообразил.

* Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Тэмпл, например, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 14 часов».

Часть пятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Глава 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Риверсайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Диск Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — одобрил Приз. — Мне оно нравится.

— Угу, — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства он испытывает, вдыхая дым отечества.

Он двинулся вверх — от реки. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наползал бесшумно, по-кошачьи. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды бежали в Гудзон, а Гудзон так же весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь.

— Откуда я знаю, когда твоя Элен не знает.

— Да ну?

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Будешь?

— Буду! А как Тэйт!

— Сам знаешь.

— Ох, знаю, — горестно сказал Кармоди. — А он все еще... того? Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда! — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — согласился Кармоди.

Кармоди уже собрался было ответить, что он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал во Вселенной, — брякнул он. — Я был в глубинах Космоса. Видел неких избранных, пускай все знают об этом.

— Ах вот что! — Марунди кивнул понимающе. — Значит, и ты «пустился в странствие»!

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты нашел ключик к всемогуществу собственного тела?

— Не совсем так, — перебил Кармоди. — Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящую «травку». Где достал? Или капельки, не разбавленную дрянь?

— Капли чистого опыта добывают из сорной травы бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается только избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все темнят. Ничего. Я и с тем, что попадается, залетаю неплохо.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с тобой. Ты куда — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза.

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь? Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда. Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением, о новом ее сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели убить целых пять партизан вчера; о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Броуди стинг» — «Чудесные приключения в золотом веке капитализма».

Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов, и на их месте выросло новое сооружение. Изда-лека оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню, — сказал Марунди, — автора «Капкана Смерти-66» — знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго — единственные трущобы в мире, которые честно и гордо были задуманы именно как наисовременнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну а это новое как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус и гнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрасными пружинами. Над портиком гляцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — замялся Кармоди. — А что это все такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая

публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением.

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же именно такое?

— Потому что, друг мой Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство — отражение реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать!» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «Зачем же все-таки об отбросах говорить?» Ну что же! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, звучит разумно. Но все же...

— Иди за мной, смотри и думай, — приказал Марунди. — И понимание вырастет в твоей голове так же, как в мире растет гора мусора.

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, тататаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бумрум» — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно для здоровья. Но многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы, — не унимался Марунди, — влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — копия

метро. Она построена так, чтобы качаться на каждом шагу, а воздух кондиционирован всем дымом Весингауза.

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот, писклявый, подвывающий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого...

— Давай уйдем отсюда, — взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минуточку заглянем сюда. Здесь галерея настенных рисунков и надписей. Слово — левее — копия старомодной квартиры (пример старомодного романтизма, по-моему). Наверху — коллекция телевизионных антенн — британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь их суровую сдержанность и сравни с кембриджским стилем 1959 года. Видишь ты роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме. — Тут Марунди обернулся к Кармоди и назидательно сказал: — Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь со всей ее тягой к излишествах. Не поп-арт, спешу заметить, искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное — оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственного.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди... — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал врач. — Позвольте вас осмотреть!

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да, — протянул доктор. — Симптомы резкого галлюцинаторного заболевания... М-да. Поверните голову. Большая твердая шишка на ощупь. Минуточку... М-да... Бедняга буквально создан для галлюцинаций.

— Док, вы можете помочь ему? — волновался Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из маленького черного чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он. — Не беспокойтесь, не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психозелеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Возьмите меня скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в этот самый момент или примерно в этот момент Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, и продолжался он, пока все не успокоилось. А успокоившись, тихо удалились.

Что же касается Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, рано твой дух вознесся в то царствие, где уготовано место всех излишних в этой юдоли!».

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных Земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Ты же все упустил, — сказал Приз. — Это неразумно.

— Не согласен, — усмехнулся Кармоди. — Позволь тебе заметить, что я жив пока что.

— Но только в данный момент.

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — И не рассчитывал на большее. В том и была моя ошибка: я надеялся на большее. Возможности — возможностями, а реальности — реальностями. Такова истина.

— И что тебе даст данный момент, одно мгновение?

— Ничего, — сказал Кармоди. — И все!

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего существуют мгновения?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Посвящается моей жене Зиве

Глава 1

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Он прорывался сквозь плотный слой сна, из воображаемого начала всех начал, пересекал само время. Он вытянул псевдоподию из изначальной тины, и эта псевдоподия была им. Он стал амебой, заключавшей в себе *его* сущность, затем рыбой, помеченной некоторой индивидуальностью, затем обезьяной, не похожей на других. И, наконец, стал человеком.

Каким? Он смутно видел себя стоящим с лучевиком в руках над трупом. Вот таким.

Он очнулся, протер глаза и стал ждать других воспоминаний.

Но ничего не вспомнил. Даже имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Безрезультатно. Он огляделся вокруг, надеясь найти ключ к своей личности.

Маленькая серая комната, в одном конце которой — закрытая дверь. В другом, в алькове, сквозь штору виднелся крошечный туалет. Помещение освещалось из какого-то скрытого источника, возможно с потолка. В комнате стояли кровать, стул — и больше ничего.

Он подпер подбородок рукой, сомкнул веки, попытался сосредоточиться. Гомо сапиенс, мужчина, чело-

век с планеты Земля. Он говорил на языке, называемом английским. (Значило ли это, что были другие языки?) Ему были известны названия предметов: комната, кровать, стул. Он обладал, кроме того, определенным запасом общих знаний. Но отдавал себе отчет, что существует великое множество важных вещей, которые он знал когда-то, но не знает сейчас.

«Со мной что-то случилось».

Это «что-то» могло кончиться хуже. Если бы оно продлилось еще немного, он мог остаться безмозглым созданием, лишенным дара речи, не осознающим даже того, что он является человеком, мужчиной, землянином. Кое-что ему сохранили.

Но когда он попытался выйти за рамки известных ему фактов, то наткнулся на темную, заполненную ужасом зону. НЕ ВХОДИТЬ.

«Я, наверное, был болен».

Единственное разумное объяснение. В свое время, вероятно, у него были какие-то воспоминания о птицах, деревьях, друзьях, его положении в обществе, а может быть, и о жене. Теперь он мог лишь предполагать их. Когда-то он говорил: «Это похоже на...» или «Это напоминает мне...» Теперь же ничто ни о чем ему не напоминало, вещи были сами собой — и только. Он потерял возможность сравнивать и противопоставлять. Он не мог больше анализировать настоящее в свете пережитого прошлого.

«Должно быть, я в больнице».

Конечно. Здесь его лечат. Добрые врачи трудятся над возвращением ему памяти, осознания личности, чтобы сообщить ему, кто он и что он. Благородный труд! Он почувствовал, как на глазах у него выступили слезы благодарности. Он встал и медленно обошел комнатку. Дверь была заперта. Его охватил панический страх, который он решительно подавил в себе. Возможно, он был буйным.

Что ж, он будет буйствовать. Они увидят. Надо поговорить с врачом.

Он стал ждать. Прошло немало времени, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Шаги остановились у его двери. Панель откатилась в сторону, и показалось чье-то лицо.

— Как самочувствие?

Судя по коричневой форме и предмету, висящему на поясе (вероятно, оружие, подумал он), пришедший был охранником.

— Вы можете сказать, как меня зовут?

— Называй себя «четырееста второй», — сказал охранник. — По номеру камеры.

Это ему не понравилось. Но лучше 402-й, чем никто. Он спросил:

— Я долго болел? Сейчас мне лучше?

— Да, — иронично заверил охранник. — Веди себя спокойно. Подчиняйся правилам. Не вздумай дурить.

— Конечно, — согласился 402-й. — Но почему я ничего не могу вспомнить?

— Так всегда бывает, — ответил охранник и повернулся к выходу.

402-й окликнул его:

— Подождите! Нельзя же так оставлять меня, не объяснив. Что со мной случилось? Почему я в больнице?

— В больнице? — удивился охранник и, ухмыляясь, посмотрел на 402-го. — С чего ты взял?

— Я так предполагаю.

— Ты предполагаешь неверно. Это тюрьма.

402-й вспомнил сон об убитом человеке. Сон или воспоминание? Он отчаянно взмолился:

— В чем меня обвиняют? Что я сделал?

— Узнаешь, — бросил страж.

— Когда?

— После приземления. А пока готовься к собранию.

Он ушел. 402-й сидел на кровати и пытался думать. Кое-что прояснилось: он в тюрьме, и тюрьма вскоре приземлится. Что все это значит? Зачем тюрьме приземляться? И что за собрание ждет его впереди?

У 402-го осталось довольно смутное впечатление о том, что произошло дальше. Он не помнил, долго ли просидел на кровати, пытаясь склеить обрывки знаний о себе самом. Потом ему почудилось, будто прозвенел звонок. Дверь камеры открылась.

Зачем? Что бы это значило?

402-й подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать камеру — она давала ощущение безопасности. Подошел охранник.

— Не бойся. Никто тебе ничего не сделает. Иди по коридору прямо.

Охранник легонько подтолкнул его, и 402-й пошел по коридору. Он видел другие открытые камеры, людей, выходящих в коридор. Поначалу их было немного; людской поток увеличивался, заполняя проход. Большинство было в замешательстве, все молчали. Покрикивали только охранники:

— Прямо, давай двигай, прямо!

Их пригнали в большую круглую аудиторию. На балконе, опоясывающем комнату, стояли вооруженные стражи. Их присутствие казалось необязательным: испуганная и ничего не соображающая толпа и не помышляла о бунте. Однако охранники имели символическое значение — напоминали только что пробудившимся людям о самом важном факте их жизни: они арестанты.

Через несколько минут на балконе появился человек в темной форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя и так с него не спускали глаз, и по аудитории загремел голос:

— Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, что я вам скажу. Эти факты важны для вашего существования. Все вы, — продолжал оратор, — недавно очнулись в своих камерах. Вы поняли, что ничего не помните о прежней жизни, даже собственных имен. У вас есть лишь скудный запас общих сведений, достаточный, однако, для взаимодействия с реальностью. Я не расширю ваши познания. Все вы там, на Земле, были злобными и гнусными преступниками, людьми наихудшего сорта, лишенными Государством права на существование. В менее просвещенные века вас бы казнили. В наше время вас выслали.

По аудитории прошел шум, и офицер поднял руку, требуя тишины.

— Все вы преступники. У вас одна общая черта — неспособность выполнять основные обязательные правила человеческого общества. Эти правила необходимы в цивилизованном обществе. Нарушив их, вы соверши-

ли преступление против человечества. Поэтому человечество отторгло вас. Вы — палка в колесах цивилизации и изгнаны в мир вам подобных. Здесь вы вправе создавать свои законы и умирать по ним. Здесь свобода, которой вы жаждали, — неудержимая и губительная свобода роста раковых клеток.

Оратор вытер лоб и сурово воззрился на узников.

— Но, возможно, — произнес он, — некоторые из вас сумеют исправиться. Омега — планета, на которую мы летим, — это *ваша* планета, ее населяют исключительно преступники. Это мир, где вы можете начать жизнь сначала, с чистой страницы, без всяких предубеждений против вас! Вашего прошлого нет. Не пытайтесь вспомнить его. Подобные воспоминания только стимулируют криминальные наклонности. Считайте себя заново родившимися в момент пробуждения в камере.

Взвешенные, продуманные слова оказывали какое-то гипнотическое воздействие.

— Новый мир, — говорил оратор. — Вы переродились, — но с необходимым сознанием греха. Иначе вам было бы не по силам бороться со скрывающимся в вас злом. Помните это. Помните, спасения нет, и нет возврата. Сторожевые корабли, оснащенные новейшим лучевым оружием, патрулируют воздушное пространство Омеги днем и ночью. Они уничтожат любой предмет, поднявшийся более чем на пятьсот футов над поверхностью планеты. Свыкнитесь с этими фактами. А теперь приготовьтесь к посадке.

Оратор ушел с балкона. Среди заключенных пробежал шепоток. Но вскоре замер — говорить было не о чем. Узникам, не помнящим свое прошлое, не на чем основываться, размышляя о будущем. Нельзя обмениваться опытом и впечатлениями, если опыт и впечатления только что возникли.

Охранники на балконе застыли как мумии, недвижимые и безликие. И тут легчайшая дрожь прошла по полу аудитории. Затем она превратилась в вибрацию, и 402-й почувствовал тяжесть, словно на тело навалился невидимый груз.

Из громкоговорителей прозвучал голос:

— Внимание! Корабль приземляется на Омеге. Вскоре будет произведена высадка.

Заклоченных построили в колонну и вывели из помещения. Все еще ошеломленные, они шли по бесконечному коридору огромного корабля к открытому люку, через который врывался яркий свет.

402-й спустился по длинной лестнице и оказался на твердой почве. Он стоял на большой, залитой солнцем площади, окруженной любопытными зрителями.

— Отвечайте, когда называют ваш номер. Вам будет сообщена ваша личность! — прогремели динамики.

402-й чувствовал себя слабым и усталым. Сейчас его не интересовало ничего. Хотелось только лечь, заснуть или подумать о происходящем. Он осмотрелся и машинально отметил гигантскую ракету, охранников, зевак. Над головой в синеве небес плавали черные пятна. Сначала они показались ему птицами. Затем, приглядевшись, он понял, что это сторожевые корабли.

— Номер 1!

— Здесь, — ответил голос.

— Номер 1, ваше имя Вайн Саусхолдер. 34 года, группа крови АЛ-2, индекс АР-431-С. Виновен в измене. Толпа наблюдающих громко зааплодировала.

402-й, дремлющий на солнце, слушал перечисление убийств, ненормальностей, подделок, мутаций...

— Номер 402!

— Здесь.

— Номер 402, ваше имя Уилл Баррент. 27 лет, группа крови ОЛ-3, индекс ЭКС-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа радостно зашумела, но 402-й едва ли что-нибудь слышал. Он привыкал к тому, что у него есть имя. Настоящее имя, а не номер. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его, и повторял про себя снова и снова. И чуть не пропустил последнее объявление.

— Вновь прибывшие могут быть свободны. Ваше временное жилье находится на площади А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Наблюдайте, слушайте, учитесь. Закон обязывает меня сообщить вам, что средняя продолжительность жизни на Омеге приблизительно три земных года.

Последние слова не сразу дошли до Баррента. Он все еще свыкался со своим новым именем. И не задумывался о том, что значит быть убийцей на планете преступников.

Глава 2

Прибывших, человек около пятисот, повели к рядам барачных на площади А-2. Они еще не были людьми, они были существами, чья память охватывала события едва ли одного часа. Новорожденные сидели на койках и с любопытством оглядывали свои тела, увлеченно рассматривали ноги и руки. Они смотрели друг на друга и видели собственное бесформенное отражение в чужих глазах. Зрелость приходила быстро, из забытых видений и призраков памяти, рождалась из старых привычек и личностных черт, сохранившихся как обрывки порванной нити их прошлой жизни на Земле.

Уилл Баррент, отстояв в очереди к зеркалу, увидел приятного молодого человека с тонким носом, прямыми каштановыми волосами и честным волевым лицом, не помеченным следами сильных страстей. Баррент разочарованно отвернулся — это было лицо незнакомца.

Позднее, изучая себя более тщательно, он не мог найти даже какого-нибудь шрама, по которому можно было бы отличить его тело — скорее тренированное, чем мускулистое — от тысячи других. Его руки были не натружены. Интересно, какую работу он выполнял на Земле...

Убийство?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это.

Его тронули за плечо.

— Как настроение?

Баррент обернулся и увидел перед собой крупного, широкоплечего рыжеволосого мужчину.

— Нормально, — ответил Баррент. — Вы стояли впереди меня, да?

— Верно. Номер 401. Дэнис Фозрен.

Баррент представился.

— Ваше преступление? — поинтересовался Фозрен.

— Убийство.

Фозрен с уважением кивнул.

— А я фальшивомонетчик. По моим рукам этого не скажешь. — Он протянул две лапищи, покрытые редкими рыжими волосами. — Но в них все мое искусство. Память вернулась сперва к рукам. Им не терпелось взяться за работу. А я и не помнил за какую.

— И что вы сделали? — спросил Баррент.

— Крепко зажмурился и дал им волю, — объяснил Фозрен. — И обнаружил, что они копаются в замке камеры. — Он поднял свои ручищи и с восхищением посмотрел на них. — Умелые, дьяволята!

— Копаются в замке? — переспросил Баррент. — Мне послышалось, что вы фальшивомонетчик.

— Ну, это мое основное занятие. Такие кудесники могут сделать почти все. Подозреваю, что меня только поймали на изготовлении фальшивых денег; возможно, я также и взломщик. Моим рукам слишком много всего известно.

— Вы узнали о себе больше, чем это удалось мне, — сказал Баррент. — Я как во сне.

— Это ведь только начало, — утешил Фозрен. — Все еще станет ясно. Главное — мы на Омеге.

— Согласен, — кисло произнес Баррент.

— Вы слышали, что сказал тот человек? Это наша планета!

— Со средней продолжительностью жизни три года, — напомнил ему Баррент.

— Возможно, пустая болтовня, — отмахнулся Фозрен. — Я не верю охранникам. Земля!.. Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент. Мы свободны!

— Абсолютно верно, друзья, — вмешался другой человек, маленького роста, со скрытным взглядом. — Меня зовут Джо, — сообщил он. — На самом деле мое имя Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с

ароматом старого доброго времени. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор и полностью согласен с нашим рыжеволосым другом. Какие возможности! Нас отвергла Земля? Превосходно! Обойдемся без нее. Мы все равны здесь, свободные люди свободного общества. Нет униформ, нет охранников, нет солдат. Только раскаявшиеся бывшие преступники, желающие жить в мире.

— За что вас? — спросил Баррент.

— Сказали, что я кредитный вор, — ответил Джо. — Стыдно признаться, но я не помню, что такое кредитный вор. Хотя надеюсь, что вспомню.

— Может быть, у властей есть какая-нибудь система восстановления памяти, — предположил Фозрен.

— У властей?! — негодуя повторил Джо. — Это *наша* планета. Мы все равны здесь. Нам же сказали: никаких властей. Нет, друзья, эту чепуху мы оставили на Земле. Сейчас...

Он вдруг смолк. Открылась дверь, и в барак вошел толстый человек, очевидно старый житель Омеги, потому что вместо серой формы заключенных на нем была яркая желтая с синим одежда. На поясе, охватывающем объемистый живот, у него висели пистолет в кобуре и нож. Став на пороге, он упер руки в боки и стал разглядывать новичков.

— Ну? — проговорил он. — Вы что, Квестора не узнаете? Встать!

Никто не пошевелился.

Лицо Квестора побагровело.

— Придется поучить вас уважительности.

Он еще не успел вытащить оружие, а все уже были на ногах. Квестор посмотрел на них и с явным сожалением сунул пистолет в кобуру.

— Первое, что вам следует уяснить, — сказал Квестор, — это ваш статус на Омеге. У вас *нет* статуса. Вы — пеоны, а это значит, что вы *ничто*.

Он подождал немного и заявил:

— Теперь внимание, пеоны. Объясняю ваши обязанности.

Глава 3

— Итак, вы нижайшие из низших. Без статуса. Нет никого презреннее вас, кроме мутантов, а они вообще не люди. Вопросы есть?

Квестор ждал. Вопросов не было.

— Я определил, кто вы такие. Теперь перейдем к остальным жителям Омеги. Во-первых, все более важны, чем вы; но некоторые более важны, чем остальные. Следующим за вами по рангу идет Житель, немногим отличающийся от вас, а затем — Свободный Гражданин. Он носит на пальце серое кольцо статуса, а его одежда — черная. Если повезет, некоторые из вас смогут стать Свободными Гражданами.

Далее следуют Привилегированные Классы, различающиеся по символам, соответствующим рангу: например, у Хаджи — золотая серьга. Со временем вы узнаете прерогативы всех степеней и рангов. Нужно упомянуть священнослужителей. Не относясь к Привилегированным Классам, они обладают определенными льготами и правами. Я понятно говорю?

Все утвердительно забормотали. Квестор продолжал:

— Переходим к вопросам поведения. Пеоны обязаны называть Свободного Гражданина его полным титулом, обращаясь к нему со всем уважением. С Привилегированными Классами, например Хаджи, разговаривать разрешается, только когда с вами заговорят, стоять надо смирно, глядя под ноги, а руки держать сцеплен-

ными впереди себя. От Привилегированного Гражданина нельзя отходить без разрешения. Ни в коем случае не позволено сидеть в его присутствии. Ясно? Вам предстоит еще многое узнать. Мой ранг Квестора приравнивается к Свободному Гражданину, но обладает некоторыми прерогативами Привилегированных.

Квестор оглядел слушателей, желая убедиться, что до них дошел смысл сказанного.

— Эти бараки — ваш временный дом. Я составил график, кому подметать, кому мыть полы и так далее. Задавать вопросы мне можно в любое время, но глупые или дерзкие будут наказываться побоями или смертью. Помните, что вы самые низкие из низших, тогда останетесь в живых.

На несколько секунд Квестор замолчал. Затем объявил:

— Через два-три дня вас распределят на работу. Некоторые пойдут в германиевые шахты, некоторые на рыболовный флот, в разные отрасли торговли. А пока можете осмотреть Тетрахид.

Заметив непонимающие взгляды, Квестор пояснил:

— Тетрахид — название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге. — Он смолк, потом добавил: — И единственный.

— Что значит название Тетрахид? — спросил Джо.

— Откуда я знаю! — нахмурился Квестор. — Возможно, это одно из тех старых земных названий, которые вытаскивают скреннеры. Во всяком случае, будьте поаккуратнее, входя в него.

— Почему? — спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Баррент подошел к окну. Из него открывался вид на пустынную площадь и улицы Тетрахиды.

— Собираетесь туда? — спросил Джо.

— Пожалуй. Пойдете со мной?

Маленький кредитный вор покачал головой.

— Думаю, это небезопасно.

— Фозрен, а вы?

— Мне тоже что-то не хочется, — сказал Фозрен. — Полагаю, пока лучше оставаться в бараке.

— Странно, — произнес Баррент. — Это же наш город. Идет кто-нибудь со мной?

Фозрен пожал плечами, Джо махнул рукой и лег на койку. Остальные даже не взглянули в его сторону.

— Хорошо, — сказал Баррент. — Потом я вам все расскажу.

С минуту он подождал, надеясь, что кто-нибудь изменит решение, и вышел.

Город Тетрахид представлял собой цепочку зданий, вытянутую вдоль узкого полуострова. Со стороны суши полуостров огораживала высокая каменная стена с воротами, охраняемыми часовыми. Самым крупным зданием была Арена, раз в год используемая для Игр. Возле Арены сосредоточивались государственные учреждения.

Баррент шел по узким улочкам, осматриваясь по сторонам, стараясь понять, на что похож его новый дом. Извилистые немощеные улицы и темные обветшалые дома вызвали в памяти смутные картины. Где-то на Земле существовало подобное место, но он совершенно забыл его. Желание вспомнить было мучительно, как зуд, но восстановить картину ему так и не удалось.

Пройдя Арену, Баррент вышел на главный деловой проспект Тетрахиды, удивленно читая вывески: «Доктор без лицензии — аборт без промедления!», «Дисквалифицированный адвокат — политический пул!».

Что-то в этих надписях было не то. Он шел дальше, мимо магазинов, рекламирующих краденые товары, мимо заведения с вывеской: «Чтение мозгов! Штат из скренирующих мутантов. Ваше прошлое на Земле будет открыто!».

Баррент хотел зайти, но вспомнил, что у него нет ни гроша, а на Омеге, похоже, деньги ценятся высоко.

Он свернул в переулок, миновал несколько ресторанов и подошел к большому зданию Института ядов («Льготные условия. Рассрочка до трех лет. Результат гарантирован, в противном случае деньги возвращаются»). Вывеска над следующей дверью гласила: «Гильдия Убийц».

После вводной беседы на корабле Баррент решил, что на Омеге делается все для исправления преступников. Но этому явно не соответствовали вывески и объявления, или же это был какой-то очень странный метод исправления. Он двинулся дальше, медленно, в глубоком раздумье.

Потом он заметил, что люди уходят с его пути, прячутся в магазинах и подъездах. Старая женщина, взглянув на него, убежала.

Что происходит? Может быть, их пугает форма заключенного? Нет, жители Омеги не впервые видят такую. Тогда в чем дело?

Улица опустела. Рядом с ним хозяин магазина торопливо опускал железную штору над витриной краденых товаров.

— Что случилось? — спросил его Баррент.

— Ты спятил?! — воскликнул хозяин. — Сегодня же День Посадки!

— Простите?

— День Посадки! — повторил тот. — День приземления корабля с заключенными. Убирайся в свой барак, идиот!

Он спустил штору, и послышался щелчок запираемого замка. Баррент внезапно почувствовал страх. Что-то тут неладно. Нужно немедленно возвращаться. Глупо было идти в город, не зная обычаев.

К нему приближались трое мужчин, хорошо одетые, каждый с золотой серьгой Хаджи в левом ухе. Все трое были вооружены.

Баррент повернулся и пошел обратно. Один из тройки крикнул:

— Остановись, пеон!

Баррент увидел, что рука мужчины потянулась за оружием, и остановился.

— В чем дело? — спросил он.

— Сегодня День Посадки, — ответил мужчина и посмотрел на своих друзей. — Ну, кто первый?

— Бросим жребий.

— Вот монета.

— Нет, лучше на пальцах.

— Приготовились? Раз, два, три!

— Он мой, — сказал Хаджи, стоявший слева. Его приятели отодвинулись, а он вытащил оружие.

— Подождите! — взмолился Баррент. — Что вы делаете?

— Собираюсь застрелить тебя, — сообщил мужчина.

— Почему?!

Мужчина улыбнулся.

— Потому что это привилегия Хаджи. В День Посадки мы имеем право убить любого пеона, покинувшего свой барак.

— Но меня не предупредили!

— Естественно, — согласился мужчина. — Если новичков предупреждать, то они не будут выходить из барачков в День Посадки. А это испортит всю забаву.

Он прицелился.

Баррент среагировал молниеносно. Бросился на землю, услышал шипение и увидел, как от здания, под которым он лежал, отвалился оплавленный кусок.

— Теперь моя очередь, — сказал другой мужчина.

— Прости, приятель, но очередь моя.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Стреляю я.

Однако Баррент был уже на ногах и бежал. Преследователи не торопились, словно были совершенно уверены в успехе. Баррент свернул в боковую улицу и понял, что сделал ошибку. Улица заканчивалась тупиком. Сзади не спеша подходили Хаджи.

Баррент затравленно озирался по сторонам. Все двери были заперты, все витрины зашторены. Некуда юркнуть, негде спрятаться.

И тут он увидел открытую дверь, которую, не заметив, пробежал. Вывеска гласила: «Общество по защите жертв». «Как раз для меня», — подумал Баррент.

Он рванулся назад, проскользнув перед самым носом ошеломленных Хаджи. Выстрелом опалило землю под ногами, но он уже ввалился в дверь. Преследователи не пошли за ним. Их голоса слышались снаружи — обсуждался вопрос первенства. Баррент понял, что попал в какое-то убежище.

Он находился в просторном, ярко освещенном помещении. На скамье у двери несколько оборванцев смеялись над какой-то шуткой. Сидевшая невдалеке от них

темноволосая девушка рассматривала Баррента большими немигающими зелеными глазами. Мужчина за столом в дальнем конце комнаты кивнул ему.

Баррент подошел к столу. Низенький человек в очках ободряюще улыбнулся.

— Это Общество по защите жертв? — спросил Баррент.

— Совершенно верно, сэр, — сказал мужчина. — Я Рондольф Френдлер, президент этой бескорыстной организации. Могу быть вам полезен?

— Воистину да, — ответил Баррент. — Видите ли, я — жертва.

— Я это сразу понял, — сообщил Френдлер, тепло улыбаясь. — Вас выдает взгляд, присущий жертвам: смесь страха и неуверенности с налетом незащитности.

— Очень интересно, — сказал Баррент, оглядываясь на дверь и пытаясь сообразить, надолго ли его убежище сохранит свою неприкосновенность. — Мистер Френдлер, я не член вашей организации.

— Не имеет значения, — заверил Френдлер. — Членство в нашем обществе — вещь, спонтанная по определению. К нам присоединяются, когда возникает необходимость. Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

— Очень хорошо, сэр. Там снаружи трое хотят убить меня.

— Понимаю, — произнес мистер Френдлер. Он открыл ящик стола и вынул толстую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу. — Скажите, вы определили статус этих людей?

— По-моему, они Хаджи. У каждого золотая серьга в левом ухе.

— Точно, — подтвердил мистер Френдлер. — А сегодня День Посадки. Вы с только что приземлившегося корабля и относитесь к пеонам, не так ли?

— Так, — сказал Баррент.

— В таком случае я счастлив сообщить, что все в порядке. Охота Дня Посадки заканчивается с заходом солнца. Вы можете спокойно уйти отсюда, зная, что ваши права никоим образом не нарушены.

— Уйти? После захода солнца, вы имеете в виду?

Мистер Френдлер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. По закону вы должны уйти немедленно.

— Но они убьют меня!

— Верно, — согласился Френдлер. — К сожалению, ничего нельзя сделать. Таков смысл слова «жертва».

— Я думал, у вас защищают...

— Так и есть. Но мы защищаем права, а не самих жертв. Ваши права не нарушены. У Хаджи есть привилегия охотиться на пеонов в День Посадки в любое время до заката. Однако необходимо добавить: вы в свою очередь имеете право убить любого, кто покушается на вас.

— У меня нет оружия, — сказал Баррент.

— У жертв никогда нет оружия, — заверил Френдлер. — В том-то и разница. Понимаете? Но с оружием или без, боюсь, вы должны немедленно уйти.

Баррент все еще слышал ленивые голоса Хаджи на улице. Он спросил:

— У вас есть другой выход?

— К сожалению, нет.

— Тогда я просто не уйду.

Продолжая улыбаться, мистер Френдлер выдвинул ящик стола и достал пистолет.

— Вы должны уйти. Либо выходите к Хаджи, либо вы лишитесь последнего шанса и умрете здесь, — сказал он, прицеливаясь.

— Одолжите мне ваше оружие, — попросил Баррент.

— Не позволено, — объяснил Френдлер. — Нельзя же допустить, чтобы жертвы бегали вооруженные, сами понимаете. — Он щелкнул предохранителем. — Ну, уходите?

Баррент прикинул возможность броска через стол за пистолетом и понял, что ничего не получится. Он повернулся и медленно пошел к двери. Мужчины все еще смеялись. Темноволосая девушка поднялась со скамейки и встала у входа. Подойдя ближе, Баррент заметил, что она очень хороша собой. Интересно, какое преступление привело ее на Омегу, подивился он.

Проходя мимо девушки, Баррент почувствовал, как в его руку скользнул маленький, грозного вида пистолет.

— Удачи, — произнесла девушка. — Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться?

Баррент благодарно кивнул, хотя этой надежды вовсе не разделял.

Глава 4

Улица была пуста, если не считать спокойно переговаривающихся Хаджи. Когда Баррент вышел, двое отодвинулись, а третий шагнул вперед. Увидев, что Баррент вооружен, он быстро прицелился.

Баррент кинулся на землю и нажал на гашетку своего оружия. Он почувствовал, как оно дрогнуло в руке, и увидел, что голова и плечи Хаджи потемнели и начали распадаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, пистолет вывернуло из руки дикой силой — выстрел умирающего Хаджи задел ствол.

Баррент в отчаянии рванулся к оружию, понимая, что вовремя не успеет, тело напряглось в ожидании смертельного удара... Он докатился до пистолета, удивительным образом живой, прицелился в ближайшего Хаджи.

И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи вкладывали оружие в кобуры. Один из них сказал:

— Бедный старый Дрэйкен. Он так и не научился быстро целиться.

— Мало было практики, — заметил второй. — Дрэйкен не очень-то тренировался.

— Вот наглядный урок. Нельзя терять форму.

— И не следует недооценивать противника, даже пеона. — Он посмотрел на Баррента. — Отличный выстрел, приятель.

— Действительно, превосходный выстрел, — подтвердил другой мужчина. — Из пистолета чрезвычайно трудно точно стрелять в падении.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, сжав в руке оружие, готовый к действию при первом подозрительном движении Хаджи. Но они вели себя очень спокойно, явно считая инцидент исчерпанным.

— Что теперь? — спросил Баррент.

— Ничего, — ответил один из Хаджи. — В День Посадки каждому человеку или охотничьей партии позволено только одно убийство. После этого вы вне Охоты.

— Неинтересный праздник, — пожаловался его товарищ. — Не сравнить с Играми или Лотереей.

— Вам остается только пойти в Регистрационную контору, — перебил первый, — и получить наследство.

— Что?

— Ваше наследство, — терпеливо повторил Хаджи. — Вы наследуете все состояние вашей жертвы. Но от Дрэйкена, должен вам сообщить, много не получите.

— Он никогда не был хорошим бизнесменом, — печально произнес другой. — И все же для начала неплохо. А так как вы совершили узаконенное убийство — хотя и в высшей степени необычное, — то подниметесь в положении. Вы стали Свободным Гражданином.

На улице появились люди, лавочники открывали шторы. Подъехал грузовик с надписью: «Удаление тел. Группа 5», и четверо мужчин в униформе забрали тело Дрэйкена. Тетрахид возвращался к обычной жизни. Это больше, чем заверения Хаджи, убедило Баррента, что все позади. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора там, — сказал один из Хаджи. — Мы выступим вашими свидетелями.

Баррент еще не полностью понимал, что происходит. Но раз все идет хорошо, он решил не задавать вопросов. Успеет разобраться потом.

В сопровождении Хаджи он пришел в Регистрационную контору на Оружейной площади. Здесь клерк со скучной миной выслушал показания, достал деловые бумаги Дрэйкена и вместо его имени вписал имя Баррента. В документах уже было несколько подобных изменений — видимо, круговорот бизнеса в Тетрахиде совершается быстро.

Так Баррент оказался владельцем магазина противоядий на бульваре Наглой Лжи. Бумаги официально возводили его в ранг Свободного Гражданина. Клерк вручил кольцо статуса, сделанное из оружейной стали, и посоветовал как можно скорее сменить одежду во избежание неприятных недоразумений. Хаджи пожелали ему удачи и всяческих успехов.

Баррент решил осмотреть свое новое жилище и магазин. На фасаде дома красовалась вывеска: «Средства от всех ядов. Приобретайте набор "Сделай сам, если хочешь выжить". Двадцать три противоядия в карманной коробке!».

Баррент открыл дверь и вошел. За низкой стойкой до потолка тянулись полки, заставленные бутылками, склянками, картонками и квадратными стеклянными банками с листьями, веточками, грибами. Рядом стоял маленький шкаф с книгами. Баррент прочел несколько названий: «Быстрое диагностирование при остром отравлении», «Семейство мышьяка», «Производные белены».

Было очевидно, что отравление играет значительную роль в обыденной жизни Омеги, раз существуют магазины, — а наверное, есть и другие, — которые готовят и распространяют противоядия. Баррент подумал и решил, что получил необычное, но почетное дело. Он изучит все книги и узнает, как его следует вести.

К магазину примыкали гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо спитый черный костюм Гражданина и переоделся, не забыв переложить в карман пистолет. Покинув магазин, он направился в Общество по защите жертв.

Дверь все еще была открыта, а трое оборванцев все так же сидели на скамье. Теперь они не смеялись. Долгое ожидание, казалось, утомило их. За столом просматривал бумаги мистер Френдлер. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Френдлер встал.

— Примите мои поздравления! Дорогой друг, искренние, найтеплейшие поздравления! Великолепный выстрел! Притом в падении!

— Благодарю вас, — произнес Баррент. — Я пришел сюда, чтобы...

— Знаю, знаю, — сказал Френдлер. — Вы желаете осведомиться о правах Свободного Гражданина. Естественное желание. Садитесь на скамью, и я буду к вашим услугам через...

— Я пришел не за этим, — перебил Баррент. — Конечно, я не прочь узнать свои права и обязанности. Но сперва я хотел бы найти ту девушку.

— Девушку?

— Она сидела на скамье, когда я вошел. И дала мне пистолет.

Мистер Френдлер удивленно воззрился на него.

— Гражданин, вы ошибаетесь. Сегодня в конторе вообще не было женщин.

— Она сидела на скамье рядом с этими тремя мужчинами. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы не могли не заметить ее.

— Я определенно заметил бы ее, если бы она здесь была, — сказал Френдлер, часто мигая. — Но, как я уже говорил, в этом помещении не было и духу женщины.

Баррент посмотрел на него и вытащил из кармана пистолет.

— В таком случае откуда эта штука?

— Я его вам одолжил, — ответил Френдлер. — Рад, что вы успешно сумели им воспользоваться, но теперь попрошу вернуть.

— Вы лжете, — процедил Баррент, сжав оружие. — Спросим у этих людей. Куда ушла девушка?

Мужчина поднял угрюмое небритое лицо и сказал:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, что сидела вот тут.

— Здесь никого не было. Рафаэль, ты видел женщину на скамейке?

— Только не я, — ответил Рафаэль. — А я сижу здесь с десяти утра.

— И я не видел, — вставил третий. — А у меня отличное зрение.

Баррент повернулся к Френдлеру.

— Почему вы лжете мне?

— Я сказал истинную правду. Пистолет вам одолжил я, потому что это моя привилегия как президента Общества по охране жертв. А теперь попрошу его обратно.

— Нет, — отрезал Баррент. — Пистолет будет у меня, пока я не найду девушку.

— Это не очень разумно, — произнес Френдлер и поспешно добавил: — Я имею в виду, что в данных обстоятельствах кража не прощается.

— Рискну, — бросил Баррент и покинул Общество по защите жертв.

Глава 5

Барренту требовалось время, чтобы оправиться от бурного вступления в омегианскую жизнь. Начав с бесправного положения новоприбывшего, посредством убийства он стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его зашвырнули в шаткое настоящее мира преступников, дав смутное представление о сложной иерархической структуре и узаконенной программе убийств. Он обнаружил в себе определенную уверенность и неожиданное проворство с оружием. Баррент понимал, что надо еще очень много узнать о себе, Омеге и Земле, и надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть сделать это.

Но сперва главное. Нужно зарабатывать на жизнь. Необходимо стать специалистом по ядам и противоядиям.

Он прошел в подсобку и стал просматривать книги, оставленные Хаджи Дрэйкеном.

Литература о ядах оказалась увлекательным чтением. В книгах описывались растительные яды, известные на Земле, такие, как вонючий морозник, чемерица, паслен и тисовое дерево. Болиголов и вызываемые им предсмертные судороги. Синильная кислота миндаля и дигиталин пурпурной наперстянки. Ужасающе эффективная волчья отравка со смертельной дозой аконита и экстракты таких грибов, как бледная поганка и мухомор, не говоря уже о чисто омегианских ядах типа красноголовника или цветущей лилии морталис.

Но знать растительные яды, хотя и бесчисленные в своих вариациях, было мало. Оставались еще ядовитые животные — птицы, пауки, змеи, скорпионы и гигантские осы. Множество минеральных ядов вроде мышьяка, ртути, висмута. Едкие нитраты, гидрохлориды, кислоты. Кроме того, существовали яды, выделенные из разных источников и очищенные от примесей, — стрихнин, муравьиная кислота, гиоциамин, белладонна.

Для каждого из этих веществ существовали свои противоядия; но Баррент подозревал, что сложные, тщательно сформулированные рецепты далеко не всегда были эффективными. Действие противоядия зависело и от правильного диагноза: симптомы, вызываемые разными ядами, слишком часто совпадали.

Баррент изучал книги, размышлял... И с некоторой нервнойностью обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие его опасения беспочвенны. Вместо десятков смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей прибегало к мышьяку и стрихнину — недорого, проверенным и очень болезненным. У синильной кислоты легкоразличимый запах, ртуть трудно ввести в организм, а едкие вещества, хотя и удовлетворительно эффективные, весьма опасны в обращении. Волчья отравка и мухомор, конечно, превосходны; нельзя сбрасывать со счетов белладонну, да и бледная поганка, и вонючий морозник не лишены особого, мрачного очарования. Но то были яды старого, праздного времени. Нетерпеливое молодое поколение — и особенно женщины (они составляли на Омеге девять десятых отравителей) — довольствовались простыми средствами.

Омегианские женщины были консервативны. Их трогала утонченная изысканность отравительского искусства. Средства вообще не интересовали их, только цели — как можно быстрее и дешевле. Женщины Омеги отличались рациональностью. И хотя страстные теоретики в Институте ядов пытались продавать фантастические микстуры контактных ядов типа трехдневной плесени и неустанно трудились над составлением сложнейших композиций, те с трудом находили сбыт. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали

оставаться столпами торговли, что существенно облегчало работу Баррента.

Осложнения возникали с мужчинами, которые отказывались верить, что они отравлены подобными банальными ядами. В таких случаях Баррент прописывал массу различных корешков, трав, листьев и крошечную гомеопатическую дозу яда, неизменно совмещая это с нейтрализующими и рвотными агентами.

Вскоре Баррента навестили Дэнис Фозрен и Джо. Фозрен получил временную работу в доках по разгрузке рыбацких судов, а Джо организовал ночную игру в покер среди государственных служащих Тетрахида. Ни тот ни другой не поднялись заметно в статусе; без убийств на своем счету они были лишь Жителями Второго Класа и нервничали при встрече со Свободным Гражданином, но Баррент вел себя на равных. Это были его единственные друзья на Омеге, и он не собирался терять их из-за неравенства в социальном положении.

Правила и обычаи Тетрахида оставались загадкой за семью печатями. Даже Джо не мог узнать что-нибудь определенное от своих друзей на государственной службе. На Омеге закон хранился в тайне. Опытные использовали его знание против вновь прибывших. При помощи неравенства и культивируемого невежества власть и привилегии оставались в руках старейших жителей. Конечно, движение вверх не остановить. Но его можно замедлить и сделать чрезвычайно опасным. Чтобы ознакомиться с обычаями и законами Омеги, новичкам оставался единственный, но рискованный способ — проб и ошибок.

Хотя магазин требовал много времени, Баррент настойчиво искал девушку, которая ему помогла. Пока у него не было даже доказательств, что она существовала.

Он познакомился с владельцами соседних магазинов. Веселый уса́тый молодой человек по имени Деймонд Гаррисбург распоряжался в продовольственном. Весьма обыденная и мирная профессия, но, как говорил Гаррисбург, даже преступники должны есть. Следовательно, необходимы фермеры, перевозчики, упаковщики и магазины. Гаррисбург утверждал, что его бизнес ничем не уступает присущей Омеге индустрии смерти. Кроме

того, дядя жены Гаррисбурга был Министром Публичных Работ. Через него Гаррисбург рассчитывал получить сертификат на убийство. С этим важным документом он мог совершить свое обязательное преступление и податься до статуса Привилегированного Гражданина.

Баррент поддакивал и кивал, но сомневался, не отравит ли сперва Гаррисбурга его жена, худая бойкая женщина. Похоже, она недолюбливала мужа, а развод на Омеге был запрещен.

Другой сосед, Тем Ренд, был долговязым бодрым мужчиной около сорока. От левого глаза почти до уголка рта тянулся шрам — подарок от желающего подняться в положение. Желающий не на того напал. По свидетельству очевидцев, совершенное им ответное убийство было достойно всяческого подражания. Тем Ренд владел магазином оружия, постоянно практиковался и всегда носил при себе образчики своих товаров. Тем мечтал стать членом Гильдии Убийц. Он уже подал заявление и имел шансы быть принятым в эту старейшую и суровую организацию через несколько месяцев.

У него Баррент купил оружие. По совету Ренда он выбрал иглолучевик Джамисона-Тира, — быстродействующий и аккуратный, развивающий мощность пули крупного калибра. Конечно, у него не было такого рассеяния, как у теплового оружия Хаджи, способного поражать в шести дюймах от цели. Но тепловики широкого радиуса действия поощряли неточность. Это было небрежное, беспорядочное оружие, приучавшее своих владельцев к беспечности. Из него мог стрелять любой, а чтобы эффективно использовать иглолучевик, необходима постоянная практика. И практика себя оправдывала: опытный стрелок из иглолучевика стоил двух с широкотепловым оружием.

Баррент внял совету, идущему от будущего Убийцы и владельца оружейного магазина. Долгие часы он проводил в тире Ренда, оттачивая быстроту реакции и привыкая к автоматической кобуре.

Надо было многое знать и еще больше делать только для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелой работы, пока она имела серьезную цель. Он надеялся, что некоторое время все будет спокойно, и передышка позволит догнать в знаниях старожил.

Но на Омеге нет ничего стабильного.

Однажды днем Баррент принял необычно выглядевшего посетителя: лет пятидесяти, плотного, со строгим лицом. Гость был одет в красную рясу до колен и сандалии. С пояса свисали маленькая черная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От человека веяло силой и властью. Баррент был не в состоянии определить его статус.

— Я собирался закрывать, сэр. Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел не за покупками, — перебил посетитель. Он позволил себе легкую улыбку. — Я пришел продать.

— Продать?

— Я священник, — сказал человек. — Вы новичок в моем приходе. Я не видел вас на службах.

— Я ничего не знал о...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому закону неведение не служит оправданием. Напротив, неведение может быть наказано как акт намеренного пренебрежения, параграф 28 Закона о Всеобщей Персональной Ответственности, не говоря уже о его Малом Дополнении. — Он снова улыбнулся. — Тем не менее вопрос дисциплинарного взыскания пока не стоит.

— Рад слышать, сэр, — сказал Баррент.

— Зовите меня Дядей, — сказал священник. — Я Дядя Ингмар, и я пришел, чтобы рассказать об ортодоксальной религии Омеги — поклонении вездесущему духу Зла, иже есть наша опора и упование.

— Буду счастлив узнать о религии Зла, Дядя, — произнес Баррент. — Разрешите пригласить вас в гостиную?

— Конечно, Племянник, — ответил священнослужитель и последовал за Баррентом.

Глава 6

— Зло, — сказал Дядя Ингмар после того, как удобно устроился в лучшем кресле, — это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие силы и выносливости. Культ Зла является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый ухватиться за любую возможность продвижения; человек, принимающий смерть с достоинством и убивающий без унижительного чувства жалости. Зло есть действительное отражение безразличной и бесчувственной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя проявляется в различных формах многообразной жизни.

— Не уютно ли немного вина, Дядя? — предложил Баррент.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Как бизнес?

— Прекрасно. Правда, на этой неделе, пожалуй, вяло.

— Люди уже не проявляют прежнего интереса к отравлению, — заметил священник, задумчиво потягивая вино. — То ли дело, когда я был мальчишкой, только что высланным с Земли... Однако я отвлекся.

— Слушаю вас, Дядя.

— Мы поклоняемся Злу, — сказал Дядя Ингмар, — как воплощению Великого Черного, страшного, увен-

чанного рогами надсмотрщика наших дней и ночей. В Великом Черном мы находим семь смертных грехов, сорок преступлений и сто один порок. Нет такого преступления, которого бы не совершил Великий Черный, — совершил безупречно, как подобает его натуре. Мы, несовершенные существа, стремимся вести себя по его образу и подобию. И иногда Великий Черный вознаграждает нас, являясь в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того.

Священник ненадолго погрузился в воспоминания о явлении божества. Затем он сказал:

— Так как мы признаем в Государстве высшее проявление способности человека ко Злу, мы также поклоняемся Государству как сверхчеловеческому, хотя и не божественному, созданию.

Баррент кивнул. Он все время боролся со сном. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, повествующий о таком распространенном понятии, как Зло, оказывал усыпляющее действие.

— Можно спросить, — бубнил Дядя Ингмар, — если Зло является величайшим достижением человеческой натуры, зачем тогда Великий Черный позволяет существовать Добру? Проблема Добра веками волновала непросвещенных. Сейчас я отвечу.

— Да, Дядя? — произнес Баррент, тайком уцепив себя за ляжку, чтобы отогнать сон.

— Но сперва, — продолжал священник, — давайте дадим определение понятий. Давайте исследуем природу Добра. Давайте смело и безбоязненно изучим нашего противника и раскроем его истинные черты.

— Да, — кивнул Баррент. Его веки налились свинцом. Он потерял глаза и попытался слушать.

— Добро есть состояние иллюзии, — ровным голосом вещал Дядя Ингмар, — которое приписывает человеку не свойственные ему черты добродетели, смирения и благочестия. Как мы докажем иллюзорную природу Добра? Очень просто: во Вселенной существуют только человек и Великий Черный, и поклоняться Великому Черному — значит поклоняться высшему самовыражению. Таким образом, показав, что Добро есть

иллюзия, необходимо признать его свойства несуществующими. Понимаете?

Баррент не ответил.

— Вы понимаете? — повторил священник резко.

— А? — произнес Баррент, дремавший с открытыми глазами. Он заставил себя очнуться и проговорил: — Да, Дядя, я понимаю.

— Превосходно. Теперь спрашиваем: почему Великий Черный позволяет даже иллюзии Добра существовать во Вселенной Зла? И находим ответ в Законе Необходимых Противоположностей, ибо Зло нельзя определить как таковое без обязательного контраста. Лучший контраст — противоположность. А противоположность Зла есть Добро. — Священник торжествуя улыбнулся. — Все просто и ясно, не правда ли?

— Конечно, Дядя, — согласился Баррент. — Не хотите ли еще немного вина?

— Ах, буквально капельку, — сказал священник.

Еще десять минут он рассказывал Барренту о естественном и чарующем Зле, свойственном зверям и птицам лесным, и советовал следовать в поведении примеру этих бесхитростных созданий. Наконец он кончил и поднялся.

— Очень рад приятной беседе, — сказал священник, тепло пожимая руку Баррента. — Могу я рассчитывать на ваше присутствие на ночных службах по понедельникам?

— Службах?

— Конечно. Каждый понедельник, ровно в полночь, мы служим Черную Мессу в Малом Шабаше на Церковно-лесном проезде. После этого Девы готовят закуску, мы танцуем и устраиваем хоровое пение. Это очень весело. — Он широко улыбнулся. — Поклонение Злу может быть приятным.

— Да, естественно, — подтвердил Баррент. — Я приду.

Он проводил священника до двери и затем надолго задумался над тем, что сообщил ему Дядя Ингмар. Без сомнения, присутствие на службах необходимо. Практически обязательно. Он только надеялся, что Черная Месса не будет так адски скучна, как ингмаровское разъяснение Зла.

Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят — он получил партию гомеопатических трав от своего агента из района Кровавая Яма. Надо было рассортировать и классифицировать их, а затем разложить по ящикам.

В понедельник по пути в магазин после ленча Барренту показалось, что он увидел ту девушку. Он бросился за ней, но потерял в толпе.

Придя к себе, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение из Магазина Снов. Текст гласил:

«Дорогой Гражданин, мы счастливы приветствовать вас в нашем районе и предложить услуги, как мы надеемся, лучшего Магазина Снов на Омеге. Продаем сны на любой вкус — и по неслыханно низкой цене. Мы специализируемся на снах-воспоминаниях о Земле.

Уверены, что, как Свободный Гражданин, вы непременно захотите воспользоваться нашими услугами. Надеемся, это произойдет в течение недели. *Владельцы*».

Баррент отложил письмо. Он не имел ни малейшего понятия, что представляет из себя Магазин Снов. Предстоит это узнать. Хотя приглашение было составлено очень вежливо, в нем чувствовалась повелительность. Очевидно, посещение Магазина Снов являлось одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Конечно, обязанность может оказаться и удовольствием. Настоящее восстановление памяти о Земле стоило бы любых денег.

Но с этим можно пока подождать. Сегодня — Черная Месса, и его присутствие там определенно требуется.

Баррент покинул магазин в одиннадцать вечера, собираясь немного погулять по Тетрахиду перед службой, начинающейся в полночь.

Он вышел на прогулку вполне довольный собой. И — такова уж была противоречивая и непредсказуемая природа Омеги — едва не погиб по пути в Малый Шабаш на Церковно-лесном проезде.

Глава 7

Стояла жаркая, душная ночь. На улице — ни малейшего дуновения. С Баррента градом катил пот, хотя он и был одет только в шорты, черную рубашку и сандалии.

Мимо промчалась группа людей.

В этом поспешном бегстве при жаре, когда и идти-то было трудно, чувствовалась паника. Баррент попытался узнать, в чем дело, но никто не останавливался. Только один старик крикнул через плечо:

— Убирайся с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик что-то неразборчиво прорычал и скрылся.

Баррент нервно сжал рукоять иглолучевика. Что-то происходило, но что? Теперь ближайшее убежище — Шабаш, до которого оставалось около полумили. Пожалуй, лучше продолжить путь, держась наготове, чтобы отразить любое нападение.

Через несколько минут Баррент оказался один в зашторенном городе. Он шел посреди улицы, вынуждая иглолучевик из кобуры. Возможно, наступает какой-нибудь праздник типа Дня Посадки. Все возможно на Омеге...

Он считал себя готовым к любой неожиданности. Но опасность пришла совсем с другой стороны и застигла его врасплох.

Легкий ветерок всколыхнул стоячий воздух. Ветерок исчез и вернулся уже окрепшим, заметно охлаждаая

раскаленные улицы. Он гнал перед собою мусор, подметая переулки Тетрахиды, и Баррент почувствовал, как высыхают его грудь и спина.

Несколько минут климат Тетрахиды был необычайно приятным.

Холодный воздух подул с вершин гор, и температура упала градусов на десять.

Странно, подумал Баррент, лучше поскорее добраться до Шабаша.

Он прибавил шагу, а температура все снижалась. На улицах появились первые сверкающие признаки мороза.

Холоднее стать не может, решил Баррент.

Он оказался неправ. Студеный зимний ветер завыл в переулках, повалил снег. Продрогший до костей Баррент бежал по пустым улицам, а рассвирепевший ветер догонял и подстегивал его. Дороги коварно блестили. Он поскользнулся и упал, а поднявшись, пошел медленнее.

Сквозь неплотно закрытое окно Баррент увидел свет и заколотил по ставням, но изнутри не раздалось ни звука. Он осознал, что жители Тетрахиды никогда не помогают друг другу; чем больше людей умрет, тем больше шансов выжить у оставшихся. И Баррент продолжал бежать, чувствуя, как ноги превращаются в два чурбана.

Ветер взревел, и градины величиной с кулак забарабанили по земле. У Баррента уже не хватало сил для бега. Теперь он мог лишь идти в замерзшем белом мире и надеяться, что успеет добраться до Малого Шабаша.

Он шел часы и годы. Однажды он миновал покрытые инеем тела двух мужчин, привалившихся к стене. Эти остановились.

Баррент снова заставил себя бежать. В боку кололо как ножом, а по рукам и ногам поднимался холод. Скоро стужа достигнет груди, и наступит конец.

Целый шквал града обрушился на него.

Придя в себя, Баррент обнаружил, что лежит на ледяной земле, и безжалостный ветер выдувает из его тела последние крохи тепла.

В конце улицы виднелись красные огни Шабаша. Он пополз к ним на четвереньках, отталкиваясь руками,

двигаясь механически, уже ни на что не надеясь. Он полз и полз, а мерцающий огонек все так же светил вдалеке.

Но Баррент продолжал ползти и наконец достиг двери. Он поднялся на ноги и повернул ручку.

Дверь была заперта.

Он бешено заколотил кулаками, и панель откатилась. На него смотрел человек; затем панель снова закрылась. И больше не открывалась. Чего они ждут там внутри? Что случилось? Баррент попытался вновь стучать, но оступился и упал на землю. Перевернувшись, он бросил последний отчаянный взгляд на запертую дверь. И потерял сознание.

Баррент очнулся на койке. Двое мужчин растирали ему руки и ноги, под собой он чувствовал восхитительное тепло грелок. Внимательно всматриваясь, над ним нависло широкое темное лицо Дяди Ингмара.

— Вам лучше? — спросил Дядя Ингмар.

— Кажется, — произнес Баррент. — Почему вы так долго не открывали дверь?

— Мы вовсе не собирались открывать ее, — сообщил священник. — Закон запрещает помогать посторонним в беде. А формально вы посторонний, так как еще не вступили в сообщество.

— Тогда почему меня впустили?

— Мой ассистент заметил, что у нас четное число молящихся. А требуется число нечетное, желательно оканчивающееся на тройку. Когда церковный и светский законы вступают в противоречие, светский должен уступить. И мы впустили вас, несмотря на правила.

— Странные правила, — сказал Баррент.

— Вотсе нет. Они предназначены для поддержания постоянного уровня населения. Омега бесплодная планета, а приток заключенных увеличивает население в ущерб старейшим обитателям. Приходится принимать меры, чтобы избавиться от лишних новичков.

— Это нечестно, — упорствовал Баррент.

— Вы будете думать по-другому, когда станете старожилом, — заверил Ингмар. — А судя по вашей живучести, вы им станете.

— Возможно, — согласился Баррент. — Но что случилось? Температура, должно быть, упала градусов на пятьдесят за пятнадцать минут.

— На шестьдесят, если быть точным, — поправил Дядя. — Все очень просто. Омега эксцентрически движется вокруг системы двойной звезды. Нестабильность усугубляется физическими особенностями планеты, расположением гор и морей. Результатом является ужасный климат, характеризующийся резкими скачками температуры.

Ассистент, маленький надменный человечек, добавил:

— Подсчитано, что среди планет, на которых человек способен жить без солидной искусственной поддержки, Омега занимает верхний предельный уровень. Будь перепады температуры хоть чуточку больше, люди не смогли бы здесь существовать.

— Идеальный карательный мир, — гордо произнес Дядя Ингмар. — Опытные жители предчувствуют изменение температуры и идут по домам.

— Это... адски... — Баррент не находил слов.

— Превосходное описание, — сказал священник. — Это действительно адски и потому соответствует поклонению Великому Черному. Если вы чувствуете себя лучше, Гражданин Баррент, пора начинать службу.

Если не считать слегка обмороженных пальцев на руках и ногах, Баррент чувствовал себя нормально. Он кивнул и последовал за священником в главную часть Шабаша.

После всего, что пришлось пережить, Черная Месса оказалась для Баррента необходимой разрядкой. Пригревшись на теплой скамейке, он продремал всю проповедь, посвященную необходимости ежедневного упражнения во зле.

— Поклонение Злу, — вещал Дядя Ингмар, — не следует блюсти единственно по ночам понеделника. Наоборот! Реализовывать Зло должно ежедневно. Не каждому дано быть великим грешником, но пусть это вас не обескураживает. Мелкие пакости, совершаемые

регулярно, переходят в большой, угодный Великому Черному грех. Не следует забывать, что выдающиеся нечестивцы, даже демонические святые, часто начинали весьма скромно. Разве Трастус не был рядовым лавочником, обманывающим покупателей? Кто мог ожидать, что этот заурядный человек станет Кровавым Убийцей с Торндайкской Дороги? А кто мог вообразить, что доктор Лойенд будет крупнейшим авторитетом по применению пыток? Настойчивость, упорство и набожность позволили этим людям подняться до положения правой руки Великого Черного. Следовательно, — заключил Дядя Ингмар, — Зло есть в такой же мере занятие бедных, как и богатых.

На этом проповедь закончилась. Баррент проснулся, когда для благоговейного обозрения вынесли святыни — кинжал с красной рукояткой и разукрашенную жабу. Во время начертания магического пятиугольника он снова заснул.

Наконец церемония приблизилась к завершению. Были зачитаны имена демонов зла: Ваал, Форкас, Буэр, Маркозиас, Астарот и Бегемот. Потом прочли молитву о защите от искушений Добра. Дядя Ингмар выразил сожаление об отсутствии девственницы для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— Наши фонды, — сказал он, — недостаточны для покупки девственницы-пеонки с государственным сертификатом. Тем не менее я надеюсь, что в следующий понедельник нам удастся провести обряд полностью. Мой ассистент сейчас пройдет среди вас...

У ассистента была специальная тарелка с черной каймой. Подобно другим прихожанам, Баррент не поспешил. Дядя Ингмар был явно раздражен отсутствием девственницы для заклания. Еще немного, и он решит принести в жертву одного из верующих, девствен тот или нет.

На танцы и хоровое пение Баррент не остался. Когда служба кончилась, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась, и лед уже стоял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

Глава 8

Баррент был сыт по горло потрясениями и сюрпризами Омеги. Он не отходил от магазина, много работал и держался настороже. Его наружность приобретала типичные омегианские черты: подозрительный взгляд с прищуром, ладонь на рукоятке лучевика, напряженные ноги готовы к прыжку. У него появилось шестое чувство — чувство опасности.

По ночам, когда двери и окна были накрепко закрыты, и включена тройная система охраны, Баррент лежал на постели и старался вспомнить Землю. Тычась в туманную завесу памяти, он находил мучительно-дражнящие осколки картин: шоссе, уходящее к солнцу, колоссальный город, корпус космического корабля. Но видения возникали на мельчайшую долю секунды и исчезали.

Субботним вечером к Барренту пришли Джо, Дэнис Фозрен и сосед Тем Ренд. Покерная Джо процветала, и он сумел взяткой купить положение Свободного Гражданина. Фозрен был слишком неповоротлив и прям, он оставался в ранге Жителя. Но Тем Ренд обещал взять этого взломщика в помощники, когда его примут в Гильдию Убийц.

Вечер начался приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

— Послушайте, — сказал Джо, — мы все знаем, что из себя представляет Земля. Это комплекс гигантских плавающих городов, построенных на искусственных островах в различных океанах.

— Нет, города стоят на земле, — поправил Баррент.

— На воде, — не согласился Джо. — Люди вернулись к морю. У каждого есть специальный кислородный аппарат, который позволяет дышать под водой. Суша больше не используется. Море снабжает...

— Все не так, — возразил Баррент. — Я помню большие города, но они на земле.

— Вы оба не правы, — сказал Фозрен. — Зачем Земле сдались эти города? Их бросили сотни лет назад. Земля теперь большой парк. У каждого свой дом и несколько акров сада. Разрослись леса и джунгли. Люди живут в ладу с природой, вместо того чтобы пытаться покорить ее. Разве не так, Тем?

— Почти, но не совсем, — произнес Тем Ренд. — Города еще существуют, но они под землей. Колоссальные подземные заводы и поля. А остальное все — как сказал Фозрен.

— Никаких заводов больше нет, — упрямо настаивал Фозрен. — Они не нужны. Любые товары, которые требуются человеку, производятся мысленным волеизъявлением.

— Говорю вам, — вмешался Джо, — что вспоминаю плавающие города! Я жил в секторе Нимуи на острове Пасифаи.

— Думаешь, это что-нибудь доказывает? — спросил Ренд. — Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне Нового Чикаго. Моя рабочая норма была двадцать дней в году. Остальное время я проводил снаружи, в лесах...

— Ты ошибаешься, Тем, — сказал Фозрен. — Никаких подземных уровней нет. Я отчетливо помню, что мой отец был контролером третьего класса. Наша семья ежегодно перемещалась с места на место за сотни миль. Когда нам что-нибудь было нужно, отец думал об этом, вот и все. Он обещал научить меня, но, похоже, ему это не удалось.

— Что же, у двоих из нас явно фальшивые воспоминания, — подытожил Баррент.

— Точно, — подтвердил Джо. — Но вопрос: кто из нас прав?

— Мы никогда не узнаем, — произнес Ренд, — если не вернемся на Землю.

На том дискуссия закончилась.

В конце недели Баррент получил второе, более настоятельное приглашение из Магазина Снов. Он проверил температуру; умудренный жизнью, упаковал в ранец теплую одежду и пошел.

Магазин Снов был расположен в фешенебельной части города на улице Смерти. Баррент оказался в маленькой, пышно обставленной приемной. Прилизанный молодой человек за полированным столом одарил его искусственной улыбкой.

— Чем могу служить? Мое имя Номис Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я бы хотел узнать, что при этом происходит, — попросил Баррент. — Как получается сон, какого он типа и тому подобное.

— Конечно, — сказал Аркдраген. — Мы все объясним, Гражданин...

— Баррент. Уилл Баррент.

Аркдраген сверился со списком на столе и кивнул.

— Наши сны протекают под действием наркотиков на мозг и центральную нервную систему. Существует множество препаратов, производящих желаемый эффект. Среди наиболее полезных — героин, морфий, опиум, кока, гашиш и пейот. Все это земные продукты. Только на Омеге находят черный сонник, нейс, манис, тринаркотин, джедадь и различные производные кармодной группы.

— Понимаю, — сказал Баррент. — Итак, вы продаете наркотики.

— Ни в коем случае! — возразил Аркдраген. — Ничего такого вульгарного и грубого. В древние времена на Земле люди сами принимали наркотики. Результирующие сны были необязательны и случайны по натуре. Никто не знал, что увидит во сне, испытает ли ужас или наслаждение. С приходом современного Магазина Снов всякая неопределенность исчезла. В наши дни наркотики тщательно выбраны, измерены и смешаны индивиду-

ально для конкретного потребителя. Каждое вещество имеет свое действие — от нирваноподобного спокойствия черного сонника и цветных галлюцинаций тринаркотина до сексуальных фантазий, вызываемых нейсом и морфием, и снов-воспоминаний кармоидной группы.

— Сны-воспоминания меня и интересуют, — сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— На первый раз советую воздержаться.

— Почему же?

— Сны о Земле более способствуют нарушениям нервной системы, чем любая другая продукция воображения. Обычно рекомендуется приобрести предварительно иммунитет. Я бы предложил для первого визита приятные сексуальные фантазии.

— Я, пожалуй, предпочел бы реальность, — покачал головой Баррент.

— О нет, — возразил помощник управляющего с улыбкой знатока. — Поверьте, реальность покажется вам весьма поблекшей после опыта наших сексуальных снов.

— Меня это не интересует, — отрезал Баррент. — Мне нужен сон о Земле.

— Но у вас нет даже склонности! — воскликнул Аркдраген.

— А склонность обязательна?

— Она важна, — объяснил Аркдраген. — Все наши препараты образуют привычку, как того требует закон. Видите ли, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо чувствовать в нем нужду, что в огромной степени увеличивает удовольствие. Вот почему я предлагаю вам для начала приятные сексуальные фантазии.

— Сон о Земле, — потребовал Баррент.

— Очень хорошо, — раздраженно сказал Аркдраген. — Но мы не несем ответственности за возможные травмы.

Он повел Баррента по длинному коридору. Из-за многочисленных дверей по обеим сторонам слышались глухие стоны и вздохи наслаждения.

— Переживальщики, — бросил Аркдраген без дальнейших пояснений и ввел Баррента в открытую комнату в конце коридора, где жизнерадостный бородатый че-

ловек в белом халате читал книгу. — Добрый вечер, доктор Уайн. Это Гражданин Баррент. Первое посещение. Настаивает на снах о Земле.

Аркдраген повернулся и ушел.

— Хорошо, — сказал доктор, — устроим. — Он отложил книгу. — Ложитесь сюда.

Посреди помещения находился большой стол. Над ним висел замысловатый аппарат. Вдоль стен стояли стеклянные шкафы, заполненные квадратными склянками, напомнившими Барренту емкости с противоядиями.

Он лег. Доктор Уайн провел обычное обследование, затем определил степень внушаемости, гипнотический индекс, реакции на одиннадцать основных наркогрупп и подверженность тетаническим и эпилептическим судорогам. Результаты он записал в блокнот, сверился с таблицами, прошел в кабинет и начал готовить смесь.

— Это опасно? — спросил Баррент.

— Необязательно, — ответил доктор Уайн. — Вы достаточно здоровы. У вас низкий показатель внушаемости. Конечно, случаются эпилептические припадки — возможно, вследствие кумулятивных аллергических реакций. Мы не в состоянии предотвратить их. Бывают побочные эффекты, которые приводят к умопомешательству или даже к смерти. Случаи, весьма интересные для изучения. А некоторые клиенты остаются в своих снах, и их невозможно извлечь из этого состояния. С моей точки зрения, мы можем классифицировать последнее как форму сумасшествия, хотя на самом деле оно таковым не является.

Доктор кончил готовить смесь. Теперь он заполнял препаратом шприц. У Баррента появились серьезные сомнения в разумности всего предприятия.

— Может быть, отложим? — сказал он. — Я не уверен, что...

— Ни о чем не беспокойтесь, — утешил доктор. — Вы пришли в наилучший Магазин Снов на Омеге. Расслабьтесь. Напряженные мышцы могут вызвать столбнячные конвульсии.

— Мистер Аркдраген, наверное, был прав, — сказал Баррент. — Пожалуй, мне не следует требовать сон о Земле при первом посещении. Он объяснил, что это крайне опасно.

— Что такое жизнь без риска? Кроме того, наиболее распространенными последствиями являются травмы мозга и разрушение кровеносных сосудов, а мы прекрасно оснащены для борьбы с ними.

Он нацелил шприц на левую руку Баррента.

— Я передумал, — заявил Баррент и начал вставать.

Доктор Уайн проворно вонзил иглу ему в руку.

— В Магазине Снов не меняют решения. Расслабьтесь...

Баррент расслабился, лег на постель и услышал звон в ушах. Он попытался сфокусировать внимание на лице доктора, но лицо изменилось.

Лицо постарело, округлилось, покрылось испариной. Складки жира спускались с подбородка на шею. Глаза смотрели дружелюбно и озабоченно.

Это был Куратор 5-го курса.

— Уилл, — произнес Куратор, — ты должен быть осторожен. Тебе надо научиться сдерживать свои порывы.

— Знаю, сэр, — сказал Баррент. — Просто я так разозлился, что...

— Уилл!

— Хорошо, — произнес Баррент. — Я буду следить за собой.

Он вышел из здания университета и направился в город. Это был фантастический город небоскребов и многоэтажных улиц, сверкающий город серебряных и алмазных домов, гордый город, повелевающий жизнью стран и планет. Баррент шел по третьему пешеходному уровню и с ненавистью думал об Эндрю Теркалере.

Из-за Теркалера и его идиотской ревности заявление Баррента о приеме в Корпус Космических Исследований было отклонено. И Куратор оказался бессилен — Теркалер имел слишком большое влияние на Приемную Комиссию. Должно пройти целых три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. А пока он привязан к Земле и сидит без работы. Вся его учеба была связана с внеземными исследованиями. На Земле ему нечего делать; а теперь его отлучили от космоса.

Теркалер!..

Баррент сошел с пешеходной дорожки и воспользовался экспрессом в Сантэ. Стоя на мчащейся ленте, он сжимал в кармане небольшой пистолет. На Земле запрещалось носить оружие. Свой пистолет он раздобыл окольными путями.

Он решил убить Теркалера.

Перед глазами наплывом появились какие-то гротескные лица. Сон смазался. Потом Баррент увидел себя целящимся в худого косоглазого человека, чей вопль о пощаде вдруг резко оборвался.

Информатор, безликий и неумолимый, заметил преступление и сообщил в полицию. Полицейские в серой форме схватили его, повели в суд. Судья с мутным пергаментным лицом вынес приговор о вечной ссылке на Омегу и отдал обязательный приказ об очистке памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужаса. Баррент карабкался по скользкому столбу, по отвесному склону горы, по ровной гладкой стене. Его догонял труп Теркалера с разверстой грудью. С двух сторон покойника поддерживали безликий информатор и бледнолицый судья.

Баррент бежал по горе, по улице, по крыше; преследователи держались вплотную. Он заскочил в полутемную желтую комнату, захлопнул и запер дверь. А обернувшись, увидел, что запер себя с трупом Теркалера. Голова его была покрыта алой и фиолетовой плесенью, в открытой ране в груди зацвел гриб. Мертвец дернулся, потянулся вперед, и Баррент нырнул в окно.

— *Выходите, Баррент. Выходите из сна.*

У Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он соскользнул по его полированной поверхности в амфитеатр. Через серый песок, отталкиваясь обрубками рук и ног, к нему полз труп. На необъятной трибуне сидели рядышком судья и информатор.

— Он застрял.

— Я предупреждал его.

— Выходите из сна, Баррент. Говорит доктор Уайн. Вы на Омеге, в Магазине Снов. Очнитесь. У вас еще есть шанс, если вы немедленно соберетесь.

Омега? Сон? Некогда думать об этом! Баррент плыл по черному зловещему озеру. Прямо за ним плыли информатор и судья. Они поддерживали покойника, чья кожа медленно отваливалась от тела.

— Баррент!

Озеро превращалось в густой студень, который прилипал к рукам и ногам и забивал рот, а судья, информатор и труп...

— Баррент!

Баррент очнулся на постели в Магазине Снов. Над ним стоял взволнованный доктор Уайн. Рядом была сестра со шприцем и кислородной маской. За ней виднелся Аркдраген, вытирающий со лба испарину.

— Мы уже не надеялись, что вы выкарабкаетесь, — произнес доктор Уайн.

— Он вовремя успел вынырнуть, — сказала сестра.

— Я предупреждал его, — сказал Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

— Что случилось?

Доктор Уайн пожал плечами.

— Трудно сказать. Возможно, вы заикнулись; а иногда попадают наркотики с примесями. Но подобное практически не повторяется. Поверьте мне, Гражданин Баррент, наркотические ощущения чрезвычайно приятны. Я уверен, что во второй раз вы восхититесь.

Все еще потрясенный, Баррент был совершенно убежден, что второго раза не будет. Любой ценой он не допустит повторения кошмара.

— У меня теперь образовалась привычка? — спросил он.

— О нет, — ответил доктор Уайн. — Привыкание появляется после третьего или четвертого посещения.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо Аркдрагена, он спросил, сколько должен.

— Вы ничего не должны. — Аркдраген улыбался понимающе. — Первый визит за счет заведения.

Баррент покинул Магазин Снов и поспешил домой. Ему было над чем подумать. Появилось доказательство, что он совершил преднамеренное убийство.

Глава 9

Одно дело — обвинение в убийстве, которого ты за собой не чувствуешь; совсем другое — *помнить* совершенное преступление. Такому свидетельству нельзя не поверить.

Баррент пытался разобраться в своих чувствах. В чем бы ни обвиняли его земные власти, он не ощущал себя убийцей. В крайнем случае он мог допустить, что убил человека в припадке внезапной ярости. Но задумать и осуществить хладнокровную расправу...

Почему он сделал это? Выходит, желание отомстить оказалось таким сильным, что заставило сбросить оковы цивилизации?.. Он убил, кто-то донес, и судья приговорил его к Омеге. Он — убийца на планете преступников. Следовательно, чтобы жить припеваючи, ему достаточно просто следовать своим природным наклонностям.

И все же Барренту приходилось очень трудно. У него не было ни малейшей тяги к кровопролитию. В День Свободного Гражданина он, хотя и выходил вооруженный на улицу, не мог заставить себя застрелить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать! Нелепый предрассудок, особенно если учесть, где и кем он был. Но сколько ни толковали ему Тем Ренд или Джо об обязанностях Гражданина, Баррент не мог побороть отвращения к убийству.

Он обратился к психиатру, который сообщил, что его неприязнь к убийству коренится в несчастном детстве.

Фобия затем была осложнена перенесенной в Магазине Снов травмой. Из-за этого убийство, величайшее социальное благо, стало ему противно. Невроз гуманности в человеке, великолепно приспособленном к убийству, приведет, сказал психиатр, к его, Баррента, уничтожению. Психиатр предложил лечение в санатории для непроступников.

Баррент посетил санаторий и увидел сумасшедших, вопивших о добродетели, честности, священной ценности жизни и прочей муре. У него не появилось желания присоединиться к ним. Возможно, он болен, но не настолько!

Друзья предупреждали, что пассивность может накликать беду. Баррент соглашался, но питал надежду, что, убивая только в случае необходимости, сумеет не привлечь внимания высокопоставленных лиц, следящих за соблюдением закона.

Несколько недель план его, казалось, имел успех. Баррент игнорировал все более настойчивые приглашения в Магазин Снов и не посещал служб в Малом Шабаше. Торговля процветала, и он проводил свободное время, изучая редкие яды и практикуясь в стрельбе. Часто Баррент думал о девушке — доведется ли им встретиться?

И думал о Земле. После визита в Магазин Снов в памяти то и дело вспыхивали разрозненные картины: обветшалый каменный дом, дубовая роща, изгибы реки, просвечивающей сквозь заросли ивы. Видения полузабытой Земли наполняли его невыносимой тоской. Как и большинством обитателей Омеги, им владело страстное желание вернуться домой.

А это было невозможно.

Летели дни, и, когда беда пришла, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. Четверо в форме сообщили полусонному Барренту, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Отсутствие склонности к наркотикам. Три минуты на сборы.

— Какое наказание меня ждет?

— В суде узнаешь. — Охранник подмигнул своим приятелям и добавил: — Но единственный способ вылечить нерасположенца — убить его...

Баррент оделся.

Его привели в одну из комнат вытянутого здания Департамента Юстиции. Помещение называлось Суд Неправедный, в честь страшной англосаксонской юридической процедуры. Напротив располагалась Звездная Палата, она же Тайный Застенок, — тоже реликт из прошлого. Прямо за ней находился Суд Последней Апелляции.

Комната Суда Неправедного была перегороджена пополам высоким деревянным экраном, ибо основы омегианского правосудия гласили, что обвиняемый не должен видеть ни судей, ни свидетелей по его делу.

— Арестованный, встать.

Голос, вялый и равнодушный, раздавался из небольшого динамика. Баррент едва разбирал слова; интонации и выражение терялись, как и было задумано. Судья оставался анонимом.

— Уилл Баррент, — сказал судья, — вы предстали перед судом по основному обвинению в нерасположении к наркотикам и дополнительному — в отсутствии благочестия. По последнему у нас имеются показания священника. По основному — свидетельство Магазина Снов. Вы можете опровергнуть обвинения?

Баррент подумал и ответил:

— Нет, сэр, не могу.

— В настоящий момент вашу антирелигиозность можно не рассматривать, ибо это первый проступок. Но нерасположение к наркотикам является главным преступлением против Государства. Непрерывное потребление наркотиков — обязательная привилегия каждого гражданина. Известно, что привилегии должны насаждаться, в противном случае они будут утеряны. А потерять привилегии — значит потерять краеугольный камень нашей свободы. Поэтому уклонение от них приравнивается к государственной измене.

Наступила пауза. Стражники нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Баррент, считавший свое положение безнадежным, слушал, затаив дыхание.

— Наркотики служат многим целям, — продолжал невидимый судья. — Излишне перечислять их достоинства. Но с точки зрения государства необходимо отметить, что предрасположенное к ним население есть лояльное население, что наркотики являются основным источником доходов и вообще представляют весь наш образ жизни. Более того, я скажу, что нерасположенное меньшинство неизменно доказывало свою враждебность к родным омегианским организациям. Все это пространное объяснение, Уилл Баррент, для того, чтобы вы лучше поняли, в чем вас обвиняют.

— Сэр, — сказал Баррент, — я ошибался, избегая наркотиков. Не буду ссылаться на незнание — мне известно, что закон не признает его оправданием. Но я смиренно прошу суд дать мне возможность исправиться. Я прошу учесть, сэр, что мне еще не поздно приобрести привычку к наркотикам.

— Суд принимает это во внимание и потому проявляет к вам величайшую снисходительность, дозволяемую законом. Вместо высшей меры вам предоставляется возможность выбрать между двумя менее суровыми приговорами. Первый из них карательный: вы лишаетесь правой руки и левой ноги во искупление преступления против Государства; но вы сохраняете жизнь.

Баррент слотнул и спросил:

— А второй, сэр?

— Второй, некарательный, приговор заключается в том, что вы должны пройти Суд Испытанием. В этом случае, если вы выживете, вам будет присвоен соответствующий ранг и предоставлено вытекающее из него положение в обществе.

— Я выбираю Суд Испытанием, — произнес Баррент.

— Очень хорошо, — сказал судья. — Да свершится правосудие.

Баррента увели. За спиной он услышал сдавленный смешок одного из охранников. Значит, выбор неправильный? Может ли Суд Испытанием быть страшнее увечья?

Глава 10

На Омеге, как говаривали старожилы, между вынесением приговора и приведением его в исполнение не протиснешь даже лезвия ножа. Баррента без промедления доставили в огромный круглый каменный подвал Департамента Юстиции. С высокого изогнутого аркой потолка ослепительно сияли белые дуги светильников. Часть стены, срезанная ступенями, образовывала зрительскую трибуну. Ряды были забиты до отказа, между ними сновали разносчики и продавали повестку дня судебной процедуры.

Баррент стоял посреди зала на каменном полу. В изгибе стены отодвинулась панель, и на арену выкатила небольшая машина.

Громкоговоритель высоко над зрительской трибуной объявил:

— Внимание, дамы и господа! Вы присутствуете на Суде Испытанием 642-ВГ223 между Гражданином Уиллом Баррентом и ГМЕ-213. Просим занять места. Состязание начнется через пару минут.

Баррент посмотрел на своего противника. Блестящая черная машина в форме полусферы высотой около четырех футов нетерпеливо каталась взад-вперед на маленьких колесах. По гладкой металлической шкуре, вспыхивая, пробегали красные, зеленые и янтарные огоньки утопленных в корпусе лампочек. Она вызывала у Баррента смутное воспоминание о морских чудющах, обитающих в океанах Земли.

— Небольшое объяснение для тех, кто впервые посетил нашу арену, — снова заговорил динамик. — Заключение Уилл Баррент добровольно выбрал Суд Испытанием. Инструмент правосудия, в данном случае ГМЕ-213, есть изумительное творение инженерного гения Омеги. Машина, или Макс, как ее называют многие друзья и поклонники, является орудием убийства завидной эффективности. В ее арсенале двадцать три разных способа умерщвления, в большинстве своем очень болезненных. В целях испытания она оперирует по принципу случайности. Это означает, что Макс не выбирает сам орудие убийства. Способ нападения определяется беспорядочным расположением двадцати трех номеров, соединенных с селектором времени, действующим по тому же принципу неопределенности в пределах от одной до шести секунд.

Макс неожиданно двинулся в центр арены, и Баррент отошел.

— Заключение, — продолжал громкоговоритель, — в состоянии вывести машину из строя; в таком случае он выигрывает состязание и освобождается с сохранением всех прав и привилегий его нового статуса. Теоретически такая возможность существует. Практически это случается три с половиной раза из ста.

Баррент оглядел галерею зрителей. Судя по одежде, все они, мужчины и женщины, принадлежали к верхушке Привилегированных Классов.

А в первом ряду сидела девушка, которая дала ему оружие в день прибытия в Тетрахид. Она была такой же красивой, как ему запомнилось, но бледное овальное лицо ничего не выражало. Она смотрела на Баррента с бесстрастным любопытством человека, разглядывающего необычного жука в банке.

— Состязание начинается! — объявил динамик.

У Баррента больше не было времени думать о девушке, потому что машина покатила прямо на него.

Он осторожно отступил в сторону. Макс выпустил тонкое щупальце с поблескивающим белым кольцом и устремился к Барренту, тесня его к стене.

Внезапно машина остановилась. Внутри механизма что-то щелкнуло. Щупальце убралось, и на его месте появилась металлическая рука на шарнирах, заканчива-

ющаяся лезвием. Увеличив скорость, машина зажала Баррента в угол. Рука взметнулась, но он успел увернуться и услышал, как нож заскрежетал о камень. Когда рука втянулась, Баррент смог вернуться к центру.

Он понимал, что машина уязвима только во время паузы, пока селектор выбирает способ убийства. Но как вывести из строя гладкий бронированный механизм?

Макс опять приближался, и теперь его металлическая шкура тускло отсвечивала зеленым веществом, в котором Баррент сразу узнал контактный яд. Он прыгнул в сторону и помчался, оглябывая арену, стараясь избежать смертельного прикосновения.

Машина затормозила. Нейтрализатор омыл ее поверхность, очищая от яда. Затем Макс опять направился к нему, на сей раз без всякого оружия, явно идя на таран. Баррент еле переводил дыхание. Он беспомощно прислонился к стене, глядя, как противник набирает разгон.

Макс остановился в нескольких дюймах от стены. Щелкнул селектор. Из брони вылезало нечто вроде бейсбольной биты.

Упражнение по прикладному садизму, подумал Баррент. Пройдет немного времени, и машина собьет его с ног и запросто прикончит. Предпринимать надо что-то немедленно, пока еще сохранились силы.

Не успел он подумать об этом, как в воздухе мелькнула увесистая стальная дубинка. Баррент не смог полностью уклониться от удара. Бита задела левое плечо, рука онемела.

Макс опять выбирал. Баррент бросился на его гладкую сферическую поверхность. На самом верху он увидел два крошечных отверстия. Молясь, чтобы они оказались воздухозаборниками, Баррент заткнул их пальцами.

Машина замерла, публика взревела. Баррент цеплялся за ровную поверхность онемевшей рукой, стараясь удержать пальцы в отверстиях. Огни на шкуре Макса изменили цвет с зеленого на янтарный, потом на красный; его внутриутробное жужжание превратилось в глухой рокот.

А затем машина выпустила трубки дополнительных воздухозаборников.

Баррент попытался накрыть их своим телом, но машина, внезапно взыв, быстро откатилась и сбросила его. Он вскочил на ноги и вернулся к центру арены.

Состязание длилось не более пяти минут, а Баррент совсем выбился из сил. Тем временем неумолимая машина наступала, подняв широкую сверкающую секиру.

Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, Баррент бросился вперед. Он схватил металлическую руку обеими ладонями и начал гнуть ее вниз. Сталь затрещала, и Барренту показалось, что сустав начинает поддаваться. Если ему удастся отломать металлическую конечность, может быть, машина выйдет из строя, или, на худой конец, он получит оружие.

Макс внезапно дал задний ход и вырвал руку. Баррент упал ничком. Секира со свистом долбанула его по плечу.

Баррент покатился по полу и посмотрел на трибуну. Он конченный человек. Уж лучше благодарно принять следующую попытку машины, чтобы она прикончила его сразу... А девушка показывала ему что-то руками.

Времени наблюдать не было. Ослабевший от потери крови, Баррент поднялся на ноги. Его не интересовало, какое оружие извлекает машина на этот раз. Стоило ей двинуться, и он бросился под колеса.

Колеса вкатились на плечо, и Макс резко накренился. Баррент застонал от боли, и, собрав последние силы, попытался встать. Машина взвыла и опрокинулась; Баррент упал рядом.

Когда зрение вернулось к нему, машина выдвигала конечности, чтобы перевернуться.

Баррент кинулся на днище и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попробовал оторвать одно из колес, но не сумел. Макс стал отжиматься от пола.

Внимание Баррента снова привлекла девушка. Она настойчиво повторяла дергающие движения.

Только тогда Баррент заметил маленькую предохранительную коробку около одного из колес. Он резко сорвал крышку, ободрав почти все ногти, и выдернул предохранитель.

Машина элегантно испустила дух.

Баррент лишился чувств.

Глава 11

— На Омеге главенствует закон. Скрытый и явный, церковный и светский, закон управляет поступками всех жителей, от низайших из низких до высочайших из высоких. Без него не было бы привилегий для тех, кто создал закон; без закона и его неумолимой силы Омега превратилась бы в немыслимый хаос, в котором человеческие права могли существовать, лишь пока и поскольку их обеспечивал бы каждый человек. Анархия знаменовала бы конец омегианского общества и особенно тех старших представителей правящих классов, кто давно миновал расцвет своих физических сил.

Но население Омеги состоит исключительно из людей, нарушавших законы на Земле. Это общество, в котором преступления не только прощаются, но и поощряются; общество, в котором уклонение от правил судится единственно по степени успеха.

Налицо парадокс: криминальное общество с абсолютными законами, предназначенными для нарушения.

Так говорил Барренту судья, все еще спрятанный за экраном. После завершения Суда Испытанием прошло несколько часов. Баррента отнесли в медпункт, где занялись его ранениями. Они были в основном легкими: два треснувших ребра, глубокий порез на левом плече, царапины и ушибы.

— Соответственно, — вещал судья, — закон должен одновременно нарушаться и не нарушаться. Те, кто никогда не нарушает закон, не поднимаются в положе-

нии. Обычно их убивают тем или иным путем, так как у них недостаточно инициативы выживания. Для тех, кто, подобно вам, нарушает закон, ситуация иная. Закон строго наказывает их, — если им не удастся обойти его.

Судья сделал паузу и торжественно продолжил:

— Идеалом на Омеге является личность, которая понимает законы, ценит их необходимость, знает кару за нарушение, нарушает и преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и идеальный омегианец. Именно это вам удалось свершить, Уилл Баррент, пройдя Суд Испытанием.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррент.

— Я хочу, чтобы вы осознали: однократный триумф над законом вовсе не означает, что вы сумеете восторжествовать во второй раз. С каждой новой попыткой ваши шансы уменьшаются — так же, как растет вознаграждение за успех. Поэтому я не советую вам действовать опрометчиво.

— Не буду, сэр, — заверил Баррент.

— Очень хорошо. Таким образом, вы возводите в ранг Привилегированного Гражданина, со всеми правами и обязанностями. Вам позволено, как и прежде, вести свое дело. Кроме того, вы награждаетесь недельным отдыхом на Озере Облаков, куда можете отправиться с любой женщиной по вашему выбору.

— Простите, — перебил Баррент. — Что вы сказали?

— Недельный отдых, — повторил спрятанный судья, — с любой женщиной по вашему выбору. Это высокая награда, так как на Омеге мужчин в шесть раз больше, чем женщин. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину независимо от ее желания. На это вам дается три дня.

— Мне не нужно трех дней, — сказал Баррент. — Я желаю девушку, которая сидела на первом ряду трибуны. У нее черные волосы и зеленые глаза. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да, — медленно произнес судья. — Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее имя Мозра Эрмайс. Мне кажется, вам лучше изменить решение.

— Есть какие-нибудь причины?

— Нет. Но было бы лучше, если бы вы выбрали другую женщину. Мой клерк с удовольствием снабдит

вас списком подходящих молодых дам. У них отличные рекомендации. Некоторые окончили Женский институт, где, как вам, возможно, известно, преподают двухгодичный курс науки и искусства гейши. Я лично могу порекомендовать вам...

— Хочу Моэру, — заявил Баррент.

— Молодой человек, вы делаете ошибку.

— Я все-таки рискну.

— Хорошо, — сказал судья. — Ваш отдых начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Баррента под охраной вывели из здания суда и доставили домой. Друзья, считавшие, что он погиб, пришли его поздравить. Им не терпелось услышать подробности Суда Испытанием, но Баррент уже понял, что знание есть путь к могуществу, и не особенно распространялся.

В этот вечер был и другой повод для празднования: Тема Ренда наконец приняли в Гильдию Убийц. Как и обещал, он взял Фоэрена к себе в помощники.

На следующее утро перед дверью магазина остановился экипаж. Его прислал Департамент Юстиции. Сзади сидела, очень красивая и недовольная, Моэра Эрмайс.

— Вы в своем уме, Баррент? Думаете, у меня есть на это время? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь, — ответил Баррент.

— И вы решили, что я вами заинтересовалась? Если у вас есть чувство благодарности, скажите водителю, что передумали. У вас есть еще возможность выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

— Мне нужны только вы.

— Не передумаете?

— Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась назад.

— Вы действительно интересуетесь мной?

— Больше чем интересуюсь, — сказал Баррент.

— Что ж, — сказала Моэра, — мне остается только смириться с этим.

Она отвернулась, но перед этим Барренту показалось, что он увидел на ее лице еле заметную улыбку.

Глава 12

Озеро Облаков — лучший курорт Омеги. На его территории поединки были строжайшим образом запрещены, всякое оружие отбиралось. Ссоры разрешал ближайший бармен, а убийство наказывалось немедленным лишением статуса.

На Озере Облаков доступно любое развлечение. Хочешь — смотри бой быков и медвежью схватку, хочешь — занимайся плаванием, альпинизмом, лыжами... Вечерами, в бальных залах за стеклянными стенами, отделяющими жителей от граждан и граждан от элиты, проводили танцы. К услугам отдыхающих имелся прекрасно оборудованный наркобар, содержащий как испытанные средства для заядлых любителей, так и новинки на пробу. Для тех, кто пообщительней, по средам и субботам устраивали ночные оргии в Гроуте Сатиров. Более стеснительным незнакомки в масках назначали свидания в полутемных коридорах под отелем. Но главное, там были покатые склоны и тенистые леса, приятные прогулки, свободные от вечного страха и напряжения, от каждодневной борьбы за существование в Тетрахиде.

Баррент и Мозра жили в смежных комнатах, и дверь между ними была не заперта. Но в первую ночь Баррент не воспользовался той дверью — на планете, где женщины питали пристрастие к ядам, мужчине следовало подумать дважды, прежде чем навязывать свою компанию. Даже владелец магазина противоядий вынужден

был считаться с возможностью не распознать вовремя симптомы у самого себя...

На второй день они забрались высоко в горы и устроили пикник на покрытом травой склоне, спускающемся к серому морю. Баррент спросил Моэру, почему она спасла ему жизнь.

— Вам не понравится ответ, — предупредила она.

— И все же я хотел бы знать.

— Вы выглядели таким странно беззащитным в Обществе защиты жертв... Я бы помогла любому, кто оказался бы на вашем месте.

Баррент неловко кивнул.

— А второй раз?

— Затем, пожалуй, я вами заинтересовалась. Но это не романтический интерес, вы понимаете? Я совсем не романтична.

— Какой же интерес?

— Мне казалось, что вы хороший материал для вербовки.

— Вы не могли бы объяснить поподробнее? — попросил Баррент.

Моэра минуту хранила молчание, наблюдая за ним немигающими зелеными глазами.

— Я могу сказать лишь немного. На Омеге действует организация, которая ищет подходящих людей. Обычно мы начинаем непосредственно с корабля. Потом поиск продолжают вербовщики, такие, как я.

— А какой тип людей вы подбираете?

— Простите, Уилл, не ваш.

— Почему не мой?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас, — сказала Моэра. — Вы казались как раз тем человеком, который нам нужен. Затем я проверила ваше дело.

— И?

— Мы не принимаем убийц. Иногда мы нанимаем их для специальных заданий, но не зачисляем в организацию. Существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые мы признаем: самозащита, например. Но человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство...

— Понимаю, — произнес Баррент. — А если я скажу, что не испытываю тяги к кровопролитию?

— Мне известно это, — ответила Моэра. — Если бы все зависело от меня, я бы приняла вас в организацию. Но решаю не я... Уилл, а вы уверены, что совершили убийство?

— Похоже на то, — проговорил Баррент. — Наверное.

— Плохо, — сказала Моэра. — И все же организация нуждается в людях с высоким уровнем выживания независимо от их поступков на Земле. Ничего не обещаю, но я посмотрю, что можно сделать. Хорошо, если бы вы сумели выяснить больше о своем преступлении. Возможно, были смягчающие обстоятельства...

— Не исключено, — с сомнением сказал Баррент. — Я постараюсь.

Этим вечером, когда он собрался ложиться, Моэра открыла дверь и вошла в комнату. Гибкая и теплая, она скользнула в его постель. Когда он заговорил, она закрыла ему рот рукой. И Баррент, наученный не искушать судьбу, промолчал.

Отдых промчался слишком быстро. О загадочной организации больше не говорили, зато, возможно, в качестве компенсации, смежная комната оставалась открытой. Наконец вечером седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахид.

— Когда я смогу тебя увидеть? — спросил Баррент.

— Я свяжусь с тобой.

— Меня это не устраивает.

— Больше ничего не могу предложить, — сказала Моэра. — Прости, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать с организацией.

Баррент вынужден был удовлетвориться этим. Выйдя из машины у своего магазина, он все еще не знал, где она живет и какую организацию представляет.

Он тщательно обдумал подробности своих видений в Магазине Снов: гнев на Теркалера, контрабандное оружие, столкновение, труп, а затем информатор и судья. Не хватало только одной детали. Баррент никак не мог припомнить самого мгновения убийства, когда он прицелился и нажал на курок. Видения кончались на встре-

че с Теркалером и продолжались после перерыва, когда тот уже был мертв. Возможно, он заблокировал в памяти момент совершения убийства; но, может, какая-то причина все же спровоцировала преступление? Это необходимо выяснить.

Сведения о Земле можно получить только двумя путями. Один лежал через кошмар Магазина Снов, и Баррент твердо решил к нему не прибегать. Другой — услуги скренирующих мутантов.

Баррент разделял всеобщую неприязнь к мутантам. Они были совершенно иной расой, и их статус неприкасаемых не был только следствием предубеждения. Мутанты часто были носителями странных и неизлечимых болезней. Их остерегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Квартал Мутантов был городом в городе. Разумные граждане держались подальше от квартала, особенно вечером, — все знали, что мутанты мстительны.

Но только мутанты обладали скренирующей способностью. В их бесформенных телах скрывались необычные силы и таланты, странные и неистовые способности, которых нормальные люди чурались днем и втайне вождели ночью. Поговаривали, что мутанты пользуются особым покровительством Великого Черного, и что искусство черной магии, которым похвалялись священники, на самом деле доступно только мутантам; правда, никто не утверждал этого в присутствии служителей культа.

Бытовало мнение, что, благодаря своим странным способностям, мутанты помнят о Земле гораздо больше, чем обычные люди. И не только помнят в общих чертах, но могут раскрутить жизненную нить человека во времени и пространстве, проникнуть сквозь стену забвения и рассказать, что с ним произошло на самом деле.

Однако не все верили в особые свойства мутантов. Некоторые считали их просто ловкими мошенниками, наживающимися на людской доверчивости.

Баррент решил все выяснить сам. Однажды поздним вечером, соответственно одетый и вооруженный, он покинул свой дом и отправился в Квартал Мутантов.

Глава 13

Баррент шел по узким, петляющим улочкам Квартала, держа руку на оружии. Он проходил мимо хромых и слепых, гидроцефалоидных и микроцефалоидных идиотов, мимо фокусника, держащего в воздухе двенадцать горящих факелов с помощью рудиментарной третьей руки, растущей из груди, мимо торговцев одеждой, косметикой и ювелирными изделиями, мимо тележек со зловонной и антисанитарно выглядевшей пищей. Он миновал несколько ярко раскрашенных публичных домов, где у окон зазывно толпились девицы. Четырехрукая, шестиногая уродка сообщила ему, что он явился как раз вовремя для Дельфийских обрядов. Баррент поспешил прочь и почти столкнулся с чудовищно толстой женщиной, немедленно рванувшей на себе блузку, дабы обнажить восемь сморщенных грудей. Он вильнул в сторону, обходя четверых сиамских близнецов, которые уставились на него огромными жалобными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Высокий оборванный старик с тростью загораживал ему дорогу. Он был кривой — ровная гладкая кожа затягивала место, где полагалось находиться левому глазу. Но правый глаз сверкал ярко и свирепо из-под белой брови.

— Вам нужны услуги настоящего скреннера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Идите за мной. — Мутант свернул в аллею, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоятку

иглолучевика. Законом мутантам запрещалось иметь оружие, но многие, подобно этому старику, носили тяжелые, окованные железом палки. Лучшего оружия для узких улочек нельзя было и представить.

Провожатый открыл дверь и мотнул головой. Баррент помедлил, вспоминая истории о доверчивых жителях, попавших в лапы мутантов, затем сжал иглолучевик и вошел.

Старик открыл дверь в конце длинного коридора и ввел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент разглядел фигуры двух женщин, сидевших за простым деревянным столом. На столе стояла кастрюля с водой, а в кастрюле лежало карманное зеркальце, разбитое на мелкие кусочки.

Одна женщина была очень старой и совершенно безволосой, другая — молодой и красивой. Баррент был потрясен, подойдя ближе к столу и увидев, что ее ноги ниже колен срослись в рыбий хвост.

— Чем интересуетесь, Гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Откуда вы знаете мое имя? — опешил Баррент. Не получив ответа, он сказал: — Я хочу выяснить все об убийстве, которое я совершил на Земле.

— Зачем вам это нужно? Разве власти не записали его в вашу пользу?

— Записали. Но мне хотелось бы знать, почему я сделал это. Может, были какие-то смягчающие обстоятельства. Самозащита, например.

— Это так важно для вас?

— Да. — Он помедлил и решился: — Дело в том, что я не хочу убивать. У меня невротическое предубеждение против убийства. Вот и любопытно, почему же я совершил его на Земле.

Мутанты переглянулись. Старик усмехнулся и произнес:

— Гражданин, мы поможем тебе. У нас, мутантов, тоже предубеждение против убийства, потому что всегда убивают нас. Нам нравятся граждане с такими невротизмами.

— Значит, вы согласны скреннировать мое прошлое?

— Все не так просто, — заметила молодая женщина. — Скреннирующая способность, являющаяся од-

ним из проявлений пси-эффекта, сложна в обращении. Даже когда удастся вызвать ее к жизни, она часто раскрывает не то, что нужно.

— Я думал, что все мутанты могут легко заглядывать в прошлое.

— Нет, — сказал старик, — это неверно. Во-первых, не все, кого так называют, действительно, мутанты. Любая деформация или отклонение в наши дни провозглашается мутацией. Это удобное клеймо для каждого, кто не соответствует земным стандартам.

— Но среди вас есть и настоящие мутанты?

— Безусловно. Однако существуют разные типы мутаций. Некоторые из них — гигантизм, микроцефалия и тому подобное — просто следствие радиации. Совсем немногие из нас обладают пси-способностями, хотя все мутанты уверяют, что имеют их.

— Вы способны скреннировать? — спросил его Баррент.

— Я — нет. Но Мила может, — ответил он, указывая на молодую женщину. — Иногда.

Женщина глядела в воду, в разбитое зеркало. Ее блеклые глаза широко раскрылись, обнажая почти всю радужку; хвостатое тело, поддерживаемое старухой, выпрямилось и напряглось.

— Она начинает что-то видеть, — произнес старик. — Вода и зеркало — только средства для концентрирования внимания. Мила хорошо скреннирует, хотя порой прошлое у нее переплетается с будущим. Люди пугаются таких вещей, им-то скреннирование и обязано своей дурной славой. Но тут уж ничего не поделаешь. Если Мила видит в воде будущее, она говорит о нем. На этой неделе она предсказала одному Хаджи, что тот через четыре дня умрет. — Старик хихикнул. — Вы бы видели его лицо.

— Она предупредила, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да, от броска ножа. Бедняга просидел все время дома.

— Его убили?

— Конечно. Жена. Решительная женщина!..

Баррент надеялся, что Мила не прочтет его будущее. Жизнь трудна и без предсказаний мутантов.

Мила подняла взгляд от зеркала, печально покачивая головой.

— Я могу сказать вам очень мало. Мне не удалось увидеть, как произошло убийство. Но я видела кладбище и видела могилу ваших родителей. Могила старая, наверное двадцатилетней давности. Кладбище расположено на краю местечка Янгерстан, на Земле.

Барренту это название ничего не говорило.

— А еще, — продолжала Мила, — я увидела человека, который многое может вам рассказать, если захочет.

— Он свидетель убийства?

— Да.

— Это тот, кто на меня донес?

— Не знаю, — ответила Мила. — Я видела покойника по имени Теркалер, и возле него стоял человек. Его зовут Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Вы можете найти его сейчас в Эйфориаториуме на Малой Топорной улице. Знаете?

— Найду, — сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, взять которую она отказалась. Когда Баррент выходил, она окликнула его:

— Будьте осторожны.

Баррент остановился и почувствовал холодок в груди.

— Вы скренировали мое будущее?

— Только на несколько месяцев вперед.

— И что увидели?

— Не могу объяснить. То, что я увидела, совершенно невозможно.

— Скажите мне.

— Я видела вас мертвым. И все же вы не были мертвы. Вы смотрели на труп, разбитый на сверкающие осколки. Но покойник — это вы.

— Что это значит?

— Не знаю, — сказала Мила.

Эйфориаториум оказался большим, аляповато обставленным заведением, специализирующимся на наркотиках и афродизиаках. Клиентура его состояла в

основном из пеонов и жителей. Пробиваясь сквозь толпу и спрашивая человека по имени Иллиарди, Баррент чувствовал, что он в чужой среде.

Ему показали на лысого узкоплечего мужчину, сидящего за крошечной рюмкой танапиквита. Баррент подошел и представился.

— Приятно познакомиться, сэр, — сказал Иллиарди, проявляя обязательное уважение Жителя Второго Класа к Привилегированному Гражданину. — Чем могу быть вам полезен?

— Я хотел бы кое-что спросить о Земле, — объяснил Баррент.

— Я мало что помню, — извинился Иллиарди. — Но рад услужить.

— Вы знали человека по имени Теркалер?

— Безусловно, — подтвердил Иллиарди. — Такой тощий и косоглазый. Негодяй, каких свет не видывал.

— Вы присутствовали при его убийстве?

— Разумеется. Это первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.

— Вы видели, кто его убил?

Иллиарди изумился.

— Чего тут видеть? Его убил я.

Баррент заставил себя продолжать ровным голосом:

— Вы уверены в этом? Абсолютно уверены?

— Конечно, — сказал Иллиарди. — Я готов драться с любым, кто посмеет оспорить это. Теркалера убил я, и это самое меньшее, чего он заслуживал.

— А не видели ли вы в это время поблизости меня?

Иллиарди посмотрел на него внимательно, затем покачал головой.

— Кажется, нет. Но я не уверен. Все, что случилось после убийства, у меня как во сне.

— Благодарю вас, — произнес Баррент и покинул Эйфорнаториум.

Глава 14

Чем больше Баррент думал, тем больше приходил в недоумение. Если Теркалера убил Иллиарди, то почему Баррента отправили на Омегу? Если произошла ошибка, то почему его не выпустили, когда обнаружили настоящего убийцу? Зачем кто-то на Земле обвинил его в преступлении, которого он не совершал? И зачем фальшивое воспоминание об убийстве внедрили ему в память, да еще на подсознательном уровне?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но, и прежде не чувствуя себя убийцей, теперь он нашел доказательство. Сознание невинности все изменило и расставило по своим местам: его вовсе не привлекает омегианский образ жизни. Он хочет вернуться на Землю!

Однако это невозможно. В небе днем и ночью кружили сторожевики. Но даже если бы удалось как-то увернуться от них, шансов на побег не было никаких. Техника Омеги дошла только до двигателей внутреннего сгорания; звездные корабли принадлежали Земле.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий и будто щеголял своим антиобщественным поведением. Он игнорировал приглашения из Магазина Снов и никогда не посещал публичных казней. Когда ревушие толпы собирались поразвлечься в Квартале Мутантов, у Баррента начинались головные боли. Он не участвовал в Охотах Дня Посадки и грубо обошелся с торговым представителем «Ежемесячных пыток». И да-

же визиты Дяди Ингмара не смогли поколебать его антирелигиозные настроения.

Баррент понимал, что напрашивается на неприятности, и ожидал их с каким-то странным, но бодрящим нетерпением. В конце концов, на Омеге нет ничего необычного в нарушении законов, — если удастся выйти сухим из воды.

Случай проверить свою решимость ему представился довольно скоро. Однажды на улице его толкнул прохожий, Баррент отошел, но тот схватил его за плечо.

— Ты знаешь, кого ты толкнул? — спросил мужчина. Он был коренастый и приземистый. Одежда указывала на принадлежность к Привилегированным Гражданам. Пять серебряных звезд на ремне — количество узаконенных убийств.

— Я не толкал вас, — сказал Баррент.

— Ты лжешь, любитель мутантов.

Услышав смертельное оскорбление, толпа замерла. Баррент сделал шаг назад, выжидая. Мужчина потянулся за оружием отработанным артистичным движением, но иглолучевик Баррента был нацелен на полсекунды раньше. Он просверлил обидчика прямо между глаз; затем, почувствовав движение позади, Баррент резко обернулся.

Двое Привилегированных Граждан вытаскивали свое тепловое оружие. Баррент выстрелил, ныряя под прикрытие здания. Противники упали и обуглились. Деревянная стена рядом с Баррентом разлетелась на кусочки — из аллеи стрелял еще один. Двумя выстрелами Баррент уложил его.

И все. В течение нескольких секунд он убил четверых.

Баррент был доволен: теперь любителям повышения статуса есть о чем подумать. Вполне возможно, они переключатся на более доступные объекты и оставят его в покое.

У себя в магазине он застал Джо. Маленький кредитный вор выглядел расстроенным.

— Видел сегодня, как ты стрелял. Отличная работа.

— Благодарю, — сказал Баррент.

— Думаешь, это тебе поможет? Думаешь, что сможешь дальше нарушать закон?

— Пока удастся.

— Безусловно. Но как по-твоему, сколько ты выдержишься?

— Сколько надо будет.

— Нет, — сказал Джо. — Нельзя безнаказанно нарушать закон. Только сосунки верят в это.

— Им придется послать за мной стрелков получше, — заметил Баррент, перезаряжая иглолучевик.

— Все произойдет не так, — произнес Джо. — Поверь мне, Уилл, нельзя сосчитать способов избавиться от тебя. Когда закон решил действовать, его не остановишь. И, между прочим, не жди помощи от своей подруги.

— Ты знаешь ее? — спросил Баррент.

— Я знаю всех, — мрачно сказал Джо. — У меня друзья в правительстве. Я знаю, что тобой недовольны: Слушай меня, Уилл. Ты же не хочешь плохо кончить?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты можешь связаться с Моэрой? Ты знаешь, где найти ее?

— Возможно. Зачем?

— Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Скажи ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили на Земле.

Джо уставился на него.

— Ты спятил?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его: Житель Второго Класа Иллиарди.

— Чего же об этом распространяться? — удивился Джо. — Не имеет смысла терять уважение.

— Я не убивал, — упрямо повторил Баррент. — Передашь Моэре?

— Хорошо, — согласился Джо. — Если смогу найти ее. Но лучше послушай меня. Может, еще не поздно все исправить. Сходи на Черную Мессу...

— Возможно, я так и сделаю, — произнес Баррент. — Ты обязательно скажешь Моэре?

— Да, — пообещал Джо. Он вышел из магазина противодий, печально качая головой.

Глава 15

Тремя днями позже Баррента посетил высокий пожилой мужчина с горделивой осанкой, такой же прямой, как церемониальный меч, висевший у него на боку. На нем был мундир с высоким воротником-стойкой, черные брюки и блестящие черные туфли. По одежде Баррент распознал в нем важного государственного чиновника.

— Правительство Омеги шлет вам поздравления, — начал гость. — Я Норинс Джей, Субминистр Игр. В соответствии с законом я нахожусь здесь, дабы лично уведомить вас о великой удаче.

Баррент осторожно кивнул и пригласил посетителя пройти в комнату. Но Джей, величественный и исполненный достоинства, предпочел остаться в магазине.

— Вчера была проведена ежегодная Лотерея, — объявил он. — Вы, Гражданин Баррент, один из выигравших. Поздравляю вас.

— А что за награда? — поинтересовался Баррент. Он слышал о Лотерее, но имел о ней лишь самое смутное представление.

— Почет и слава. Увековечение вашего имени в гражданских свитках. Сохранение для потомства списка ваших убийств. Конкретно — вы получите иглолучевик государственного выпуска и будете посмертно награждены Серебряным знаком солнечных лучей.

— Посмертно?

— Конечно. Серебряные солнечные лучи всегда присуждают посмертно. Однако от этого они не менее почетны.

— Да-да, — согласился Баррент. — Что-нибудь еще?

— Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, отмечающей начало ежегодных Игр. Охота, как вам известно, олицетворяет наш омегианский образ жизни. В ней присутствуют все элементы драматических взлетов и падений, соединенные с возбуждением борьбы и волнующим трепетом погони. Даже пеонам позволено участвовать в Охоте, потому что это праздник, открытый для всех, праздник, символизирующий возможность любого человека выйти за рамки своего статуса.

— Если я вас верно понял, — заметил Баррент, — я выбран одним из тех, за кем будут охотиться?

— Да, — подтвердил Джей.

— Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не означает, что никого не убьют?

— Вовсе нет, что вы! — воскликнул Джей. — На Омеге символы и символизируемая вещь практически одно и то же. Когда мы говорим Охота, то имеем в виду настоящую охоту. Иначе все выродится в показуху.

Баррент молчал, обдумывая положение. Оно было не из приятных. Лицом к лицу с врагом, в простой дуэли, он имел прекрасные шансы на победу. Но Охота с участием всего населения Тетрахиды...

— Каким образом меня выбрали?

— Случайным отбором, — объяснил Норинс Джей. — Никакой другой способ не достоин тех, кто отдает свою жизнь во имя вящей славы Омеги.

— Что-то не верится, что меня выбрали совершенно случайно.

— Выбор был случайным, — заверил Джей. — Производился он, конечно, по списку подходящих жертв. Не каждый годится на роль Дичи. Человек должен проявить немало сил и упорства, чтобы Комитет Игр включил его в список кандидатов. Быть Дичью — великая честь.

— Не знаю, — заявил Баррент. — Просто вы преследуете меня.

— Вы не правы. Могу заверить, что никто в правительстве не питает к вам злых чувств. Вы нарушили закон, но это вовсе не касается правительства. Это дело касается исключительно вас и закона.

Синие ледяные глаза Джея сверкнули при упоминании о законе. Он выпрямился и еще плотнее сжал губы.

— Закон стоит над преступником и судьей и правит ими обоими. Он неотвратим, ибо любое действие либо законно, либо противозаконно. Если можно так выразиться, закон живет своей жизнью, ведет существование, совершенно отдельное от конечных жизней существ, приводящих его в исполнение. Закон управляет каждым аспектом человеческого поведения; следовательно, в той степени, в какой люди являются законными существами, закон человечен. И, будучи человеческим, закон имеет свои слабости. Для граждан, соблюдающих закон, он далек и незаметен. Но если кто-то отвергает или преступает его, закон восстает из праха и преследует нарушителя.

— Вот почему меня выбрали на роль Дичи?

— Конечно, — сказал Субминистр. — Не выбрали бы вас сейчас, рьяный и недремлющий закон нашел бы другие пути, используя все доступные способы.

— Благодарю за информацию, — произнес Баррент. — Сколько у меня времени до начала Охоты?

— Охота начинается на рассвете и заканчивается с первой зарей следующего дня.

— А что будет, если меня не убьют?

Норинс Джей слабо улыбнулся.

— Такое случается нечасто, Гражданин Баррент. Я уверен, это не должно волновать вас.

— Но все же бывает?

— Да. Те, кто остается в живых, автоматически включаются в Игры.

— А если я выживу в Играх?

— Забудьте об этом, — посоветовал Джей дружеским тоном.

— Но почему?

— Поверьте мне, Гражданин, вы не выживете.

— Я все-таки желал бы знать, что произойдет в таком случае.

— Тот, кто проходит Игры, оказывается вне закона.

— Звучит многообещающе, — заметил Баррент.

— Вовсе нет. Закон, даже в самом своем карающем проявлении, стоит на страже ваших интересов. Как бы ни было мало у вас прав, закон гарантирует их соблю-

дение. Я не убил вас сейчас и здесь только потому, что это было бы незаконно. — Джей разжал руку, и Баррент увидел крошечное однозарядное оружие. — Закон устанавливает рамки и определяет поведение как своих нарушителей, так и исполнителей. Сейчас он повелевает вам умереть. Но все люди смертны. Закон, в силу своей природы проникающий в самую глубь явлений, открывает вам дату вашей смерти. Вы знаете хотя бы день; если бы не закон, вы остались бы в неведении.

— И все же, — настаивал Баррент, — если я выживу в Играх и окажусь вне закона?

— Единственный, кто существует вне закона, — задумчиво произнес Норинс Джей, — это сам Великий Черный. Оказавшиеся вне закона принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть живым в руки Великого Черного.

Баррент давно пришел к выводу, что культ Великого Черного — суеверная чепуха. Но теперь, слушая доверительный голос Джея, он начал сомневаться. Может существовать реальное отличие между обычным поклоном Злу и действительным присутствием самого Зла.

— Но если вам повезет, — продолжал Джей, — вас убьют сразу. А сейчас последние инструкции.

Джей потянулся свободной рукой в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым отработанным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел опомниться, как все было кончено.

— Это помечает вас как Дичь, — сказал Джей. — Пометки несмываемы. Вот ваш государственный иглолучевик. — Он вынул оружие из кармана и положил на стол. — Охота, как я говорил, начинается с первым светом зари. Убить вас имеет право каждый, кроме другой Дичи. Вы также можете убивать. Но я советую делать это с большой осторожностью: вспышки и звук выстрела выдавали многих. Если будете прятаться, не забывайте обеспечить себе выход. Помните, что другие знают Тетрахид лучше вас. Опытные охотники изучили все потаенные места; с Дичью кончают в основном в первые часы праздника. Желаю вам удачи, Гражданин Баррент.

На пороге Джей снова обернулся к Барренту.

— Я должен добавить, что одна довольно маловероятная возможность сохранить жизнь и свободу на Охоте существует. Но мне запрещено рассказывать о ней.

Субминистр поклонился и вышел.

После долгих стараний Баррент убедился, что алые пометки действительно несмываемы. Вечером он разобрал государственный иглолучевик. Как и следовало ожидать, оружие оказалось дефектным.

Он взял собственный лучевик и начал приготовления к Охоте: сложил в маленький рюкзак еду, воду, моток веревки, нож, немного одежды и запасное оружие. Потом сел и стал ждать, надеясь вопреки здравому смыслу, что в последнюю минуту его спасет Мозра и ее организация.

Спасение не пришло. За час до рассвета Баррент покинул магазин противоядий. Он не имел представления, что делают другие жертвы, но уже решил, где ему спрятаться от Охотников.

Глава 16

Авторитетные умы на Омеге признавали, что положение Дичи круто меняет характер личности. Если бы преследуемый мог взглянуть на Охоту как на отвлеченную проблему, он наверняка сделал бы более или менее правильные выводы. Но типичная Дичь независимо от интеллекта не в состоянии отделить эмоции от рассудка. Ведь охотятся на нее. Ею овладевает паника. Безопасность ассоциируется с местами отдаленными и тайными. Жертва уходит как можно дальше от дома, зарывается глубоко в землю, петляет по закоулкам. Она предпочитает темноту свету, уединение — толпе.

Это хорошо известно Охотникам. Вполне естественно, они в первую очередь обыскивают пустынные темные места, подземные переходы, заброшенные дома и склады. И там неумолимо настигают добычу.

Баррент учел все это. Он поборол свой первый порыв исчезнуть в мрачной клоаке Тетрахиды и направился к большому, ярко освещенному корпусу Министерства Игр.

Когда коридоры, казалось, опустели, он быстро вошел внутрь, прочитал указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Миновав несколько дверей, Баррент наконец остановился у искомой: «НОРИНС ДЖЕЙ, СУБМИНИСТР». Он прислушался, затем открыл дверь и шагнул в комнату.

У старого чиновника была неплохая реакция. Баррент не успел переступить порог, как Джей, увидев отметки на его лице, потянулся к ящику стола.

Баррент не хотел убивать старика. Он рванулся вперед и ударил Джей государственным иглолучевиком прямо в лоб. Джей пошатнулся, привалился к стене и рухнул на пол.

Баррент наклонился к нему и проверил пульс. Потом связал свою жертву, сунул в рот кляп и затолкал Субминистра под стол. Порывшись в ящиках, он нашел табличку: «Заседание. Не мешать», повесил ее и запер дверь. Затем уселся за стол, держа наготове свой собственный иглолучевик, и стал ждать развития событий.

Светало. Над Омегой вставало бледное солнце. Баррент видел через окно, как улицы наполняются людьми. В городе царил лихорадочное возбуждение карнавала, праздничный шум то и дело перемежался отрывистым шипением лучевиков и внятыми взрывами реактивного оружия.

К полудню Баррент оставался необнаруженным. Он выглянул в окно и с удовлетворением отметил, что имеет возможность выбраться на крышу, то есть, на худой конец, есть запасной выход.

В середине дня начал приходить в себя Джей. Попробовав освободиться от веревок, он вскоре успокоился и тихо лежал под столом.

Перед самым вечером кто-то постучал в дверь.

— Мистер Джей, разрешите войти?

— Не сейчас, — ответил Баррент, надеясь, что удачно имитирует голос чиновника.

— Вас, должно быть, интересует статистика Охоты, — сказал человек за дверью. — К настоящему моменту граждане убили семьдесят три жертвы, осталось восемнадцать. Это лучше, чем в прошлом году.

— О да, — согласился Баррент.

— Количество спрятавшихся в канализационной системе больше обычного. Несколько человек пытались обмануть, укрывшись дома. Остальных мы ищем в обычных местах.

— Отлично, — одобрил Баррент.

— Пока никто еще не сделал прорыв, — продолжал мужчина. — Странно, что Дичь редко думает об этом. Впрочем, нам же лучше — нет надобности использовать машины.

Интересно, что он имеет в виду?.. Куда можно сделать прорыв? И как используют машины?

— Мы уже выбрали кандидатов для Игр, — добавил докладчик. — Хорошо, если бы вы завизировали список.

— Оставляю его на ваше усмотрение, — сказал Баррент.

Послышались удаляющиеся шаги. Похоже, он что-то заподозрил, подумал Баррент. Разговор длился слишком долго, надо было закончить его раньше. Пожалуй, стоит перейти в другое помещение.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в дверь грубо застучали.

— Да?

— Гражданский Комитет, — ответили басом. — Будьте любезны открыть. У нас есть основания считать, что здесь прячется Дичь.

— Чепуха, — уверенно заявил Баррент. — Сюда нельзя входить. Это государственное учреждение.

— Можно, — сказал бас. — Ни одно помещение, контора или здание не закрыты для граждан в День Охоты. Ну?

Когда дверь затрещала под мощными ударами, Баррент дважды выстрелил, давая пищу для размышлений, и вылез в окно.

Крыши Тетрахиды, как сразу заметил Баррент, были идеальным местом для укрытия; именно поэтому прятаться там явно не следовало. Лабиринт почти соприкасающихся островерхих скатов, шпилей, дымовых труб был словно специально создан для побега; но на крышах уже стояли люди. Они увидели его и закричали.

Баррент бросился бежать. Охотники догоняли его и окружали с флангов. Он перепрыгнул через пятифуттовую щель между зданиями, еле удержав равновесие на крутом скате, и вскарабкался на другую сторону крыши.

Паника гнала его вперед. Охотники отстали. Если бы удалось выдержать темп еще хоть десять минут! Он бы спустился и поискал более надежное убежище.

Еще один пятифуттовый промежуток между домами. Баррент прыгнул, не колеблясь. Приземлился он хорошо. Но правая нога по бедру провалилась сквозь прогнившее перекрытие. Он напряг все силы, пытаясь

вытащить ногу, но от крутой гнилой крыши не оттолкнешься.

— Вот он!

Баррент обеими руками рванул дранку. Охотники приблизились уже почти на расстояние выстрела из иглолучевика. Ко времени, когда он сумеет высвободить ногу, он станет легкой добычей.

Когда Охотники появились на примыкающем здании, Баррент выломал трехфуттовую дыру и, не видя иного выхода, прыгнул вниз. Секунду он летел в воздухе, затем приземлился ногами на стол, который развалился, сбросив его на пол. Баррент поднялся и увидел, что попал в гостиную Хаджи-класса. Неподалеку в кресле-качалке сидела старуха. Челюсть у нее отвисла от страха, и она машинально продолжала раскачивать кресло.

По крыше загромыхали Охотники. Баррент бросился на кухню к черному ходу, проскользнул под веревками для белья и перемахнул через невысокий забор. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Подняв голову, он увидел мальчишку, старающегося нацелить тяжелое тепловое оружие. Очевидно, отец запретил ему охотиться на улице.

Баррент свернул в переулок и добежал до аллеи, показавшейся ему знакомой. Он понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Сзади раздались крики преследователей. Он рванул к дому Милы и нашел дверь незапертой.

Все были там — одноглазый мужчина, лысая старая женщина и Мила. Они совсем не удивились его появлению.

— Итак, вас выбрали в Лотерее, — произнес старик. — Мы так и знали.

— Это Мила прочла в воде? — спросил Баррент.

— Нет, — ответил старик. — Это можно было предсказать и так, учитывая, что вы за человек. Смелый, но не безжалостный. Вот в чем ваша беда, Баррент.

Старик отбросил обязательную форму обращения к Привилегированному Гражданину, что в данных обстоятельствах было вполне естественно.

— Каждый год одно и то же, — продолжал он. — Вы были бы поражены, узнав, сколько многообещающих молодых людей, за которыми по пятам гнались Охотники, кончали свой путь в этой комнате — смертельно уставшие, державшие иглолучевик, будто он весит тонну. Они ждали от нас помощи, но мутанты предпочитают не ввязываться в неприятности.

— Замолчи, Дем, — перебила старая женщина.

— Но вам мы должны помочь, — невозмутимо сказал Дем. — У Милы на этот счет свои соображения. — Он язвительно усмехнулся. — Ее мать и я пытались разубедить ее, но она настаивала. А так как только она среди нас может скреннировать, то пусть поступает по-своему.

— Даже с нашей помощью у вас очень мало шансов пережить Охоту, — произнесла Мила.

— Если они меня убьют, — поинтересовался Баррент, — как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы видели меня, смотрящим на собственный труп, разбитый на кусочки.

— Помню, — согласилась Мила. — Но ваша смерть не помешает предсказанию. В таком случае оно сбудется с вами в другом воплощении.

Баррента это не успокоило.

— Что мне делать?

Старик протянул кучу лохмотьев.

— Наденьте это, а я поработаю над вашим лицом. Вы, мой друг, станете мутантом.

Вскоре Баррент вышел на улицу, одетый в старую выцветшую рванину. Под ней он сжимал иглолучевик, а в свободной руке держал чашу для подаяний. Старик щедро наложил розовато-желтый грим. На лбу лежали чудовищные морщины, а нос разползся чуть не до ушей. Лицо изменилось до неузнаваемости, охотничьи пометки были скрыты.

Мимо рысью промчался отряд Охотников, едва удостоив его взглядом. Баррент почувствовал некоторое облегчение. Он выигрывал драгоценное время. Последние лучи бледного солнца скрывались за горизонтом.

Ночь предоставит дополнительные преимущества, и он сможет продержаться до зари. Потом, конечно, будут Игры, но Баррент не собирался принимать в них участие, — если грим сумеет защитить его от всего города, то уж сам он себя не обнаружит.

Пожалуй, после окончания Игр он сможет вновь появиться в обществе. Вполне вероятно, если ему удастся пережить Охоту и увильнуть от Игр, его наградят особо. Такое дерзкое и успешное нарушение закона должно быть оценено по достоинству.

Баррент увидел еще одну группу приближающихся Охотников. Их было пятеро, и среди них — Тем Ренд, внушительный и гордый в новенькой форме Убийцы.

— Эй ты! — крикнул один из Охотников. — Не видел здесь Дичи?

— Нет, Гражданин, — ответил Баррент, почтительно склонившись и сжав под лохмотьями иглолучевик.

— Не верьте ему. Эти проклятые мутанты всегда лгут.

Группа прошла, но Тем Ренд задержался.

— Ты уверен, что не видел поблизости Дичи?

— Абсолютно, Гражданин, — сказал Баррент, пытаясь понять, узнал ли его Ренд. Он не хотел убивать; кроме того, он не был уверен, что в состоянии это сделать, — у Ренда была непревзойденная реакция. Но сейчас его иглолучевик небрежно висел в опущенной руке, в то время как Баррент держал свой нацеленным. Это могло свести на нет превосходство Ренда в скорости и меткости.

В итоге, подумал Баррент, они, наверное, сыграют вничью и убьют друг друга.

— Ну, если ты увидишь Дичь, — произнес Ренд, — то посоветуй не гримироваться под мутанта.

— А почему?

— Надолго этого трюка не хватит, — безразлично сказал Тем. — Максимум на час. Потом засекут информаторы. Если бы охотились за мной, я бы, может, и прикинулся мутантом. Но только не для того чтобы расхаживать в таком виде по тротуару, — я бы выбрался из Тетрахиды.

— Да?

— Каждый год в горы уходят несколько Жертв. Правительство об этом, конечно, молчит, и большинство граждан ничего не знает. Но Гильдия Убийц располагает полным архивом всех когда-либо использовавшихся трюков и способов побега. Это входит в наши обязанности.

— Очень интересно, — сказал Баррент. Он понял, что Ренд узнал его. Тем оказался хорошим соседом — и плохим Убийцей.

— Разумеется, из города выбраться нелегко, — добавил Ренд. — Да и вне его пределов не следует считать себя в безопасности. Есть специальные Охотничьи Патрули и, что гораздо хуже...

Он внезапно замолчал. К ним приближалась группа Охотников. Ренд кивнул и побежал вслед за своими.

После того как Охотники прошли, Баррент выпрямился. Тем дал ему хороший совет. Конечно, нужно выбраться из города. Жизнь в омегианских горах чрезвычайно сложна, но любые трудности лучше смерти.

Если даже удастся проскочить через ворота, нельзя забывать о патрулях. Но Ренд упомянул о чем-то худшем. Что это? Особые части Охотников-альпинистов? Неустойчивый климат Омеги? Смертоносная флора или фауна? Эх, если бы Ренд успел договорить...

Когда спустились сумерки, Баррент достиг Южных Ворот. Согнувшись, как под тяжелой ношей, он заковылял навстречу сторожевому отряду, который преградил ему путь.

Глава 17

С охраной осложнений не было. Целые семьи мутантов покидали город, пережидая в горах, пока не закончится безумие Охоты. Баррент присоединился к одной из таких групп и вскоре оказался в миле от Тетрахиды, на пологих холмах, которые полукольцом окружали город.

Там мутанты остановились и разбили лагерь. Баррент пошел вперед и к полуночи уже взбирался по скалисто-му, выветренному склону высокой горы. Он был голоден, но холодный свежий воздух подбадривал и прибавлял сил.

Шумные охотничьи отряды, прочесывающие горы, были слышны издалека, и Баррент легко обходил их во тьме, продолжая карабкаться наверх. Скоро все стихло, кроме завывания ветра в скалах. Было около двух часов ночи; до зари оставалось еще часа три.

Ранним утром пошел легкий дождик, обернувшийся ледяным ливнем, — обычная погода для Омеги, как и грозовые тучи, сгустившиеся над вершинами гор, и раскаты грома, и яркие желтые вспышки молний. Баррент укрылся в неглубокой пещерке. Еще повезло, что не грянул мороз.

Он сидел и боролся со сном. Остатки грима стекали по лицу. Сквозь дрему он наблюдал за склоном вниз. И вдруг, в ослепительном свете молнии, увидел, как что-то движется вверх по горе, направляясь прямо к его пещере.

Он встал, держа наготове иглолучевик, и в очередной вспышке разглядел влажный блеск металла, перемигивание красных и зеленых огней и металлические щупальца, цепляющиеся за камни и низкорослые кусты.

С такой машиной Баррент сражался в подвалах Департамента Юстиции. Теперь он понял, о чем его хотел предупредить Ренд. Он понял также, почему у Дичи было так мало шансов остаться в живых, даже если удавалось покинуть город. На этот раз Макс не будет выбирать оружие убийства случайно, чтобы уравнивать шансы. И вряд ли предохранитель машины будет доступен.

Баррент выстрелил — заряд отразился от бронированного лба машины, — вылез из пещеры и стал взбираться по предательски скользкому склону. Машина неотступно двигалась за ним. Он попытался оторваться от нее на плато с зазубренными валунами, но сбить Макса со следа не удалось. Машина, должно быть, преследует его по запаху несмываемой краски на лице, сообразил Баррент.

Он сбросил вниз с обрыва несколько камней, надеясь вызвать лавину. Макс увертывался от летящих обломков; те, что попадали в него, отскакивали далеко в стороны.

Наконец Баррент уперся в отвесную скалу, выше подниматься было некуда. Когда машина подобралась вплотную, он поднял иглолучевик, нажал на курок и выпустил полный заряд.

Макс содрогнулся; затем выбил оружие и обвил щупальце вокруг шеи Баррента. Металлическое кольцо сжималось. Баррент почувствовал, что теряет сознание. Интересно, успел подумать он, задушат его или сломают шею?

Внезапно кольцо разжалось. Машина отступила назад. За ее спиной Баррент увидел серые лучи зари.

Он пережил Охоту. Машина была запрограммирована на убийство только до рассвета. Но она не выпустила его, а продержала у скалы до прихода Охотников.

Те привели Баррента в Тетрахид, где бешено аплодирующая толпа с восторгом приветствовала его. После двухчасовой процессии Баррента и четырех других выживших доставили в Призовой Комитет, где председа-

тель произнес короткую прочувствованную речь о проявленных ими отваге и ловкости. Им был присвоен ранг Хаджи и вручена крошечная золотая серьга статуса.

В заключение председатель пожелал новоиспеченным Хаджи легкой смерти в Играх.

Глава 18

Стражники вывели Баррента из зала Призового Комитета и увлекли в подземную темницу под Ареной, где его заперли в камеру и посоветовали спокойно ждать. Игры уже начались, и скоро наступит его черед.

В трехместную камеру было втиснуто десять человек. Большинство сидели или лежали в молчаливой апатии, уже смирившись со своей участью. Но один явно не пал духом. Он протолкался к Барренту.

— Джо!

Ему улыбался маленький кредитный вор.

— Не самое приятное место для встречи, Уилл.

— Что с тобой произошло?

— Политика, — ответил Джо. — Каверзное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что в безопасности, но... — Он пожал плечами. — Меня избрали утром.

— Есть какой-нибудь шанс отсюда выбраться?

— Я рассказал о тебе твоей знакомой, — произнес Джо. — Может быть, ее друзья смогут что-нибудь сделать. А я рассчитываю на помилование.

— Это возможно?

— Все возможно. Однако лучше не надеяться.

— На что похожи Игры? — спросил Баррент.

— Игры есть игры, — ответил Джо. — Поединки, схватки с омегианскими животными и растениями, дуэли на иглолучевиках и тепловиках. Говорят, это копия стародавних английских турниров.

— Если кто-нибудь выживет, — произнес Баррент, — он вне закона?

— Верно.

— А что значит быть вне закона?

— Понятия не имею, — сознался Джо. — Похоже, что этого не знает никто. Я сумел выяснить лишь, что выжившего забирает Великий Черный. Очевидно, это неприятно.

— Могу себе представить. На Омеге вообще мало приятного.

— Это неплохое место, Уилл. У тебя просто нет того духа...

Его прервало появление взвода охраны. Обитателям камеры пора было выходить на Арену.

— Помилования нет, — сказал Баррент.

— Что поделаешь, — вздохнул Джо.

Тесно сомкнувшись, стражники вывели их и построили в ряд перед железной дверью, отделявшей темницу с камерами от Арены. Начальник караула собрался было открыть дверь, но тут в боковом коридоре показался запыхавшийся хорошо одетый толстяк, размахивающий бумагами.

— Что это? — спросил командир.

— Удостоверение личности, — произнес толстяк, вручая бумагу и вытаскивая из кармана еще целую кипу листов. — А вот ордер на прекращение, перечень полномочий, закладная на недвижимость и справка о доходах.

Начальник стражи стянул шлем и ошарашенно почесал узкий лоб.

— Что все это значит?

— Он свободен, — объявил толстяк, указывая на Джо.

Командир взял бумаги, удивленно их пролистал и вернул толстяку.

— Ну хорошо, забирайте. Раньше такого не бывало. Ничто не препятствовало установленному течению Игр.

Победно улыбаясь, Джо пробился сквозь стену охраны к адвокату и спросил его:

— У вас есть какие-нибудь бумаги на Уилла Баррента?

— Нет, — сказал адвокат. — Его дело не у меня. Боюсь, что с ним не управятся до конца Игр.

— Но я тогда, наверное, уже буду мертв, — заметил Баррент.

— Могу вас заверить, что это ни в коей мере не отразится на рассмотрении вашего дела, — с гордостью заявил адвокат. — Живой или мертвый, вы сохраните все свои права.

— Пора идти, — сказал командир.

— Удачи, — пожелал Джо, и цепочка узников втянулась через железную дверь на ярко освещенную Арену.

Баррент прошел через поединки, в которых погибла четверть заключенных. После того их, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегианской фауны. Среди тварей, с которыми им предстояло сражаться, были гинтолит и гинтоцед — чудовища с тяжелой броней и огромными челюстями, обитавшие в пустынях к югу от Тетрахиды. Когда их наконец убили, пятнадцать человек были мертвы. Затем Барренту достался саунус — черный летающий ящер с Западных гор. Сперва уродливое ядовитое создание теснило его. Но потом он нашел решение: прекратил попытки пробить кожный панцирь саунуса и сосредоточил все усилия на том, чтобы отрубить хвост. Когда ему это удалось, рептилия потеряла равновесие, врезалась в высокую стенку, отделяющую зрителей, и сравнительно легко позволила нанести завершающий удар в единственный громадный глаз. Толпа приветствовала победу Баррента восторженными криками.

Он прошел в запасную будку и стал смотреть, как другие сражаются с трихомотредами, невероятно проворными существами размером не больше крысы с повадками взбесившейся росомахи. Прежде чем их одолели, погибло пять команд невольников. Затем, после короткой интерлюдии поединков, Арену вновь расчистили.

Теперь на нее вползли амфибии с роговым покрытием. Броня толщиной в несколько дюймов делала их практически неуязвимыми, несмотря на медлительные движения. Узкие плети хвостов, служивших им одно-

временно антеннами, грозили гибелью каждому, кто осмелится приблизиться. Барренту пришлось сражаться с одной из амфибий после того, как она прикончила четырех его предшественников.

Баррент наблюдал за предыдущими схватками и заметил место, куда не мог дотянуться острый хвост чудовища. Баррент выждал момент и запрыгнул на широкую спину амфибии, а когда в роговой броне разверзлась гигантская пасть, он вонзил туда свой меч. Чудище с незамедлительной готовностью испустило дух; толпа, выражая одобрение, закидала Арену подушками.

Победитель одиноко стоял на залитом кровью песке: прочие участники Игр были мертвы или изувечены. Баррент ждал, какого нового врага выберет Комитет Игр.

В песок упало семечко, затем еще одно. Через секунду на Арене уже росло короткое толстое дерево, выпускающее все больше веток и корней, затягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять отверстий-ртов, расположенных по окружности ствола. Это был каррион — очень редкое и трудно транспортируемое растение. Говорили, что оно горит, как порох, но у Баррента не было огня.

Держа меч обеими руками, Баррент бешено рубил ветки, однако на их месте тут же вырастали другие. Казалось, уничтожить дерево невозможно.

Единственная надежда — медленные движения растения. Во всяком случае, они не могли сравниться с человеческой реакцией. Баррент вырвался из обвивших его ветвей и бросился к другому мечу, лежавшему футы в двадцати и полузасыпанному песком. Он схватил его и услышал предупреждающие крики толпы — к ноге подтянулась ветка.

Баррент обрубил ее, но в это время другая обвилась вокруг туловища. Он поднял руки над головой и ударил одним мечом по другому, стараясь выбить искру.

Меч в правой руке сломался.

Баррент подобрал половинки и продолжал попытки, но ветви все ближе подтаскивали его к ротовым отверстиям. Наконец от звенящей стали отлетел сноп искр. Одна из них коснулась побега, который вспыхнул с

невообразимой скоростью. Пламя побежало по ветвям к стволу, и пятеро ртов издали стонущий звук.

Баррент неминуемо бы сгорел — почти вся Арена была заполнена ветками. Но пожар угрожал деревянным стенам, и огонь загасили, спасая зрителей и Баррента.

Едва держась на ногах, Баррент стоял в центре Арены, ожидая очередного врага. Однако время шло, а ничего не происходило. Прозвучал сигнал из ложи председателя судейской коллегии, и толпа взорвалась криками.

Игры кончились. Баррент выжил.

Но народ не расходился. Зрители желали знать, что будет с человеком, оказавшимся вне закона.

Толпа ахнула. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе яркое световое пятно. Оно разбухало, выбрасывая потоки лучей и втягивая их обратно, росло на глазах и ослепляло своим блеском. Барренту вспомнились слова Дяди Ингмара: «Иногда Великий Черный удостаивает нас появлением в ужасной красоте своего огненного тела. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того...»

Пятно превратилось в оранжевый шар около двадцати футов в диаметре, висевший в воздухе, едва касаясь земли. Шар продолжал расти и одновременно сужаться в центре. Верхняя половина его стала черной. Теперь образовалось два шара — один ослепительно яркий, другой абсолютно черный, — соединяющиеся тонкой талией. Верхний стал вытягиваться и принял форму увенчанной рогами головы Великого Черного.

Баррент побежал, но гигантская черноголовая фигура догнала его и поглотила. Он очутился в центре невообразимо сверкающего вихря с непроглядной тьмой вверху. Голова закружилась, он хотел крикнуть и потерял сознание.

Глава 19

Баррент очнулся в тускло освещенном помещении. Он лежал в постели. Рядом спорили двое.

— У нас нет больше времени, — горячился мужчина. — Ты не понимаешь всей остроты положения.

— Доктор сказал, что ему нужно по крайней мере три дня покоя, — произнес женский голос, и Баррент вдруг понял, что это Моэра.

— Три дня у нас будут.

— А время на обучение?

— Ты говоришь, что он умен и быстро схватывает.

— Потребуется недели.

— Исключено. Корабль приземляется через шесть дней.

— Эйлан, — сказала Моэра, — ты торопишь события. Сейчас нам это не удастся. К следующему Дню Посадки мы будем подготовлены гораздо лучше.

— К тому времени положение выйдет из-под контроля, — возразил мужчина. — Мы должны или немедленно использовать Баррента, или не использовать его вовсе.

Баррент разлепил губы:

— Использовать для чего? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. В слабом свете Баррент увидел очень высокого худого согбенного старика с полоской реденьких усов.

— О, вы уже пришли в себя, — сказал он. — Меня зовут Свен Эйлан. Я начальник Группы Два.

— Что такое Группа Два? — спросил Баррент. — Как вам удалось вытащить меня с Арены? Вы агенты Великого Черного?

Эйлан улыбнулся.

— Не совсем так. Мы все объясним. Но сперва, мне думается, вам следует подкрепиться.

Сестра внесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан, сидя рядом на стуле, рассказывал о Великом Черном.

— Наша Группа не претендует на то, что положила начало религии Великого Черного. Она возникла на Омеге спонтанно. Но грех был бы не извлекать из нее пользу. Священники оказались замечательно сговорчивыми, — ведь поклонники Зла положительно смотрят на коррупцию. Следовательно, в глазах омегианского священнослужителя появление ложного Великого не будет анафемой. Напротив, на рядовых верующих подобные образы оказывают сильное влияние — особенно такое огромное страшилище, которое поглотило вас.

— Как вы это устроили? — поинтересовался Баррент.

— Какие-то фрикционные поверхности и силовые поля. Надо спросить у наших инженеров.

— Почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру. Та демонстративно пожала плечами, и Эйлан смущенно проговорил:

— Мы хотим поручить вам важное дело. Но вам, должно быть, не терпится узнать больше о нашей организации?

— Еще как! — сказал Баррент. — Вы что-то вроде криминальной элиты, да?

— Мы — элита, — ответил Эйлан, — но не считаем себя преступниками. На Омегу ссылают два совершенно разных типа людей. Есть настоящие злодеи, виновные в убийстве, насилии, вооруженном ограблении, бандитизме и тому подобном. Среди таких людей вы жили до сих пор. Есть и иные, обвиненные в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности, атеизме. Именно такие люди составляют нашу организацию, которую в целях конспирации мы называли

Группа Два. Наши преступления заключаются в том, что мы придерживались не тех взглядов, которые превалируют на Земле. Мы были нестабильным элементом и представляли опасность для сложившейся системы. И поэтому нас сослали на Омегу.

— Где вы обособились от остальных ссыльных, — заключил Баррент.

— Да, по необходимости. С одной стороны, настоящие преступники Группы Один не поддаются контролю. Мы не можем повести их за собой; и не можем позволить себе быть ведомыми ими. Но что более важно, мы должны хранить в тайне свою деятельность. Неизвестно, какими средствами наблюдения оборудованы сторожевые корабли. И мы ушли в подполье — буквально. Эта комната находится под землей на глубине двухсот футов. Связь с поверхностью поддерживают специальные агенты, такие, как Мозра, которые вербуют политических заключенных.

— Я вам не подошел, — произнес Баррент.

— Конечно, нет. Вы обвиняетесь в убийстве, что автоматически относило вас к Группе Один. Однако ваше поведение было нетипичным, и мы вам иногда помогали. Но в Группу без полной уверенности принять не могли. В вашу пользу говорило предубеждение против убийства. Мы нашли Иллиарди и убедились, что именно он совершил преступление, в котором обвинили вас. Но самым сильным вашим козырем был высокий потенциал выживания, что еще раз подтвердили Игры и Охота. Нам очень нужен человек ваших способностей.

— В чем заключается задание? — спросил Баррент. — Чего вы хотите добиться?

— Мы хотим вернуться на Землю, — сказал Эйлан.

— Но это невозможно.

— Мы тщательно обдумали этот вопрос и считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Очевидно, через шесть дней мы сделаем попытку.

— Лучше подождать еще полгода, — заметила Мозра.

— Шестимесячное промедление будет губительным. Каждое общество имеет цель, а криминальное населе-

ние Омеги стремится уничтожить самое себя. Баррент, вы, кажется, удивлены? Вы не замечали этого?

— Никогда не думал об этом, — признался Баррент. — В конце концов, я был его частью.

— Вот представьте: все сконцентрировано вокруг узаконенного убийства. Праздники — предлоги для массовых убийств. Даже закон, регулирующий интенсивность преступности, начинает давать осечки. Мы живем на краю хаоса. Безопасности нет нигде. Хочешь жить — убивай. Единственный способ подняться в статусе — убивать. Безопасно только убивать — все больше и все быстрее.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Моэра.

— Ничуть. Ограничители преступности — кажущиеся. Фикция. Все разлагающиеся общества сохраняют иллюзию стабильности до конца. А конец омегианского общества приближается.

— Насколько быстро? — спросил Баррент.

— Дело месяцев. Единственный способ все изменить — найти иной путь.

— Земля, — проговорил Баррент.

— Земля. Вот почему попытка должна быть сделана немедленно.

— Мне известно немного, — сказал Баррент, — но я с вами и готов войти в состав любой экспедиции.

Эйлан неловко поежился.

— Я, очевидно, не очень удачно все объяснил, — произнес он. — Вы и будете экспедицией, Баррент. Вы, и только вы... Извините, если я напугал вас.

Глава 20

По словам Эйлана, единственный серьезный недостаток Группы Два заключался в том, что люди, ее составляющие, в большинстве своем миновали расцвет физических сил. В организации, разумеется, были и молодые, но они мало общались с миром насилия: защищенные подземными укрытиями никогда не стреляли в ярости из иглолучевика, никогда не спасали свою жизнь бегством, никогда не сталкивались с критическими ситуациями. Никакая смелость не могла компенсировать отсутствие такого опыта. Они бы с радостью совершили экспедицию на Землю, но их шансы на успех практически равнялись нулю.

— А вы думаете, мне это удастся? — спросил Баррент.

— Думаю, да. Вы молоды и сильны, достаточно умны и сверхъестественно находчивы. У вас высокий показатель выживаемости. Если кто-нибудь и может добиться успеха, то это вы.

— Но почему в одиночку?

— Потому что нет смысла посылать группу. Просто увеличится вероятность ее обнаружения. Если вы прорветесь, то доставите ценнейшую информацию о враге. Если это не удастся, и вы будете схвачены, вашу попытку сочтут дерзким индивидуальным актом. А мы будем поднимать общее восстание на Омеге.

— Как я попаду на Землю? — спросил Баррент. — У вас где-нибудь припрятан корабль?

— Увы, нет. Мы планируем переправить вас на борту тюремного.

— Невозможно!

— Возможно. Мы изучили процедуру. Охрана выводит заключенных и выстраивает их на площади, а корабль остается незащищен, хотя и окружен кордоном. Мы организуем беспорядки и отвлечем внимание охраны, чтобы вы смогли проникнуть на борт.

— Даже если это удастся, меня схватят, как только охрана вернется.

— Вряд ли, — возразил Эйлан. — Тюремный корабль — колоссальный организм с многими потайными закоулками. Кроме того, на вашей стороне фактор внезапности. Ведь это первая в истории попытка бегства.

— А когда мы прилетим на Землю?

— Вы будете одеты как член экипажа, — сказал Эйлан. — Помните, неизбежная неповоротливость бюрократической машины работает на нас.

— Будем надеяться, — произнес Баррент. — Хорошо, предположим, что я благополучно достигаю Земли и получаю желаемую информацию. Как ее передать?

— Пошлите на очередном тюремном корабле, — ответил Эйлан. — Мы его захватим.

Баррент потер лоб.

— Почему вы думаете, что хотя бы один из планов — моя экспедиция или восстание на Омеге — против такой могущественной организации, как Земля, может увенчаться успехом?

— Мы должны попытаться, — сказал Эйлан. — Попытаться или погибнуть в кровавой междоусобице. Я понимаю, что шансы малы. Но остается либо рискнуть, либо сдаться без боя. Правительство на Земле — явно тираническое. Это означает наличие подпольных групп сопротивления. Возможен контакт с этими группами. Волнения одновременно здесь и на Земле дадут правительству пищу для размышлений.

— Пожалуй, — согласился Баррент.

— Надо надеяться на лучшее, — сказал Эйлан. — Вы с нами?

— Безусловно, — ответил Баррент. — Я предпочитаю умереть на Земле.

— Тюремный корабль приземляется через шесть дней. За это время мы передадим вам о Земле всю информацию, которой располагаем. Частично — это

восстановление памяти, частично — прочитано мутантами, остальное — логические выводы. Мне кажется, в целом складывается достаточно правдивая картина земной действительности.

— Когда начнем? — спросил Баррент.

— Немедленно, — последовал ответ.

Баррента ознакомили в основных чертах со строением Земли, географией и крупными населенными пунктами. Затем его направили к бывшему полковнику Корпуса Глубокого Космоса Брэю, который провел беседу о вероятном военном потенциале Земли, выраженном в количестве сторожевых кораблей вокруг Омеги, и о возможном уровне развития техники. Он дал приблизительную оценку эффективности вооруженных сил Земли и их распределению по родам войск — наземным, морским и воздушным. Капитан Каррел прочитал лекцию о специальных видах оружия, их возможном применении и доступности для рядовых жителей Земли. Лейтенант Дауд рассказал о приборах обнаружения и способах защиты от них. Потом Баррент вернулся к Эйлану для политических занятий. Он узнал, что, судя по всему, на Земле царит тоталитарный режим, почерпнул сведения о методах диктатуры, ее сильных и слабых сторонах, роли секретной полиции, об использовании террора и информаторов.

Когда Эйлан с ним закончил, Баррент попал к маленькому человечку, просветившему его в области машин по стиранию памяти. Основываясь на предпосылке, что стирание памяти — распространенный вид борьбы с оппозицией, он реконструировал вероятный характер подпольного движения на Земле, оценивал его возможности и предлагал пути контакта.

Наконец Баррента посвятили в план прорыва на корабль.

Когда наступил День Посадки, Баррент почувствовал колоссальное облегчение. Он устал от круглосуточных занятий и жаждал действия, чем бы оно ни обернулось.

Глава 21

Большой тюремный корабль плавно опустился и бесшумно коснулся почвы. Он тускло блестел в лучах полуденного солнца — осязаемое доказательство могущества и неумолимости Земли. Открылся люк, спустился трап, и на площадь сошли узники.

Как обычно, на церемонию собралось почти все население Тетрахиды. Баррент пробился сквозь толпу и встал за цепочкой охранников. В кармане у него лежал иглолучевик, собранный специалистами Группы Два без единой металлической детали, которую могли бы обнаружить детекторы. Другие карманы также были набиты всяческими устройствами.

По громкоговорителю объявляли номера заключенных. Баррент слушал и ждал начала отвлекающих действий.

Голос в динамике зачитывал список. Осталось только десять номеров. Баррент поджался вперед. Голос продолжал бубнить. Осталось четыре номера, три...

Когда был объявлен номер последнего заключенного, бледное небо заволокла черная туча — группа подожгла пустующие бараки на площади А-2. Баррент ждал.

Вот оно! Оглушительный взрыв разметал два ряда пустых зданий. Ударная волна накатила на стоявших на площади. Не успели еще упасть обломки, как Баррент сорвался с места.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он был уже в тени корабля. Четвертый взрыв швырнул его на

землю. Он мгновенно вскочил и кинулся в люк. Сюда еле доносились крики и приказы капитана охраны. Охрана построилась в ряды и, держа оружие наготове, спокойно отступала к кораблю.

Баррент повернул направо и побежал по длинному узкому коридору. Далеко позади слышались тяжелые шаги. Ряд пустых камер замыкала дверь с надписью: «Для охраны»; зеленая лампочка над ней указывала, что воздушная система включена. Баррент толкнул соседнюю дверь, оказавшуюся незапертой, и попал в склад каких-то механизмов.

По коридору, громко разговаривая, прошагали охранники.

— Как по-твоему, что это за взрывы?

— Кто знает? Они здесь все сумасшедшие.

— Дай им волю, взорвут всю планету.

— Это точно.

— В этот раз обошлось без жертв. Подобный шум был лет пятнадцать назад. Помнишь?

— Я тогда не служил.

— Еще похлеще: убили двоих наших и около сотни заключенных.

— С чего это они вдруг?

— А кто их знает? Этим отщепенцам просто нравится взрывать все подряд.

— Как бы им не пришлось в голову в следующий раз подорвать нас!

— Исключено. По крайней мере до тех пор, пока наверху сторожевики.

— Думаешь? Все равно, скорей бы домой, на Контрольный Пункт.

— Твоя правда. Выбраться из этого корабля и пожить немного как людям.

— На Контрольном Пункте, конечно, неплохо, но я бы предпочел жить на Земле.

Последние из охранников вошли в комнату и закрыли дверь. Через некоторое время корабль вздрогнул. Полет начался.

Баррент получил немало ценной информации. Очевидно, вся охрана на Контрольном Пункте выходит. Значит ли это, что на борт взойдет другое подразделение? Возможно. И, безусловно, весь корабль обыщут.

Скорее всего, это будет лишь формальный осмотр, так как до сих пор ни один узник не пытался бежать с Омеги. И все же надо продумать, куда скрыться во время проверки.

Но это дело будущего. Он почувствовал, как стихает вибрация: значит, корабль оторвался от Омеги. Что ж, он пробрался на борт незамеченным и направляется на Землю. Пока все идет по плану.

Прошло несколько часов. Баррент сидел на складе. Он страшно устал, болели все суставы. В помещении стоял густой тяжелый запах. Баррент с трудом поднялся, подошел к вентиляционной решетке и поднес руку. Никакой струи. Вытянув из кармана небольшой датчик, он увидел, как быстро падает содержание кислорода в воздухе.

Баррент осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Хотя его одежда была точной копией формы стражников, он понимал, что пройти мимо людей, прекрасно знающих друг друга, не удастся. Нужно найти укрытие. И воздух.

Коридоры были пустыни. Из комнаты охраны слышался слабый шум голосов. Зеленая лампа ярко светила над дверью. Баррент шел дальше, начиная чувствовать первые признаки кислородного голодания.

Группа предполагала, что система вентиляции функционирует во всех отделениях корабля. Теперь Барренту было ясно, что подача воздуха ограничивалась отсеками, где размещались экипаж и охрана.

Голова разламывалась от боли, ноги онемели и отказывались повиноваться. Баррент попытался выработать план действий. Отделение экипажа, казалось, давало ему наилучшие шансы. Даже если экипаж вооружен, то вряд ли готов к подобным осложнениям. Возможно, удастся взять офицеров на мушку; возможно, он завладеет кораблем.

Стоило попытаться. Надо было попытаться.

В конце коридора Баррент уткнулся в лестницу. Он поднимался по безлюдным пролетам, пока не увидел указатель «Отсек управления».

Баррент вытащил из кармана пластиковый иглолучевик и, шатаясь, побрел по коридору. Сознание мутилось, перед глазами сгущались и рассеивались черные

тени. Его одолевали приступы галлюцинаций, вспышки ужаса; стены, казалось, начинали падать на голову. Внезапно он осознал, что ползет на четвереньках. Впереди маячила дверь с надписью: «Рубка управления. Вход только членам экипажа».

Коридор наполнился серым туманом. Он то прояснялся, то вновь сгущался, и Баррент понял, что в этом повинно его зрение. Он заставил себя подняться на ноги и, приготовив иглолучевик, нажал на дверную ручку.

Но, когда дверь открылась, в глазах у него потемнело. Ему показалось, что перед ним мелькнули изумленные лица, послышался крик: «Смотрите! Он вооружен!».

Затем все поглотила тьма, и он полетел куда-то вперед, в бесконечность.

Глава 22

Сознание вернулось к Барренту внезапно и полностью. Он сел и обнаружил, что ввалился в рулевую рубку. Металлическая дверь была закрыта, дышалось без труда. Никого из членов команды не было — вероятно, ушли за охраной, решив, что он так и будет лежать без сознания.

Шатаясь, Баррент встал на ноги, машинально подобрал свой иглолучевик. Он внимательно осмотрел оружие и нахмурился. Почему его оставили одного, вооруженного, в жизненно важном центре?

Он попытался вспомнить лица, которые видел перед тем, как упасть. Но появились лишь какие-то смутные воспоминания, неясные и расплывчатые фигуры с потусторонними голосами. А были ли здесь вообще люди?

Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вызвал их образы из своего затухающего сознания. Здесь никого не было — он один в центре нервной системы корабля.

Баррент подошел к главному пультау управления, разделенному на десять секций. На каждой из них ряды индикаторов, тоненькие стрелки которых указывали на непонятные цифры, поблескивали переключатели, штурвалы, реостаты, рычаги.

Баррент медленно двигался вдоль секций, наблюдая, как узор из огоньков пульсирует на стенах и перебегает на потолок. Последняя секция, очевидно, была контрольной. На табло «Координация ручная/автоматическая» потайная лампочка высвечивала слово «автомати-

ческая». Рядом были аналогичные экраны — для навигации, обзора, контроля за столкновениями, выхода и входа в субпространство, в обычное пространство, а также для посадки. Все настроены на автоматический режим. Далее он обнаружил программный отсек, выдавший ему отчет о течении полета. До Контрольного Пункта оставалось 29 часов, 4 минуты и 51 секунда. Остановка — три часа. От Контрольного Пункта до Земли — 480 часов.

Пульт управления поблескивал огоньками и тихонько гудел, спокойный и независимый. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом машинном храме — святотатство.

Он проверил систему вентиляции. Автоматы поддерживали подачу воздуха в размерах, необходимых для единственного человеческого существа, находящегося в помещении.

Но где же экипаж? Безусловно, автоматизация управления гигантским кораблем необходима; такой сложный организм должен быть саморегулирующимся. Но построили его люди, и люди создали программы. Почему же нет людей, чтобы корректировать их в случае необходимости? Предположим, что охране потребовалось задержаться на Омеге. Предположим, что возникла необходимость миновать Контрольный Пункт и направиться прямо к Земле. Предположим, чрезвычайно важно вообще изменить пункт назначения. Что тогда? Кто внесет изменения в курс, кто будет управлять кораблем?

Баррент осмотрел контрольную рубку, надел обнаруженный в шкафчике респиратор и вышел в коридор. После долгих блужданий он наткнулся на дверь с табличкой «Для команды». Внутри было чисто и голо. Аккуратными рядами стояли койки без простыней и покрывал. В шкафах не было одежды, нигде никаких личных предметов. Ни здесь, ни в помещениях для офицеров и капитана Баррент не нашел следов недавнего присутствия людей.

Он вернулся в рубку. Теперь было ясно, что на корабле экипажа нет. Очевидно, власти на Земле так уверены в нерушимости рутины и надежности приборов, что сочли команду излишней. Возможно... Но Барренту это показалось слишком уж большой беспечно-

стью. Что-то очень странное творилось на Земле, если космическим кораблям позволено летать без надзора.

Он решил отложить выводы до тех пор, пока не получит больше фактов. В настоящий момент необходимо позаботиться о самом себе. В карманах у него была концентрированная пища, но вот воды он много с собой взять не мог. Окажутся ли запасы на корабле без команды?.. Еще ему нужно было помнить об охране на нижней палубе, о приближении Контрольного Пункта и многом, многом другом.

Баррент обнаружил, что ему не требуется прибегать к своим запасам. Машины выдавали разнообразное питание и напитки, стоило лишь нажать кнопку. Натуральная эта пища или синтезированная, Баррент не знал, но на вкус она была превосходна.

Он исследовал верхние уровни корабля и, несколько раз заблудившись, решил больше не рисковать. Жизненный центр корабля был в рубке управления, и Баррент остался там. Он нашел иллюминатор и, активизировав механизмы, которые убирали заслонки, любовался мерцанием звезд в необъятной тьме космоса. Звезды уходили в бесконечность, поражая воображение. Глядя на них, Баррент почувствовал прилив гордости — он был их составной частью, все эти неизвестные звезды принадлежали ему.

По мере приближения к Контрольному Пункту к жизни пробуждались новые части пульта управления, возрождая дремавшие силы, проверяя корабль перед приземлением. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи и, включив ее на прием, мог слушать разговоры в комнате охраны.

Впрочем, ничего важного он не узнал. То ли из осторожности, то ли от равнодушия охранники не обсуждали политику. Вся их жизнь, кроме периодов службы на корабле, протекала на Контрольном Пункте. Что-то из того, о чем они говорили, Баррент совершенно не понимал. Но продолжал слушать, не пропуская ни одного слова.

- Ты когда-нибудь купался во Флориде?
- Не люблю соленую воду.
- Перед тем как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на фестивале в Дейтоне.
- Когда выйду в отставку, куплю виллу в Антарктике.
- Сколько тебе еще осталось?
- Восемнадцать лет.
- Да, кому-то ведь надо это делать...
- Но почему я? И почему без отпусков на Земле?
- Ты же знаешь — преступление есть болезнь.

Оно заразно.

- Ну и что?

— А то, что, имея дело с преступниками, ты подвергаешься опасности заражения, и сам можешь заразить кого-нибудь на Земле.

- Так нечестно.

— Иначе нельзя. Эти ученые знают, о чем говорят. Кроме того, на Контрольном Пункте не так уж плохо.

— Если любишь все искусственное: воздух, семью, пищу...

- Ты требуешь слишком многого. Твоя семья здесь?
- Они тоже хотят вернуться на Землю.

— Ученые говорят, после пяти лет на Контрольном Пункте на Земле нам не выдержать. Гравитация одолеет.

- Я ее сам одолею. В любой момент.

Из этих разговоров Баррент понял, что мрачноликие охранники такие же человеческие существа, как и заключенные. Большинство не любило свою работу и, как омегиане, жаждало вернуться на Землю.

Он отложил полученную информацию на потом. Корабль достиг Контрольного Пункта, гигантская панель управления пульсировала и мерцала огнями, готовясь к сложному входу в док.

Наконец маневры были завершены, и двигатели замолчали. По коммуникационной системе Баррент слышал, как охранники выходили из комнаты. Он последовал за ними по коридорам к люку и уловил, как последний из них, выходя из корабля, сказал:

- Вот и проверка идет. Ну, как дела, ребята?

Ответа не последовало, охрана ушла, а коридоры заполнил новый звук: тяжелая поступь тех, кто шел на проверку.

Их было много. Они начали с машинного отделения и методично двинулись вверх, открывая каждую дверь, осматривая каждый закоулок.

Баррент сжал иглолучевик в потной руке и лихорадочно стал соображать, где можно спрятаться. Единственным решением казалось обойти их и укрыться в уже обысканном месте.

Он натянул на лицо респиратор и вышел в коридор.

Глава 23

Получасом позже Баррент еще не придумал, как увернуться от проверки. Бригада закончила осмотр нижних уровней и продвигалась на палубу с рубкой управления; шаги гулко отдавались в проходах. Баррент шел впереди, сохраняя дистанцию в сто ярдов, и пытался найти убежище.

В конце этого коридора должна была быть лестница, по которой можно спуститься на другой, уже обысканный, уровень. Баррент заторопился, надеясь, что лестница действительно есть, — он имел лишь самое приблизительное представление о конструкции корабля. Если он ошибается, то попадет в ловушку.

Он дошел до конца коридора и увидел лестницу. Сзади приближались шаги. Баррент побежал вниз, оглянулся через плечо и налетел на чью-то грудь.

Он моментально отпрянул, готовый выстрелить в массивную фигуру. Но удержался. Фигура была явно нечеловеческой.

Перед ним стояло существо семи футов росту, одетое в черную форму с надписью впереди: «Бригада инспекции — андроид В212». Его лицо, высеченное из молочно-розового пластика, напоминало человеческое, глаза светились глубоким красным огнем. Покачиваясь, осторожно переставляя ноги, андроид медленно надвигался на Баррента, глядя прямо перед собой. Баррент попытался, сомневаясь, что иглолучевик тут поможет.

Ему не пришлось выяснять это на опыте, потому что андроид, не обращая ни на что внимания, стал подни-

маться по лестнице. На его спине оказалась надпись: «Санитарный контроль». Этот андроид, понял Баррент, запрограммирован только на крыс и мышей. Присутствие на борту безбилетного пассажира его не касается. Возможно, остальные андроиды тоже специализированы.

Баррент ждал в пустом помещении на нижнем уровне, а когда услышал, что андроиды ушли, поспешил обратно в рулевую рубку. Точно по расписанию корабль взлетел. Пункт назначения — Земля.

Полет был непримечательным. Баррент ел, спал и, пока корабль не вошел в подпространство, смотрел на звезды. Он пытался вспомнить планету, к которой приближался, — но в памяти не возникало никаких образов. Что это за люди, которые строят гигантские космические корабли и не могут снабдить их экипажем? Почему они посылают проверку и одновременно ограничивают ее возможности путем предельно узкой специализации? Почему они высылают заметную часть своего населения — и не могут установить контроль над условиями жизни ссыльных? Зачем стирают из памяти заключенных все сведения о Земле?

Часы в рубке управления упорно отмеряли секунды и минуты путешествия. Корабль вышел из подпространства и, тормозя, облетел зелено-голубой мир, на который Баррент смотрел со смешанным чувством. Ему не верилось, что он наконец-то возвращается на Землю.

Глава 24

Корабль приземлился в чудесный солнечный полдень где-то на североамериканском континенте. Баррент рассчитывал остаться в нем до темноты, но на экранах зажглась надпись: «Просим пассажиров и экипаж немедленно сойти. Через двадцать минут на корабле начнется полная дезинфекция».

Он не знал, что подразумевается под полной дезинфекцией. Но так как категорически предписывалось выйти, респиратор вряд ли мог обеспечить безопасность. Из двух зол меньшим казалось покинуть корабль.

Члены Группы Два много думали о том, как следует быть одетым Барренту по прибытии на Землю. Эти первые минуты могут оказаться решающими. В случае грубой ошибки не спасет никакая хитрость. А Группа не знала, что носили на родной планете. Одни настаивали на специальной модели. Другие утверждали, что на Земле прекрасно сойдет и форма охранника. Сам Баррент поддерживал третье мнение, согласно которому наилучшей окажется одежда из одного куска материи, как претерпевающая меньше всего изменений от капризов моды. В городах, конечно, такой наряд мог показаться необычным, но сейчас предстояло выйти на посадочное поле.

Он быстро скинул форму и остался в легкой накидке. После некоторых сомнений Баррент решил не бросать оружие на корабле. Проверка все равно обнаружит его, а с иглолучевиком хоть есть шанс отбиться от полиции.

Он сделал глубокий вдох и спустился по трапу.

Не было никакой охраны, не было таможенных чиновников, не было особых подразделений, не было армейских частей и полиции. Вообще никого не было. Далеко-далеко, на противоположном конце широкого поля, виднелись другие корабли, а прямо напротив — распахнутые ворота ограды.

Баррент пересек поле быстро, но без спешки. Он не имел ни малейшего представления, почему все так просто. Очевидно, секретная полиция на Земле действует более тонкими методами.

У ворот, словно дожидаясь его, стояли лысоватый мужчина и мальчик лет десяти. Барренту не верилось, что это государственные служащие, и все же, кто знает эту Землю? Он прошел в ворота.

— Простите, — обратился к нему мужчина, держа мальчика за руку. — Я видел, как вы выходили из корабля. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Конечно, — сказал Баррент, опуская руку в карман с иглолучевиком. Теперь он был уверен, что лысый — агент полиции. Немного смущало лишь присутствие ребенка, — если тот не ученик полицейской академии.

— Дело в том, — начал мужчина, — что мой Ронни собирается писать диссертацию на степень Магистра Десятой Ступени. О космических кораблях.

— И я захотел увидеть один из них, — добавил Ронни, худосочный мальчик с изможденным смысленным лицом.

— Да, — подтвердил мужчина. — Я говорил ему, что это необязательно, — ведь все факты и картинки есть в энциклопедии. Но он сам захотел увидеть.

— Так будет нагляднее, — вставил Ронни.

— Безусловно, — произнес Баррент, энергично кивая. Он начал сомневаться в своих выводах. Для агентов тайной полиции эти люди выбрали извилистый путь.

— Вы работаете на кораблях? — спросил Ронни.

— Да.

— Как быстро они летают?

— В подпространстве? — уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он выпятил нижнюю губу и протянул:

— У-у, я и не знал, что они ходят в подпространстве... — Он задумался. — Между прочим, я не знаю, что такое подпространство.

Баррент и отец мальчика понимающе улыбнулись.

— Хорошо, — продолжал Ронни, — с какой скоростью они летят в обычном пространстве?

— Сто тысяч миль в час, — сказал Баррент, называя первую попавшуюся цифру.

Мальчик кивнул, его отец тоже.

— Очень быстро, — заметил отец.

— В подпространстве гораздо быстрее, конечно, — сказал Баррент.

— Конечно, — подтвердил мужчина. — Они летают очень быстро. Иначе нельзя. Они покрывают большие расстояния. Ведь верно, сэр?

— Очень большие расстояния, — согласился Баррент.

— А их источники энергии? — поинтересовался Ронни.

— Обычные, — ответил ему Баррент. — В прошлом году мы установили триплексные усилители, но их, скорее, следует отнести к разряду вспомогательных мощностей.

— Я слышал об этих триплексных усилителях, — заметил мужчина. — Замечательная вещь!

— Ничего, подходяще, — со знанием дела сказал Баррент. Теперь он был уверен, что это рядовой гражданин, ничего не смыслящий в звездоплавании, просто приведший своего сына в космопорт.

— Откуда вы берете воздух? — спросил Ронни.

— Производим собственный, — охотно объяснил Баррент. — Намного труднее с водой — она, как известно, несжимаема, поэтому ею трудно запастись в достаточных количествах. Ну и еще остается проблема навигации, когда корабль выныривает из подпространства.

— Что такое подпространство?

— Всего лишь другой уровень пространства. Но это есть в энциклопедии.

— Конечно, поищешь в энциклопедии, — наставительно сказал отец мальчика. — Мы не можем больше

задерживать пилота. У него, безусловно, много важных дел.

— Да, я тороплюсь, — согласился Баррент. — А вы осмотрите здесь все, что хотите. Удачи с диссертацией, Ронни!

Баррент зашагал прочь, все время ожидая окрика или выстрела; но когда ярдов через пятьдесят он обернулся, отец и сын уже честно изучали гигантскую ракету. Пока все шло гладко. Подозрительно гладко.

Дорога вела мимо складских помещений и ангаров к лесу. Баррент шел по ней, пока космопорт не скрылся из вида, а затем свернул на опушку. Он уже достаточно пообщался с людьми для первого дня на Земле. Нельзя испытывать судьбу. Надо все обдумать, переночевать в лесу, а утром выйти в город.

Он пробрался через густой подлесок и углубился в тенистую рощу с дубами-великанами. Вокруг щебетала, чирикала и суежилась невидимая птичья и звериная жизнь. Впереди на дереве белел большой указатель. Баррент подошел поближе и прочел: «Национальный парк "Лесной дол". Добро пожаловать на пикник!».

Баррент был несколько разочарован, хотя и понимал, что рядом с космопортом вряд ли могла быть настоящая девственная природа. Не исключено, что на такой старой и высокоразвитой планете, как Земля, вообще не осталось нетронутых мест, кроме тех, что сохранялись в виде заповедников.

Солнце садилось за горизонт, в воздухе повеяло прохладой. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, сгреб подстилку из листьев и улегся, томясь тревожными вопросами. Почему в таком важном центре, как космопорт, не оказалось охраны? Значит, меры безопасности проявляются позже, в городах? Или он уже находится под наблюдением изощренной шпионской системы?..

— Добрый вечер, — произнес голос над его правым ухом.

Баррент судорожно дернулся, рука потянулась к оружию.

— И это воистину приятный вечер, — продолжал голос, — здесь, в национальном парке «Лесной дол». Температура воздуха семьдесят один и две десятых

градуса по Фаренгейту, влажность двадцать три процента, давление двадцать девять и девять десятых. Бывалые туристы, я уверен, уже узнали мой голос. Ну а новым любителям природы мне хотелось бы представиться. Я Дубняк, ваш старый верный дуб. Позвольте приветствовать вас в национальном парке.

Сидя в сгущающихся сумерках, Баррент огляделся по сторонам. Голос и в самом деле, казалось, исходил от гигантского дуба.

— Наслаждение природой, — продолжал Дубняк, — теперь доступно каждому. Вы можете отдыхать в полном уединении, находясь в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Тем, кто не жаждет одиночества, мы предлагаем туристические маршруты в сопровождении гида, по сходной цене. Не забудьте рассказать своим знакомым о гостеприимном национальном парке, который с радостью встретит всех любителей природы.

В дереве открылась панель, и из ствола выскользнули раскладушка, термос и пакет с ужином.

— Желаю вам приятного вечера, — бархатно проговорил Дубняк. — О, природа! Восхитительное величие страны чудес!.. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крага исполнит вам «Горные долины» Эрнесто Нестричала в записи Североамериканской радиокомпании. Всего доброго!

Из скрытых динамиков полилась музыка. Баррент почесал затылок, затем, решив принимать все, как оно есть, съел ужин, выпил кофе из термоса, поставил раскладушку и улегся.

Засыпая, он размышлял о звукооснащенном благоустроенном лесе со всеми удобствами и не далее чем в десяти минутах от общественного транспорта. Земля делала многое для своих обитателей. Очевидно, им это нравится. Или нет? Может быть, его заманивают в хитрую западню?

Музыка затихла, слившись с шорохом ветерка в листьях, и Баррент уснул.

Глава 25

Утром гостеприимный дуб выдал завтрак и бритвенные принадлежности. Баррент поел, привел себя в порядок и отправился в ближайший город. У него были ясные цели: необходимо обеспечить себе «легенду» и войти в контакт с подпольем. После этого как можно больше узнать о секретной полиции, армии и т. д.

Группа Два наметила способы выполнения этих задач. Приближаясь к окраинам города, Баррент засомневался, что сможет применить методы, разработанные группой. До сих пор Земля, на которой он находился, очень мало походила на ту Землю, которую воссоздавали омегиане.

По обеим сторонам улицы стояли маленькие белые домики. Сперва Барренту казалось, что они все одинаковые. Затем он понял, что у каждого есть свои мелкие архитектурные особенности, но они лишь еще больше подчеркивали монотонное однообразие. Коттеджей были сотни, каждый на крошечном участке тщательно ухоженной нежной травы. Их благообразная одинаковость угнетала его. Совершенно неожиданно он почувствовал, что скучает по крикливо-неуклюжей индивидуальности омегианских зданий.

Баррент дошел до торгового центра. Магазины следовали тому же образцу. Они были невысокими, благопристойными и очень похожими друг на друга. Только после тщательного изучения витрин можно было обнаружить разницу между продуктовым и спортивным магазинами. Он миновал маленький домик с вывеской:

«Робот-исповедник. Открыто 24 часа в сутки». Похоже, что-то типа церкви.

План, предусмотренный Группой Два для выявления подполья на Земле, был прост и бесхитростен. Революционеры, как уверяли Баррента, должны сосредоточиваться среди наиболее угнетенных элементов населения. Следовательно, сопротивление логично искать в трущобах.

Это была хорошая теория. Беда лишь в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел и шел, мимо магазинов и маленьких домиков, площадок для игр и парков, снова мимо домиков и магазинов. И ничто не выглядело многим лучше или хуже, чем остальное.

К вечеру он не чувствовал под собой ног от усталости, а ничего важного открыть не удалось. Прежде чем еще глубже погрузиться в хитросплетения земной жизни, нужно опросить местных жителей. Это опасный, но необходимый шаг.

Баррент стоял в сгущающихся сумерках около магазина одежды и раздумывал, что делать дальше. «Прикинуть только что прибывшим в Северную Америку из Азии или Европы», — решил он.

К нему приближался полноватый, заурядной внешности мужчина в коричневом костюме. Баррент остановил его.

— Простите, я чужой здесь, только что из Рима...

— Неужели? — вежливо осведомился мужчина.

— Да. Боюсь, я плохо ориентируюсь, — Баррент засмеялся, изображая неловкость и смущение. — Не могу найти ни одного дешевого отеля. Если бы вы указали мне...

— Гражданин, как ваше самочувствие? — спросил мужчина. Его лицо посуровело.

— Я же сказал, я иностранец и ищу...

— Послушайте, — перебил мужчина, — вы же не хуже меня знаете, что иностранцев больше нет.

— Нет?

— Конечно нет. Я был в Риме. Там все точно так, как у нас в Вилмингтоне. Такие же дома и магазины. Никто и нигде не чувствует себя больше иностранцем.

Баррент не знал, что сказать. Он нервно улыбнулся.

— Более того, — продолжал мужчина, — на Земле нет дешевых отелей. Зачем они? Кто в них будет останавливаться?

— В самом деле, кто? — придумал наконец Баррент. — Кажется, я малость перебрал.

— И никто больше не пьет. Не понимаю, в какую игру вы играете?

— В какую игру я играю? — переспросил Баррент, согласно приемам, рекомендованным Группой.

Мужчина, нахмурившись, уставился на него.

— Кажется, догадываюсь. Вы — Опросчик.

— Ммм, — невнятно промычал Баррент.

— Конечно, — убедился мужчина. — Вы один из тех, кто выведывает мнения, верно?

— Очень остроумная догадка, — согласился Баррент.

— Не так уж трудно было сообразить. Опросчики всегда стараются узнать отношение людей к разным вещам. Я бы сразу вас определил, если бы вы носили одежду Опросчика. — Мужчина снова начал хмуриться. — Почему вы одеты не по форме?

— Я, так сказать, новоиспеченный, — объяснил Баррент. — Даже форму не успел купить.

— Поторопитесь, — наставительно сказал мужчина. — Как иначе граждане могут определить ваш статус?

— Это просто пробная проверка. Благодарю за помощь, сэр. Возможно, в ближайшем будущем мне представится случай проинтервьюировать вас еще раз.

— Когда захотите, — сказал мужчина, вежливо поклонился и ушел.

Баррент решил, что Опросчик — наиболее подходящая для него профессия. Она дает право встречаться с людьми, задавать вопросы, узнавать, как живет Земля. Конечно, надо быть осторожным и не проявлять своего невежества. Но, работая осмотрительно, он сможет получить общее представление об этой цивилизации за считанные дни.

Теперь важно купить одежду Опросчика. Беда в том, что у него нет денег. Группа была не в состоянии воспроизвести земные деньги; она даже не могла вспомнить, как они выглядят. Но снабдила определенными

средствами для преодоления и такого препятствия. И Баррент вошел в ближайший магазин.

Владелец, маленький человечек с васильковыми глазами, с услужливой улыбкой приветствовал Баррента.

— Мне нужна форма Опросчика. Я только что закончил курс.

— Пожалуйста, сэр. И хорошо, что вы пришли ко мне. В большинстве этих магазинчиков вы найдете одежду только для... распространенных профессий. Но здесь, у Джулия Уондерсона, мы предлагаем форму для всех пятисот двадцати основных специальностей, перечисленных в Альманахе Гражданского Статуса. Я — Джулий Уондерсон.

— Очень приятно, — сказал Баррент. — У вас есть одежда моего размера?

— Безусловно, есть! — воскликнул Уондерсон. — Вам нужна обычная или особая?

— Обычная подойдет.

— Большинство новых Опросчиков предпочитает особую. Небольшие дополнительные штрихи и детали, имитирующие ручную работу, повышают уважение публики.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя, если бы вы могли подождать... Через пару дней мы получим новую ткань — имитацию домашнего тканья, с натуральными сбоями в переплетении нитей. Это для разборчивых клиентов. Очень престижная вещь.

— Я, пожалуй, зайду за ней, — решил Баррент. — А пока я хотел бы купить то, что есть.

— Конечно, сэр, — произнес Уондерсон. Он был явно разочарован, хотя мужественно скрывал это. — Будьте любезны.

После нескольких примерок Баррент подобрал себе черный деловой костюм с белым узким кантом на лацканах. Его неопытному глазу он казался таким же, как и другие костюмы, которые красовались на витрине и предназначались для банкиров, биржевых маклеров, бакалейщиков, бухгалтеров и так далее. Но для Уондерсона, рассуждавшего о банкирных лацканах и окантовках у страховых агентов, разница была столь же очевидной, как броские различия между символами стату-

са на Омеге. В конце концов, это вопрос привычки, решил Баррент.

— Пожалуйста, сэр! Прекрасно сидит, с гарантийным сроком. И всего тридцать девять девяносто пять.

— Превосходно, — сказал Баррент. — Теперь на счет денег.

— Да, сэр.

Баррент нырнул с головой в омут:

— У меня их нет.

— В самом деле, сэр? Это весьма необычно.

— Да, — согласился Баррент. — Тем не менее у меня есть некоторые ценности. — Он извлек из кармана три кольца с бриллиантами, которыми его снабдила Группа. — Это настоящие бриллианты, что подтвердит любой ювелир. Если бы вы взяли одно из них, пока я не достану денег для уплаты...

— Но, сэр, — удивился Уондерсон, — бриллианты больше не имеют самостоятельной ценности. С двадцать третьего года, когда Вон Блон написал основополагающую работу, в которой разнес в пух и прах концепцию «ценности в силу редкости».

— Да, конечно, — промямлил Баррент, не зная, что ответить.

Уондерсон посмотрел на кольца.

— Они, наверное, дороги вам как память?

— Безусловно, передаются в нашей семье из поколения в поколение...

— В таком случае, — сказал Уондерсон, — я не позволю себе лишить их вас. Пожалуйста, не спорьте, сэр! Я не смогу спать по ночам, если отниму вашу семейную реликвию.

— Но остается вопрос оплаты.

— Заплатите, когда вам будет удобно.

— Вы хотите сказать, что поверите мне, даже не зная меня?

— Конечно, — Уондерсон лукаво улыбнулся. — Испытываете свои методы, Опросчик? Даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии. К незнакомцу следует относиться как к честному человеку, пока он полностью и бесповоротно не доказал обратного. Это аксиома.

— Вас никогда не обманывали?

— О нет. Преступлений в наши дни не бывает.

— А как же Омега?

— Простите?

— Омега, планета заключенных. Вы, должно быть, слышали о ней?

— Возможно, — осторожно проговорил Уондерсон. — Ну, точнее было бы сказать, что преступлений *почти* не бывает. Наверное, всегда найдется горстка прирожденных злодеев, но не больше десяти-двенадцати в год из населения в два миллиарда. — Он широко улыбнулся. — Вероятность, что я нарвусь на преступника, очень мала.

Баррент подумал о кораблях, регулярно курсирующих между Землей и Омегой, выбрасывая свой живой груз и возвращаясь за новым. Интересно, откуда Уондерсон взял такие цифры? И, между прочим, интересно, где же полиция? Он не видел человека в форме с тех пор, как покинул корабль.

— Очень вам благодарен, — произнес Баррент. — Я заплачу как можно быстрее.

— Конечно, конечно, — согласился Уондерсон, с чувством тряс руку Баррента. — Когда вам будет угодно, сэр. Не стоит торопиться.

Баррент снова поблагодарил его и вышел из магазина. Теперь у него была профессия. И неограниченный кредит. Он оказался на планете, которая с первого взгляда походила на рай. Но, как всякая утопия, она несла в себе некоторые противоречия. Он надеялся узнать о них больше в ближайшие дни.

Кварталом дальше Баррент нашел отель под названием «Поживи чуток» и снял комнату на неделю в кредит.

Глава 26

Утром Баррент отправился в библиотеку. Ему надо было ознакомиться с историей развития земной цивилизации, чтобы иметь представление, что искать и чего ожидать.

Форма Опрощика позволила пройти к закрытым для доступа полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги его разочаровали — в большинстве своем они охватывали период лишь до начала атомного века. Баррент просматривал их, и к нему возвращались смутные воспоминания. Он перепрыгивал от Греции Перикла к Римской империи, Карлу Великому и средневековью, от завоеваний норманнов к Тридцатилетней войне и краткому обзору наполеоновских войн. О мировых войнах он прочитал более внимательно. Книга кончалась взрывом первых атомных бомб. Остальные книги на полке представляли собой просто расширенное изложение разных этапов истории, которые он нашел в первой книге.

После долгих поисков Баррент нашел небольшую работу «Послевоенная дилемма. Том I» Артура Уитлера. Она начиналась там, где кончались остальные, — со взрыва бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент сел и стал читать.

Он узнал о «холодной войне» 50-х годов, когда несколько наций владели атомным и водородным оружием. Уже тогда, утверждал автор, в разных странах мира началось крупномасштабное и оглушающее по-

клонение догмам. Америка отчаянно сопротивлялась коммунизму. Россия и Китай отчаянно сопротивлялись капитализму. Весь мир разделился на два лагеря. В целях внутренней безопасности правительства брали на вооружение новейшие методы пропаганды и идеологической обработки. От граждан требовалась безоговорочная приверженность официальным доктринам. Давление на личность становилось все сильнее и утонченнее.

Миновала угроза войны. Многочисленные страны Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но давление на личность, вместо того чтобы уменьшаться, еще больше возросло. Нужда в этом диктовалась неудержимым ростом населения, проблемами национального и этнического характера. Различия во мнениях могло оказаться губительным — слишком много групп имели теперь доступ к мощным водородным бомбам.

В этих условиях стало нетерпимым поведение, отличающееся от нормы.

Унификация наконец была завершена. Продолжалось завоевание космоса: от полетов на Луну до межпланетных и межзвездных полетов. Но земные институты перестали совершенствоваться. Современная цивилизация оказалась менее гибкой, чем средневековая, она подавляла всякое отклонение от существующих обычаев, привычек, воззрений. Оппозиция считалась не менее тяжким преступлением, чем убийство или поджог. И так же наказывалась. Секретная полиция, политическая полиция, информаторы — использовалось все. Каждое устройство было поставлено на службу одной великой цели — воспитанию человека подчиняющегося.

А для упрямых нонконформистов существовала Омега.

Смертная казнь была давно запрещена, и преступники переполняли тюрьмы. Наконец их решили перевезти в отдельный мир, скопировав систему, которую Франция использовала в Гвинее и Новой Каледонии, а Британия — в Австралии и Северной Америке. Управлять Омегой с Земли было невозможно, да власти и не пытались. Они позаботились лишь о том, чтобы заключенные не сбежали.

На этом первый том кончался. Приписка в конце гласила, что том второй посвящен изучению современности. Он назывался «Цивилизация статуса».

Второго тома на полках не оказалось. Библиотекарь сказал Барренту, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел в маленький сад, сел на скамейку и, уставившись вниз, постарался все обдумать.

Он ожидал увидеть Землю как раз такой, как она была описана в книге Уитлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, изошренной слежке, жестоким репрессиям и растущему сопротивлению. Но все это осталось в прошлом. До сих пор он не увидел даже постового. Люди, которых он встречал, вовсе не казались угнетенными. Напротив, это был совершенно иной мир...

Если не считать того, что год за годом на Омегу прибывали партии заключенных с промытыми мозгами. Кто арестовывал их? Кто судил? Какое общество их породило?

Ответы ему предстояло найти самому.

Глава 27

С раннего утра Баррент начал расследование. Техника была проста. Он звонил в двери и задавал вопросы, предупреждая, что серьезные будут перемежаться странными и глупыми, предназначенными для определения общего уровня развития. Таким образом, обнаружил Баррент, он мог спрашивать о Земле все, что угодно, мог углубляться в противоречивые и даже несуществующие области, не обнаруживая своей неосведомленности.

Оставалась опасность, что какой-нибудь государственный служащий попросит показать удостоверение личности, или что внезапно появится секретная полиция. Но приходилось рисковать. Начав с Апельсиновой эспланады, он продвигался к северу, заглядывая по пути в каждый дом.

Результаты оказались самыми неожиданными.

(Гражданка А. Л. Готтрейг, возраст 55 лет, занятие — домохозяйка. Властная, прямая женщина, нагменная, но вежливая, не допускающая никаких фривольностей.)

— Вы хотите спросить меня о классе и статусе. Так?

— Да, мадам.

— И всегда-то вы, Опросчики, спрашиваете о классе и статусе. Неужели не надоело? Ну ладно... Так как все равны, есть только один класс. Средний. Вопрос только, к какой части среднего класса относится индивидуум — высшей, низшей или средней.

— А как это определяется?

— Да как уютно. По тому, как человек разговаривает, ест, одевается, ведет себя на людях. По манерам. По одежде. Высший средний класс, например, всегда можно безошибочно определить по одежде.

— Понимаю. А низший средний класс?

— Ну, во-первых, у них меньше творческой энергии. Они носят готовую одежду, даже не пытаются улучшить ее. Показательно и отношение к своему жилью. Причем украшательство без искры вдохновения в счет не идет, а лишь помечает выскочек. Представитель высшего среднего класса не примет такого у себя дома.

— Благодарю вас, гражданка Готтрейд. А как вы определите свой собственный статус?

(С чуть заметным колебанием):

— О, я никогда особенно над этим не задумывалась. Высший средний, скорее всего.

(Гражданин Дрейстер, возраст 43 года, занятие — продавец обуви. Стройный, кроткий, моложавый.)

— Да, сэр. У нас с Мирой три ребенка школьного возраста. Все мальчики.

— Вы не могли бы рассказать, из чего складывается их образование?

— Они учатся писать, читать, быть честными гражданами и уже приступили к изучению своих профессий. Старший пойдет по семейной линии — обувь. Двое других — по бакалее и розничной торговле, как заведено в семье у жены. Кроме того, они узнают, как обретать и сохранять статус. Этому учат в открытых классах.

— А есть и другие?

— Ну, естественно, закрытые. Их посещает каждый ребенок.

— И чем там занимаются?

— Не знаю. Я же сказал — они закрытые.

— Ребята никогда не рассказывают об этих классах?

— Нет. Они говорят обо всем на свете, но не о них.

— А вы не представляете, что происходит в закрытых классах?

— К сожалению, нет. Может быть — заметьте, это только предположение, — в них преподают религию. Но лучше спросить у учителя.

— Благодарю вас, сэр. Как вы определите свой статус?

— Средний средний класс, без сомнения.

(Гражданка Мэриджейн Морган, возраст 51 год, занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

— Да, сэр, вот и все, что входит в обязательную программу в нашей маленькой Бежевой школе.

— Кроме закрытых классов.

— Простите?

— Вы не упомянули закрытые классы.

— Боюсь, что не могу это сделать.

— Почему же, гражданка Морган?

— Это что, вопрос с подвохом? Всем известно, что учителей не впускают в закрытые классы.

— Кого же тогда впускают?

— Детей, конечно.

— Но кто их учит?

— Об этом заботится правительство.

— Естественно. Но кто конкретно ведет занятия?

— Не имею понятия, сэр. Меня это не касается. Закрытые классы — древнее и уважаемое учреждение. Возможно, они связаны с религией. В любом случае не мое это дело. И не ваше, молодой человек, будь вы хоть трижды Опросчик.

— Благодарю вас, гражданка Морган.

(Гражданин Эггар Ниф, возраст 107 лет, занятие — отставной военный. Высокий, сутулый мужчина с острыми ледяными глазами.)

— Пожалуйста, немного громче. Что вы сказали?

— О вооруженных силах. Я спрашивал...

— Теперь вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать первой Североамериканской Кос-

мической Группы, регулярной части Земных Вооруженных Сил.

— Вы вышли в отставку?

— Нет, служба оставила меня.

— Простите, сэр?

— Вы правильно расслышали, молодой человек. Это произошло шестьдесят три года тому назад. Вооруженные Силы были распущены, за исключением полиции, которая не в счет.

— Почему?

— Не с кем стало сражаться. Во всяком случае, так нам объяснили. Глупость несусветная, вот что я вам скажу.

— Почему, сэр?

— Старым солдатам известно: никогда невозможно предсказать, откуда появится враг. Он может появиться и сейчас. И что тогда?

— А заново сформировать армию?

— Хорошо бы! Но нынешнее поколение не знает, что такое служба. И командиров не осталось, кроме таких старых ослов, как я. На создание боеспособной армии с толковым руководством уйдут годы.

— А пока что Земля совершенно беззащитна перед вторжением?

— Да. Есть полицейские соединения, но я самым серьезным образом сомневаюсь в их надежности, если пойдет пальба.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Ничего о ней не знаю. Меня никогда не волновали вопросы невоенного характера.

— Но вполне возможно, что полиция взяла на себя функции армии, не так ли? Что она представляет собой значительное и дисциплинированное полувоенное формирование?

— Возможно, сэр. Все возможно.

(Гражданин Мартин Хоннерс, возраст 31 год, занятие — глаголизатор. Худой вялый мужчина с чест-

ным мальчишеским лицом и гладкими пшеничными волосами.)

— Вы глаголизатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, пожалуй, больше подойдет слово «автор», если не возражаете.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, вы сотрудничаете с каким-нибудь из периодических изданий, которые, я видел, продают за стойками?

— О нет! Там подвизаются некомпетентные бездары, которые пишут для сомнительной улады низшего среднего класса. Все рассказы, да будет вам известно, состояются строка за строкой из произведений популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Эти бумагомаратели просто меняют прилагательные и наречия. Изредка кто-нибудь заменит глагол или даже существительное. Но, повторяю, очень редко. Издатели этих журнальчиков крайне отрицательно относятся к любым нововведениям.

— Вы этим не занимаетесь?

— Абсолютно! Моя работа не коммерческая. Я — Созидающий Специалист по Конраду.

— Поясните, пожалуйста.

— С удовольствием. Я пересоздаю работы Джозефа Конрада, автора, жившего в доатомном веке.

— А как вы пересоздаете эти работы, сэр?

— В настоящее время я занят пятым пересозданием «Лорда Джима» — как можно глубже вчитываюсь в оригинал, а затем переписываю книгу так, как сделал бы сам Конрад, живи он сегодня. Это занятие требует величайшего усердия и артистичности. Одна описка может испортить всю работу. Необходимо в совершенстве знать словарь Конрада, темы, характеры, настроения... Все это обязательно идет в дело, однако книга не имеет права быть рабским подражанием. В ней непременно должно присутствовать нечто новое, но сказанное так, как сказал бы Конрад.

— И каковы ваши успехи?

— Критика весьма благосклонна, и мой издатель всячески поддерживает меня.

— Когда вы закончите пятое пересоздание «Лорда Джима», чем вы планируете заняться?

— Сначала устрою себе длительный отпуск. Затем пересоздам одно из менее заметных произведений Конрада, «Малатского плантатора».

— Понимаю... Является ли пересоздание правилом для всех видов искусства?

— Это цель каждого истинного художника независимо от того, какую область он выбрал для своей деятельности. Искусство — жестокая возлюбленная.

(Гражданин Уиллис Уэрка, возраст 8 лет, занятие — учащийся. Жизнерадостный черноволосый загорелый мальчик.)

— Простите, мистер Опросчик, моих родителей нет дома.

— Вот и хорошо, Уилли. Ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Конечно. А что это у вас выпирает под пиджаком, мистер?

— Спрашивать буду я, Уилли, если не возражаешь. Ты любишь школу?

— Так себе.

— Чему же ты учишься?

— Ну, чтение, язык, оценка статуса, потом курсы по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Все как обычно.

— Понимаю. Это в открытых классах?

— Естественно.

— Ты ходишь в закрытый класс?

— Конечно. Каждый день.

— Ты не возражаешь, если мы поговорим о нем?

— Я не возражаю. А это оружие выпирает, да? Я знаю, что такое оружие. Пару дней назад большие мальчишки разглядывали во время обеда картинки, и я подсмотрел. Это пистолет?

— Нет, просто мой костюм плохо сидит. Слушай, ты не хотел бы рассказать мне, что вы делаете в закрытом классе?

— Почему бы нет?

— Ну и что же там происходит?

— А я не помню.

— Уилли...

— Честное слово, мистер Опросчик. Мы все заходим в класс, а затем выходим через два часа. Но это все. Больше я ничего не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже забывают.

— Странно.

— Нет, сэр. Если бы нам надо было помнить, класс не был бы закрытым.

— Пожалуй. А не помнишь ли ты, как выглядит комната, или кто ваш учитель в закрытом классе?

— Нет, сэр, я в самом деле ничего не помню.

— Спасибо, Уилли.

(Гражданин Кучлан Дент, возраст 37 лет, занятие — изобретатель. Преждевременно полысевший человек с ироничными глазами под тяжелыми веками.)

— Да, верно. Я специализируюсь на играх. В прошлом году я изобрел «Триангулируй, — а не то...». Не видели? Она была очень популярна.

— Боюсь, что нет.

— Это, знаете ли, интеллектуальная игра. Имитирует потерю ориентации в космосе. Игрокам даются неполные данные для компьютеров и, при удачной игре, добавочная информация. В качестве штрафа — рискованные ситуации в космосе. Куча сияющих огней и прочая мишура. Отлично продается.

— Больше вы ничего не изобрели, гражданин Дент?

— В юные годы я придумал улучшенную сеялку-комбайн. Она превосходила по эффективности предыдущие модели в три раза. И, верите ли, я действительно думал, что имею шансы ее продать.

— Продали?

— Конечно, нет. Тогда я не знал, что в патентном бюро открыто только отделение игр.

— Вы огорчились?

— Сперва — да. Но потом я понял, что существующие модели достаточно хороши. В изобретении более эффективных или простых устройств нет нужды. Мы довольны своим сегодняшним днем. Кроме того, новые

изобретения бесполезны. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабилен, и всего хватает. Чтобы выпустить новый аппарат, надо переоборудовать целый завод. Это почти невозможно, так как все заводы автоматические и саморегулирующиеся. Вот почему наложен мораторий на все изобретения, кроме сферы игр.

— И что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Так уж получилось.

— Вы не хотели бы изменить этот порядок?

— Может быть, и хотел бы. Но как изобретатель, я все равно отношусь к нестабильным элементам.

(Гражданин Барн Трентен, возраст 41 год, занятие — инженер-атомщик, специалист по конструированию космических кораблей. Нервный интеллектual с печальными карими глазами.)

— Вы хотите знать, чем я занимаюсь на работе? Бездельничаю. Мне некуда приложить силы, я просто хожу крутами. Правилами предусматривается один человек на каждую автоматическую операцию. Вот что я делаю — присутствую.

— Вы, кажется, недовольны, гражданин Трентен.

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком и для этого учился. А после выпуска обнаружил, что мои знания устарели на пятьдесят лет, да и никому не нужны.

— Почему?

— Потому что все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но дело обстоит так. От добычи сырья до получения конечного продукта — автоматизировано все. Человек нужен лишь для контроля над количеством производимого продукта, а оно определяется численностью населения. И даже здесь участие человека сводится к минимуму.

— А что, если часть оборудования выйдет из строя?

— На то есть ремонтные работы.

— А если они сломаются?

— Проклятые железяки — саморемонтирующиеся. Мне остается только стоять в сторонке и заполнять

отчет. Весьма странно для человека, считающегося инженером.

— Почему бы вам не поменять работу?

— Нет смысла. Я проверял, остальные в таком же положении — присутствуют при автоматических процессах, которых не понимают. Назовите любую отрасль — либо «инженер-наблюдатель», либо никого.

— Такая же ситуация и в космонавтике?

— Безусловно. За последние пятьдесят лет ни один пилот не покидал Земли. Скоро они разучатся управлять кораблями.

— Понимаю, все автоматизировано... Ну а если случится нечто непредвиденное?

— Трудно сказать. Если корабль попадет в незапрограммированную ситуацию, он будет парализован, по крайней мере временно. Я думаю, там стоят селекторы оптимального выбора, но вряд ли испытанные. В лучшем случае он будет действовать замедленно. В худшем — вообще не будет действовать. По мне — так пусть! Надоело ошиваться вокруг машин, день за днем наблюдая безотрадное однообразие операций. Большинство моих коллег чувствует то же самое. Мы хотим дела, любого дела! Вы знаете, что сотни лет назад пилотируемые корабли исследовали планеты других звездных систем?

— Да.

— Вот это нам необходимо сейчас. Двигаться вперед, исследовать, изучать!

— Согласен. Но вы не думаете, что говорите довольно опасные вещи?

— Кажется. Но, если говорить честно, я уже не боюсь. Пускай отправляют на Омегу, если хотят. Хуже мне не станет.

— Вы слышали об Омеге?

— Про нее знает каждый, кто связан с космическими кораблями. «Земля — Омега» — единственный сохранившийся маршрут... Страшная планета. Лично я во всем виню церковь.

— Церковь?

— Только ее. Проклятые ханжи, только и знают, что канючат про всякий там Дух Человеческого Воплоще-

ния. Одного этого достаточно, чтобы человека потянуло ко злу...

(Гражданин Отец Бойрен, возраст 51 год, занятие — священнослужитель. Величавый округлый мужчина в шафрановой рясе и белых сандалиях.)

— Верно, сын мой, я аббат местного отделения Церкви Духа Человеческого Воплощения. Церковь является официальным религиозным выражением правительства Земли. Наша религия едина для всех народов и состоит из лучших элементов старых исповеданий, искусно скомбинированных во всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, а разве нет противоречий между догматами религий, составляющих вашу веру?

— Были. Но основатели нашей церкви отбросили все противоречивые идеи. Мы стремились к согласию, а не к расколу, и сохранили лишь отдельные яркие детали некогда великих религий, детали, знакомые людям. В нашей церкви не бывает ереси, так как мы всеприемлющи. Личность может веровать во что угодно, если только несет священный Дух Человеческого Воплощения. Ибо наш культ есть культ Человека. И дух его есть дух божественного и священного Добра.

— Не могли бы вы определить понятие «добро», гражданин аббат?

— Пожалуйста. Добро — это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие согласия и смирения. Культ Добра является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый творчески продвинуться в своем статусе. Добро великодушно, ибо является подлинным отражением любящей и сострадающей Вселенной. Добро непрерывно изменяется во всех своих аспектах, хотя проявляется... У вас странное выражение лица, молодой человек.

— Простите, гражданин аббат. Мне кажется, я уже слышал эту проповедь — или что-то очень похожее.

— Сие всегда остается правдой.

— Безусловно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном воспитании детей?

— Эту обязанность несут роботы-исповедники, в соответствии с духом древнего трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет ребенка так же, как и взрослого. Он выслушивает их проблемы внутри социальной матрицы. Он их постоянный друг и учитель. Будучи роботом, исповедник дает точные и недвусмысленные ответы на любые вопросы. Это большая помощь в воспитании ортодоксальности.

— А что делают священнослужители-люди?

— Наблюдают за роботами-исповедниками.

— Присутствуют ли роботы в закрытых классах?

— Не могу вам ответить... Нет, я в самом деле не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов так же, как и для всех остальных.

— По чьему приказу?

— По приказу Шефа Секретной Полиции.

— Понимаю... Благодарю вас, гражданин аббат Бойрен.

(Гражданин Энайн Дравивиан, возраст 43 года, занятие — правительственный служащий. Узколицый мужчина с глазами-щелочками, усталый и преждевременно постаревший.)

— Добрый день, сэр. Так вы состоите на службе у правительства?

— Совершенно верно.

— У какого правительства — штата или федерального?

— У обоих.

— Давно?

— Около восемнадцати лет.

— Ясно. А не могли бы вы сказать, в чем конкретно заключаются ваши обязанности?

— Пожалуйста. Я — Шеф Секретной Полиции.

— Вы... Понимаю, сэр, это очень интересно. Я...

— Не тянитесь к иглолучевнику, экс-гражданин Баррент. Заверяю вас, он не будет действовать в защитном

поле вокруг этого дома. А попытка вытащить его лишь причинит вам вред.

— Каким образом?

— У меня есть свои средства охраны.

— Как вы узнали мое имя?

— Я знал все, как только ваша нога коснулась поверхности Земли. Мы еще кое на что способны. Впрочем, войдемте-ка лучше в дом и побеседуем.

— Я бы предпочел воздержаться от беседы.

— Боюсь, что это необходимо. Входите, Баррент, я не кусаюсь.

— Я арестован?

— Конечно, нет. Мы просто немного потолкуем. Сюда, сэр, сюда. Устраивайтесь поудобнее.

Глава 28

Дравивиан провел его в просторную комнату, обшитую панелями орехового дерева. Массивная черная мебель, покрытая искусной резьбой, поблескивала лаком. Высокий прямой стол производил впечатление антикварной вещи. Одну стену закрывал тяжелый выцветший гобелен с изображением средневековой охоты.

— Вам нравится? — спросил Дравивиан. — Все здесь сделано руками членов моей семьи. Гобелен вышила жена, скопировав его с оригинала в музее «Метрополитен». Мебель смастерили два моих сына. Они хотели что-нибудь старинное и в испанском стиле, но более удобное; отсюда некоторая модификация линий. Мой собственный вклад увидеть нельзя: я специализируюсь по музыке периода барокко.

— В свободное от работы в полиции время? — спросил Баррент.

— Именно. — Дравивиан отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. — Мы еще вернемся к вопросу о полиции. Скажите сперва, что вы думаете о комнате?

— Она очень красива, — произнес Баррент.

— И?

— Ну... я не судья...

— Вы должны быть судьей, — подчеркнул Дравивиан. — В этой комнате — вся цивилизация Земли в миниатюре. Скажите прямо, что вы о ней думаете?

— Она кажется безжизненной, — проговорил Баррент.

Дравивиан улыбнулся.

— Вы выбрали удачное слово. Пожалуй, еще точнее — замкнутая на себя. А ведь это комната людей высокого статуса. Сколько творческих усилий было затрачено на артистичное улучшение древних стилей! Моя семья воссоздала кусочек испанского прошлого, как другие воссоздают кусочки истории майя или Океании. И все же налицо пустота. Наши автоматические заводы производят одни и те же продукты. Так как товары у всех одинаковы, нам приходится изменять их, улучшать, украшать и такими способами выражать себя. Вот что происходит на Земле, Баррент. Наши энергия и способности уходят на никчемные цели; личность замкнулась в себе. Мы воссоздаем старинную мебель, хлопчем о ранге и статусе, а тем временем нас тщетно ждут неисследованные планеты. Мы давно кончили развиваться. Стабильность принесла застой, и мы ему подчинились. Мы социализированы настолько, что личности не осталось никаких способов самовыражения, она может только замкнуться в себе или тратить энергию на самые ничтожные цели. Полагаю, вы в свое время навидались этого на Земле?

— Я-то да. Но ни за что бы не поверил, что услышу такие слова от Шефа Секретной Полиции.

— Я необычный человек, — усмехнулся Дравивиан. — И Секретная Полиция — необычное учреждение.

— Но, очевидно, очень эффективное! Как вы узнали обо мне?

— Ну, это было просто. Большинство населения Земли натаскано на бдительность с детства. Это же наша древняя традиция. Почти все встретившиеся вам люди распознали в вас чужака. Вы выделялись, как волк среди овец, и мне немедленно сообщали.

— Ясно, — сказал Баррент. — Что же теперь?

— Хотелось бы послушать ваш рассказ об Омеге.

Баррент рассказал Дравивиану о своей жизни на планете преступников.

— Так я и думал, — со слабой улыбкой произнес Шеф Секретной Полиции. — То же самое происходило в свое время в Америке и Австралии. Конечно, разница есть: вы совершенно изолированы от родины. Но у вас та же яростная энергия, та же жестокость.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Дравивиан пожал плечами.

— Какое это имеет значение? Предположим, я убью вас. Но вашу Группу на Омеге не удержать от засылки других шпионов или захвата одного из тюремных кораблей. Как только омегиане начнут действовать, они неизбежно обнаружат правду.

— Какую правду?

— А вы еще не догадались? На Земле около восьми столетий не было войн. Мы не знаем, как сражаться. Сторожевые корабли вокруг Омеги — чистое надувательство, одна видимость. Они полностью автоматизированы и запрограммированы на условия, которые существовали сотни лет назад. Решительная атака — и корабль ваш, а за ним и все остальные. После этого ничто не в состоянии остановить приход омегиан на Землю; а Земля не в состоянии с ними бороться. Вот почему у заключенных смывают память. Уязвимость Земли должна быть скрыта.

— Если вы все это осознаете, то почему ваши руководители ничего не предпринимают?

— Сначала у нас было такое намерение, но лишь одно намерение. Мы предпочитали не задумываться всерьез. Казалось, что статус-кво сохраняется навеки. Нам не хотелось думать о том, что будет, когда омегиане вернуться на Землю.

— Но что-то же вы собирались делать — вы и ваша полиция?

— Я тоже всего лишь видимость. У меня нет полиции. Пост Шефа Полиции — почетная синекура. Вот уже почти век, как Земле не нужна полиция.

— Она вам потребуется, когда омегиане вернуться домой. — заметил Баррент.

— Да. Опять начнутся беспорядки, преступления. Однако я верю, что конечный сплав получится удачный. У омегиан есть энергия, воля, стремление достичь звезд. А Земля придаст вам спокойствие и стабильность. Каковы бы ни были результаты, объединение неизбежно. Мы слишком долго жили во сне. И, чтобы пробудить нас, потребуются сильнодействующие средства. — Дравивиан поднялся на ноги. — А теперь, когда судьбы Земли и Омеги решены, — по глотку освежительного?

Глава 29

С помощью Шефа Полиции Баррент с очередным кораблем всю информацию отправил на Омегу. Послание сообщало о положении на Земле и требовало немедленных действий. После этого Баррент мог приступить к выполнению своей собственной задачи: найти солгавшего информатора и судью, приговорившего его к наказанию за преступление, которого он не совершал. Баррент чувствовал, что, когда он найдет их, у него восстановится утраченная часть памяти.

Ночным экспрессом он поехал в Янгерстан. Подозрения, обострившиеся еще на Омеге, не давали ему покоя. Все было уж слишком ясно и просто...

Он приехал рано утром. Аккуратные ряды домов казались такими же, как и везде, но для Баррента они были по-особому, щемяще знакомыми. Он *помнил* свой город, и его однообразие казалось ему особым, полным значения. Здесь он родился и рос.

Вот магазин Гротмейера, а напротив через дорогу — дом Хавнинга, местного призера по оформлению интерьеров. А там жил Библи Хавлок, его лучший друг; они вместе мечтали стать звездоплавателями и остались хорошими друзьями после окончания школы — пока Баррента не сослали на Омегу.

Дом Эндрю Теркалера. А рядом школа; Баррент помнил ее. Он помнил, как каждый день заходил в закрытый класс, но не мог вспомнить, чему там учился.

Вот здесь, у двух исполинских вязов, произошло убийство. Баррент подошел к этому месту и вспомнил,

как все случилось. Он возвращался домой. Откуда-то сзади донесся крик. Баррент обернулся и увидел, как по улице побежал человек — Иллиарди — и что-то бросил ему. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит запрещенное оружие. Через два шага он наткнулся на мертвого Эндрю Теркалера.

А потом? Смятение, паника. Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоящим над трупом с оружием в руках. Там, в конце улицы, было убежище, в котором он скрылся...

Баррент подошел ближе и узнал будку робота-исповедника. Он заглянул в будку. В маленьком помещении ощущался слабый запах ладана. Единственный стул стоял перед сложной, ослепительно сверкающей панелью.

— Доброе утро, Уилл.

Услышав механический голос, Баррент внезапно ощутил беспомощность. Он вспомнил. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Искусственный голос разговаривал с ним, выслушивал, а затем выносил приговор. В своем сне Баррент персонифицировал его в образ судьи.

— Ты помнишь меня? — спросил Баррент.

— Конечно, — сказал робот-исповедник. — Ты был одним из моих прихожан, пока не попал на Омегу.

— Это ты сослал меня!

— За убийство.

— Но я не совершал преступления! — закричал Баррент. — Ты не мог не знать этого!

— Разумеется, я знал, — произнес робот-исповедник. — Но мои обязанности строго определены. Я приговариваю в соответствии со свидетельствами, а не интуицией. Сомнения толкуются в пользу обвинения. Фактически, само присутствие передо мной человека, обвиняемого в убийстве, может служить серьезным основанием для подозрения в виновности.

— Против меня были показания?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу открыть его имя.

— Ты должен, — сказал Баррент. — На Земле наступает другое время. Заключение возвращаются.

— Я ожидал этого, — промолвил робот-исповедник.

— Мне нужно имя информатора, — сказал Баррент, вытащив иглолучевик и направив его на панель.

— Машину невозможно принудить.

— Назови имя! — крикнул Баррент.

— Не скажу, для твоего же блага. Опасность слишком велика. Поверь мне, Уилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь информатора на Кленовой улице, тридцать пять. Но я искренне советую не ходить туда. Ты погибнешь. Ты просто не знаешь...

Баррент нажал на курок, узкий луч прорезал панель. Лампочки вспыхнули и померкли, когда он дошел до замысловатого переплетения проводов. Потом они погасли навсегда, и от панели потянулся серый дымок.

Баррент вышел из будки, положил иглолучевик в карман и направился в сторону Кленовой улицы.

Он бывал здесь прежде. Ему была знакома эта улица на холме, круто поднимающаяся вверх между кленами и дубами. Эти фонарные столбы — его старые приятели, та трещина в асфальте памятна ему с детства. Здания, знакомые до боли, казалось, застыли в ожидании, будто зрители последнего действия полузабытой драмы.

Он стоял напротив дома №35 на Кленовой улице. Тишина, окутавшая этот простой домик с белыми ставнями, казалась ему зловещей. Баррент достал из кармана иглолучевик, тщетно пытаясь побороть себя. Затем поднялся по аккуратным каменным ступеням и нажал на ручку. Дверь открылась. Он шагнул внутрь.

Смутно проступали контуры мебели, тускло поблескивали картины на стенах, статуэтка на подставке из слоновой кости. Сжав лучевик в руке, он ступил в следующую комнату.

И оказался лицом к лицу с информатором.

Глядя ему в глаза, Баррент вспомнил. В захлестывающем потоке памяти он видел себя: маленького мальчика, входящего в закрытый класс. Он вновь слышал убаюкивающий гул машин, видел, как мерцают и вспыхивают красивые огоньки, в уши лился вкрадчивый голос. Сперва голос вселял ужас, то, что он внушал,

было невообразимо. Затем, постепенно, Баррент начал привыкать к голосу, как привыкал ко всем странностям закрытого класса.

Он обучался. Машины учили на глубоком, подсознательном уровне. Они растворяли свои наставления в основных внутренних импульсах, вплетая узор усвоенных норм поведения в ткань жизненных инстинктов. Затем блокировали сознательную память об уроках, наглухо закрывали ее — и переплавляли.

Чему его учили?

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое предположительно мог совершить.

На Баррента бесстрастно смотрел информатор — собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он донес сам на себя. Когда он стоял в тот день с оружием в руках, глядя на убитого человека, усвоенные, подсознательные процессы взяли верх. Вероятность вины была слишком большой; она превратилась в саму вину. Баррент пошел к роботу-исповеднику и дал полное и убедительное свидетельство против себя самого, донес на себя.

Робот-исповедник вынес приговор, и Баррент покинул будку. Хорошо обученный на занятиях, он взял себя под арест и отправился в ближайший Центр контроля мыслей в Трентоне. Частичная амнезия уже наступила, спущенная пружиной уроков закрытого класса.

Опытные техники-андроиды потрудились, чтобы завершить амнезию, стереть последние остатки памяти. Как стандартный предохранитель против возможного ее возвращения, они внедрили в подсознание логичную версию убийства и насадили слепую веру в мощь Земли.

Запрограммированный Баррент добрался на специальном транспорте до космопорта, взшел на борт тюремного корабля и закрыл за собой дверь своей камеры. Там он спал до Контрольного Пункта, пока его не разбудили прибывшие охранники...

Теперь, когда он смотрел на свое лицо в зеркале, последнее из бессознательно усвоенных наставлений всплыло в сознании.

Уроки закрытого класса никогда не должны выйти из подсознания. В противном случае человек обязан немедленно произвести акт самоубийства.

Он понял, почему победа на Земле досталась ему так легко: он просто никого не победил. Земле не нужна была служба безопасности, потому что в мозг каждого человека были вмонтированы и полицейский, и палач. Под поверхностью мягкой и приятной культуры Земли была увековечена цивилизация роботов. И осознание существования этой цивилизации каралось смертью.

Именно здесь, именно сейчас началась настоящая битва за Землю.

Заученные образцы поведения заставили Баррента поднять оружие и направить себе в голову. Вот о чем пытался его предупредить робот-исповедник, вот что видела девушка-мутантка. Прежний Баррент, запрограммированный на абсолютное и бездумное повиновение, должен был убить себя.

Возмужавший Баррент, прошедший школу жизни на Омеге, восстал против этого слепого желания.

Баррент против Баррента. Два человека боролись за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над разумом.

Иглолучевик остановился в дюйме от головы. Мушка качнулась. Затем, медленно, Баррент-омегианин, Баррент-2, отвел оружие.

Его победа была недолговечной. Уроки закрытого класса швырнули Баррента-2 в яростную схватку с неумолимым и жаждущим смерти Баррентом-1.

Глава 30

Двух Баррентов закинуло через субъективное время в те критические точки прошлого, где смерть ждала рядом, где пересыхал поток жизни, где установилось предрасположение к гибели. Баррент-2 заново переживал эти моменты. Но на сей раз опасность была увеличена злокачественной половиной его личности — Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под слепящим светом на обагренном кровью песке Арены, с мечом в руке. Это были омегианские Игры. На него надвигался саунус, бронированная рептилия с ухмыляющимся лицом Баррента-1.

Он отсек чудовищу хвост, и тот превратился в трех трихомотред — существ размером с крысу, с лицами Баррента и повадками взбесившейся росوماхи. Двух он убил, а третья оскалилась и до кости прокусила его левую ладонь. Он поразил ее мечом и смотрел, как вытекает на сырой песок кровь Баррента-1...

...Трое оборванных мужчин сидели, смеясь, на скамье, а девушка протягивала ему оружие. «Удачи. Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться». Баррент пробормотал слова благодарности, прежде чем заметил, что девушка перед ним — не Мозра, а мутантка, предсказавшая его гибель. Он вышел на улицу и столкнулся с тремя Хаджи.

Двое были безликими незнакомцами. Третий, Баррент-1, быстро выступил вперед и вытащил пистолет. Баррент-2 кинулся на землю и, нажав на курок своего оружия, почувствовал, как оно завибрировало в руке. Голова и плечи Баррента-1 потемнели и стали распа-

даться. Снова прицелиться он не успел — пистолет вырвало из руки дикой силой. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел ствол.

Он отчаянно рванулся за оружием и, катясь вперед, заметил, как в него целится второй Хаджи, тоже с лицом Баррента. Баррент-2 почувствовал резкую боль в руке, уже прокушенной зверем, но сумел выстрелить и остался наедине с третьим, который тоже превратился в Баррента-1. Рука начинала каменеть, но он заставил себя нажать на курок...

«Ты играешь в их игру, — говорил себе Баррент-2. — Смертоносная воля измучит тебя и прикончит. Надо вырваться. Ведь ничего этого нет, это только в твоём воображении...»

Но думать было некогда. Он стоял в большом круглом каменном подвале в Департаменте Юстиции. Отбрасывая черные блики, навстречу катилась металлическая машина почти в четыре фута высотой. Из сияющей огнями поверхности на него смотрело ненавистное лицо Баррента-1.

Теперь враг был в облике Макса; такой же лживый и стилизованный, как фальшивые сны о Земле. Баррент-1 выпустил гибкое суставчатое щупальце, заканчивающееся ножом. Баррент-2 уклонился, и нож царапнул по камню.

«Ты сражаешься с половиной самого себя, это смертельная иллюзия».

Но он не мог поверить. На него снова надвигался Баррент-машина, блестя зелеными капельками вещества, в котором Баррент-2 немедленно узнал контактный яд. Он бросился в сторону, стараясь избежать гибельного прикосновения.

«Оно не смертельно, сказал он себе.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность. Машина разогналась и со страшной силой ударила не успевшего отпрянуть Баррента. Он почувствовал, как затрещали ребра.

«Все это ненастоящее! Ты позволяешь навязанным рефлексам довести себя до смерти».

Но боль была реальной, как и увесистая стальная дубинка, ударившая его в плечо. Баррент пошатнулся.

Его охватил ужас — не перед смертью вообще, а перед смертью слишком близкой: ведь он не успел предупредить омегиан о главной опасности, глубоко внедренной в их сознание. Кроме него, больше никому было предупредить о гибели, грозившей каждому, кто сумеет восстановить настоящую память о Земле. Если бы выжить... он бы придумал, как очистить сознание... Баррент собрал последние силы. С детства приученный нести ответственность за все общество, он не мог позволить себе умереть, когда его знания необходимы Омеге.

Это ненастоящая машина, твердил он себе, когда Баррент-1 черной полусферой надвигался с дальнего конца помещения. Он пытался заглянуть за машину, увидеть регулярные уроки в классе, создавшем чудевище...

«Я — это ненастоящая машина».

Он поверил.

И ударил кулаком в ненавистное лицо, отразившееся в металле. Испепеляющая боль ослепила его, и он на миг потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что находится у себя дома, на Земле. Рука и плечо гудели, несколько ребер, пожалуй, было сломано. Из укуса на левой руке текла кровь.

Но своей порезанной и окровавленной правой рукой он разбил зеркало. Зеркало и Баррента-1 — окончательно и бесповоротно.

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

ПРОЛОГ

Невероятный мир Джозниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. То время примечательно взлетом промышленной цивилизации: XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к «Хождению Джозниса».

Без сомнения, сам Джознис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них — не изложение фактов, а, скорее, определенного рода моральные аллегории. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешественнике Джознисе и об удивительном и трагическом XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение «Хождения» появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джозниса отходит на задний план

по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу «Хождения». Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в ХХI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории о Джоэнисе или его последователях передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т. д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Паауи с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывает в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник, и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определенные главы, приведя их к одинаковому объему и наделив своим собственным качест-

вом порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хождения, не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать правду о Джознисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джознисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем отсюда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и не более трехсот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один, а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлеб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные

моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити, с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели — это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему было двадцать с небольшим.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Красного Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческими судьбами. Председатель Совета Артур Пендрагон получил этот высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжелую борьбу, для того чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот — финансовый воротила, Ричард Галахад — широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред — человек с большими политическими связями, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьезные последствия.

На далеком Манитуатуа Джознис получил указание Совета остановить восточно-полинезийскую электростанцию и, таким образом, лишился работы. Что еще хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джозниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или переехать на один из больших островов, например, на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, он удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня Джознис вернулся и объявил всем собравшимся о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда слышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятьями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы и остроносые каноэ. Тем не менее такое случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под ее чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джознис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделаё — манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами и точеной фигурой. Джознис предполагал послать за своей невестой, как только обоснуется в Америке, или вернуться, если судьба окажется к нему неблагоприятной. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения у Тонделаё, и она обратилась к Джознису на преобладавшем тогда местном диалекте со следующими словами:

— Эй ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо воззвала к разуму Джозниса. Но тот ответствовал ей:

— Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джознису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

— Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой wahino, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Клянусь! Хотя пальмы растут, и кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джознис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, и принять уготованную ему судьбу. Джознис поцеловал Тонделайо, и она заплакала, поняв, что слова ее бессильны.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джозниса, где подавались островные деликатесы — консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джознисом.

На этой шхуне Джознис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, прошел мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в Сан-Франциско.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ

*(Рассказано самим Ламом и записано
в «Книге Фиджи»,
каноническое издание)*

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил: выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать? Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина * и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил бутерброд — итальянская салями на тминном хлебе — и надеялся на скорое прибытие травки, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка — дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из дальних краев, и с него сошел парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и вовсе никакой обуви. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

— Меня зовут Джоэннс. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

— Не знаете, где можно найти работу? — продолжал он. — Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне, и что я могу дать Америке.

* Мескалин — наркотическое вещество. (Здесь и далее примеч. пер.)

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису.

— Ищешь работу? А что ты умеешь?

— Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

— Потрясно.

— И играю на гитаре, — добавил он.

— Эй, парень! — воскликнул я. — Что же ты сразу не сказал! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал, насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, что, конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой, и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом и куском швейцарского сыра — из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому не понятном языке, и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросый восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ и Т» *. Джоэнис сорвал восемь долларов, чего хватило на пузырь русской, — только не надо зудеть мне про патриотизм, — и еще кое-какую закуску. И к нему приклеилась одна крошка не более пяти

* Американская телефонная и телеграфная компания.

футов роста, потому что таким уж был Джознис. То есть он был высокий и здоровый, с широченными плечами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода, и сам я крепкого сложения, но порой мне приходится потратить на поиски немало времени. А к Джознису их тянуло прямо как магнитом.

И вот Джознис, и эта крошка по имени Диедри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю, — все пошли ко мне. Я показал Джознису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширились и забалдели. То есть у нас был нормальный приход, а вот Джознис засверкал, как тысячеваттная фара «Мазда». И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джознису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный, улыбчивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

— Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское действо. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Диедри Фейнстейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. А...

Надо сказать, что у этого Джозниса голос был неслабый, то есть он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху, — они у меня добропорядочные граждане, которые встают в 8 утра и отправляются на работу, — стали стучать в потолок и орать, что чаша их терпения

переполнилась, и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в легких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диедри, вконец рехнувшаяся от этого зелья, потребовала спрятать зернышки в самом интимном месте ее тела, где, по ее словам, они будут в полной безопасности. Я выволок их всех на улицу (причем Джоэнис не пожелал расстаться со своей гитарой) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него высыпали фараоны. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить.

Мы шагали кое-как, а фараоны пристроились рядом и стали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диедри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Диедри.

Их старший, сержант, сказал:

— Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекала?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диедри к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, наширившись, уж очень сильно возлюбил Диедри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

— Парень, ты не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диедри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор как приехала изучать дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец — Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец — не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слышал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джозниса. Но он встал как вкопанный. В свете уличного фонаря, с гитарой в руке, он выглядел настоящим героем.

— Чего тебе надо, малый? — поинтересовался сержант.

— Уберите руки от этой девушки! — потребовал Джознис.

— Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четырехста тридцать один дробь три Уголовного кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай брэнчать на этой укулеле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был совсем неплохим парнем.

Но здесь Джознис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

— А, красный... — пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и быстрее, они затащили Джозниса в фургон.

Само собой, Диедри на следующее утро выпустили — может, из-за отца, а может, и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джознис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обоженным солнцем трубадуром с сердцем, большим как мир? Куда он пропал с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джозниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски своей Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джознис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля, следователь привел его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

— Я ни в чем не виноват, — выпалил Джоэнис.

— Ага, — отреагировал Пелопс, — но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

— Нет, сэр, — молвил Джоэнис. — Я просто подумал...

— Мысли не являются уликами, — заявил Пелопс.

Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

— Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

— Я желаю видеть адвоката, — сказал Джоэнис.

— Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое при-

стальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невинному человеку требуется адвокат?

Джознис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелопс отвечал ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джознису нечего бояться, если он будет отвечать правду. Джознис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

— Благодарю вас, — сказал Пелопс. — Хотя обычно мне не приходится *просить*, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джознис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улице Сан-Франциско?

— Я не помню никакой речи, — ответил Джознис.

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

— Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

— Кажется, с одним человеком по имени Лам и еще с девушкой, Диедри...

— Нам не нужны их имена, — торопливо перебил Пелопс. — Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, мистер Джознис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

— То не факты, — возразил Джознис. — То люди.

— Комиссия не просит вас шутить, — сурово отчеканил Пелопс. — Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

— Я не хотел сказать ничего такого, — поспешно заверил Джознис.

— Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

— Нет, сэр, я не отрицаю этого.

— В таком случае, не отрицаете ли вы, мистер Джознис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели, и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смее ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия, в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джознис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

— Мне бы хотелось прояснить...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос, — ледяным тоном отрезал Пелопс. — Да или нет.

Джознис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

— Ваши утверждения чудовищны! — наконец воскликнул он.

— Мы ждем ответа! — провозгласил Пелопс.

— Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, — сказал Джо-

энис, — и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся.

— Этот номер у вас не пройдет, мистер Джознис, поскольку Конституция, за которую вы сейчас так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит ее неизменностью и оберегает ее от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, мистер Джознис, — или, может быть, мне следует называть вас *товарищем Джозновым*? — не позволяют вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда, — если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже издавшие виды репортеры, присутствующие в зале, были поражены до глубины души. Джознис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать, но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

— Прошу прощения, сэр, — обратился сенатор Зарешеткинг к Пелопсу, — прошу прощения также у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я — старый человек и многое повидал на своем веку. Мой долг заявить, что я — смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу мириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джознова, но не как сенатор, а, скорее, как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от

Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно выросл и наконец постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!» Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

— Товарищ, — спросил он с легкой иронией, — являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

— Нет! — воскликнул Джоэнис.

— В таком случае, назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

— У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

— Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, — перебил Пелопс. — Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональда Блейк. Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

— Я никогда с ним не встречался, — ответил Джоэнис.

— Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что никогда не встречался с Рональдом Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

— Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

— Но вы допускаете такую возможность?

— Пожалуй, да...

— Прекрасно, — одобрил Пелопс. — Наконец-то мы добираемся до сути. Причем я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блейком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал, и кому вы отдали эти документы...

— Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком, — вскричал Джоэнис.

— Нам он был известен как Рональд Блейк, — сказал Пелопс. — Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а, ввиду вашей установленной партийной деятельности, эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, — имя, которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

— Послушайте, — взмолился Джоэнис. — Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

— Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «студебеккера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, — сухим голосом констатировал Пелопс. — После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнов, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих пор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдать ни слова.

— Данная Комиссия, — подытожил Пелопс, — наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэнова в ведомство Генерального

прокурора с тем, чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазами и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алквиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта — милитаристское государство, главенствующее над городами Македонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под власть Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратни-

ков и, казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Но в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса происходил из Механиксвилля, штата Нью-Йорк, да к тому же еще был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами — афинской колонии в глубинах дикарской территории. Поэтому определенные влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинского единства — немаловажной силы в американской политике.

Генеральный прокурор, сам уроженец Афин, счел за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звездную палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее одобрение, ибо сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дженмоторса и Дженэлектрикса, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре с дрожью в коленках он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джознис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

— Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

— Восемь долларов и тридцать центов, — ответил Джознис. — Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

— Потому, — молвил жрец, — что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но, если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в брэнном мире.

— У меня нет ничего подобного, — печально ответил Джознис.

— А земли в Полинезии?

— Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

— Значит, у тебя ничего нет? — разочарованно спросил жрец.

— Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, — сказал Джознис, — да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

— Разумеется, нет. Но и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно, когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального прокурора и защитную речь адвоката Джозниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ:

«ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ.

ДОБАВЬТЕ «Х» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ — значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ — есть условия содержания и срок, в течение которого проситель, должен работать на каторге, чтобы исправить зло, — а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ — будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель, и которые покажут ему невозможные ужасы.

КОСИНУС — знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорка. О том, что делал он там, и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего, подобного великому Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо огромное число людей отдавало свое время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

— Сэр, — обратился к нему Джоэнис, — не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

— Ты что, псих? — буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

— Вы называете это деятельностью?

— Так мне кажется, — ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. — Между прочим, меня зовут Джоэнис.

— А меня — Чевоиз.

— Чевоис?

— Нет, Чевоиз: как в «Чево изволите?». В ответ на ваш вопрос я скажу вам, что то, что вы видите, — не деятельность. Это паника.

— Но чем вызвана такая паника? — поинтересовался Джоэнис.

— В двух словах объяснить это можно так: люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

— Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

— Я никогда не говорю без преувеличений, — сообщил ему Чевоиз. — Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

— Что же это за «важные отношения»? — спросил Джоэнис.

— Во-первых, — сказал Чевоиз, — ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во

всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дерганье цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

— А-а, — перебил Джознис, — гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

— Совершенно верно, — подтвердил Чевониз. — Это те, кто уже не притворяются живыми. Но остальные копируют живых с умильным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху...

— Понятия не имел, — признался Джознис.

— Это большая проблема, — продолжал Чевониз. — Власти из всех сил стремятся решить ее, но она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что вам будет интересно. Но к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевониз пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джознису.

— Проклятье! — пожаловался он. — Опять я его упустил.

— Он преступник? — удивился Джознис.

— Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, — сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. — Обожает притворяться битником.

— Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, — заметил Джознис.

— Он вечно что-нибудь выдумывает, — посетовал полицейский. — Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по

инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

— Но если этот Чевониз не вооружен... — начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело злое выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. — То есть я хотел бы узнать, — спохватился Джоэнис, — есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевониз о ходячих мертвецах?

— Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

— Простите, забыл, — произнес Джоэнис.

— Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Чевониз, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

— Разумеется, нет! — заверил Джоэнис.

— Этот парень, — продолжал полицейский, — утверждает, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножы и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверное, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

— Должно быть, воистину замечательный человек, — заметил Джоэнис.

— Он был святым, — задумчиво произнес полицейский печальным голосом. — Он был настоящим свя-

тым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути. — Полицейский посмотрел Джознису прямо в глаза и добавил: — Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевониза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком, вроде Чевониза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели быстро убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня — работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что бы там ни плели газеты, я в жизни не брал взятку, даже за стоянку в непопозволенном месте. — Рука полицейского судорожно сжала револьвер. — Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в непопозволенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что вы самоотверженный человек, — осторожно ответил Джознис.

— И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевониз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

— Безусловно, хорошо, — согласился Джознис.

— Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я чувствую святость.

— По-моему, это чудесно, — заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

— Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, — сказал полицейский, и подбородок его начал дергаться. — В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой — револьвер, и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ДВА ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели двое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик — нудное занятие. Оказалось, что они любят беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

— Мистер Джоэнис, — проникновенно сказал первый водитель грузовика, — на вашу долю, безусловно, выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

ИСТОРИЯ УЧЕНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Адольфус Защитникус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не сама по себе; я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет его из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, даже несмотря на то, что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сразиться с болезнями. И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно. Мне неизвестно, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая Африка, не способная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми. Таким образом африканцев можно было отвлекать от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом многие виды животных погибли, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неизмеримо размножились. Резко возросла численность насекомых, в частности, мух и москитов, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообще-

ния никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидеть все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу, все эти области были абсолютно нейтральными, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные вирусы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим. Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые бактерии и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивля-

лись, изменялись и, в конце концов, наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаюсь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед этими новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении, я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что бактерии и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привели меня научное и общегуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных мазками глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей выступали против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли

шаманы. Ирония судьбы, — ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота, и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

— Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало бед, Джознис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь

я — самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джознис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

ИСТОРИЯ ЧЕСТНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства. Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране. Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя на платной стоянке со счетчиком и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве, потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве, потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту, потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков, потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не считал несправедливым, когда меня осудили. Я даже восхи-

щался рвением судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного Наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется Наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придавал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но, прежде чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

— Разве возможно, — спросил я его, — чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

— Именно так, — ответил часовой.

— Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи, — заметил я.

— Да, так было, — сказал часовой. — Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мы не в силах удержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

— Возмутительно! — воскликнул я. — Но при чем тут вообще иностранцы?

— С них все и началось, — объяснил часовой. — В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике — лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают в тюрьму. Но, на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

— В таком случае, — удивился я, — как может правительство соблюдать закон?

— Лишь скрывая истинное положение вещей, — сказал часовой. — Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

— Что ж, — промолвил тот человек, — ваше поведение за все время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель — перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

— Не торопитесь, подумайте, — посоветовал он, — и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один — американец. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

— Чертовски умно для новичка! — одобрил американец по имени Лифт. — Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются — и бац! — оказываются за воротами у разбитого корыта.

— А это плохо?

— Еще бы! — воскликнул Лифт. — Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

— Лифт прав, — заметил один из французов. — Согласиться выйти под честное слово — крайне опасно. Я — живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи зеленым юнцом, я согласился. Но затем снаружи я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же

собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости, я оставил там также свою возлюбленную, заключенную под номером 43 422 231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

— Что же вы сделали?

— Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, — печально улыбнувшись, произнес Дантес. — Ну, и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

— Это, должно быть, оказалось очень трудно, — вставил я.

Дантес кивнул.

— Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть в тюрьму. — Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при полном молчании остальных заключенных: — В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекала охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы. — Старик печально усмехнулся. — После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня выпускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл

свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму можно попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание.

— А возлюбленная ваша была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

— Заключенная под номером 43 422 231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом еще долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растеряней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

— Свобода? — переспросил Лифт. — Ты говоришь об иллюзии свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там царят ужас и страх, за каждым углом поджидает смерть.

— А упомянутые вами цветущие поля и леса еще хуже, — заметил второй француз. — Мое имя Руссо. В молодости я по наивности написал несколько книг, где превозносил природу и человека как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека — это жалкие изгои растительного мира, лишённые силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало от меня. Я узнал, что как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы, наконец, добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод — все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров — в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения — это тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

С этим Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

— Видишь, Дельгадо, — сказал Лифт, — единственная настоящая свобода — здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

— Но мы все взаперти на этой земле, — возразил мне старый Дантес. — Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Лифт пожурил меня за неблагодарность.

— Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь, и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

— Но сейчас ситуация меняется, — заметил заключенный-мексиканец. — Несмотря на то что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

— Это ставит правительство в затруднительное положение, — вставил другой мексиканец. — До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму — в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением — совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

— Возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Лифт спокойно сказал:

— Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

— Несущественно? — поразился я.

— Абсолютно, — подтвердил Лифт. — Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудоб-

ство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

— Настоящие мужчины, — продолжал Лифт, — нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы это гораздо лучше; но, к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

— Я устрою тебе побег сегодня вечером, — сказал Лифт. — Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда выключили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был туннель. И, пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец я понял, что моя честность была не чем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует, — как не существует никаких ее производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства, есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдруг честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

— Мистер Джоэнис, — молвил первый водитель грузовика. — Здесь вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел с машины. Но на прощанье он задал попутчикам последний вопрос:

— Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

— Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Защитникус — швед, проклявший науку, — сказал:

— Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о честности. Она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочесть надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ «ХОЛЛИС» ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, но тут увидел, что человек этот — не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

— Джонсик! — восторженно заорал Лам. — Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты — чужеземец, причем малость простоватый по натуре, — будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка — не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, что ты все-таки пришел сюда.

— Куда сюда? — спросил Джоэнис.

— В Уютноград, — ответил Лам. — Входи.

Джоэнис вошел в «Дом "Холлис" для Невменяемых Преступников». В гостиной Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

— Разумеется, в них нет ничего ненормального! — возмутился Лам. — Вывеска — всего-навсего офици-

альное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Поселение "Холлис" для писателей и художников».

— Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

— Нет, это лечебница, но только формально.

— А сумасшедшие здесь есть? — спросил Джоэнис.

— Послушай, старина, — сказал Лам, — сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов — надо же чем-то занять докторов. Да к тому же мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

— Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису.

— Да, мы пришли к выводу, что подвал — самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе действует на буйных.

— Но почему вы держите их на цепи? — поинтересовался Джоэнис.

— Тогда у них складывается впечатление своей исключительности, — ответил врач. — Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещений, и когда люди проходят мимо ревуших, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний не в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

— Очень интересно, — заметил Джоэнис. — И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

— Боже упаси! — с улыбкой воскликнул врач. — Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстрой-

вам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Собственно, мы устанавливаем за ними слежку, приставляем шпики, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения — одно из наших лучших достижений.

— Что происходит потом? — спросил Джоэнис.

— Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

— Как видишь, — заметил Лам, — наш док — настоящий мудрец.

— Ну что вы, — скромно улыбнулся врач. — Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

— А, бросьте, док, — сказал Лам.

— Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массажированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?» Кстати, такой случай действительно имел место.

— И что произошло? — поинтересовался Джоэнис.

— Несчастный малый задохнулся, — со смехом ответил Лам.

— Я никогда не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике, — надменно проговорил врач. — Метод

проб и ошибок сопряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

— Почему? — спросил Джознис.

— Потому что перед кончиной пациент *выпрямился*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления — искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент, безусловно, имеет важное теоретическое значение.

— Я просто пошутил, док, — извинился Лам. — Я знаю, что вы отличный специалист.

— Благодарю вас, Лам, — произнес врач. — А теперь прошу прощения, мне надо навестить одного пациента. Любопытная мания. Он верит, что является физическим воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет черных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

— Как вы его лечите? — спросил Джознис.

— Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Он в самом деле исцеляет их?

— Пока неудач у него не было, — ответил доктор. — Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

— Можно мне увидеть этого пациента? — попросил Джознис.

— Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джознис разглядывал светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушиваясь к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом "Холлис" для Невменяемых Преступников» уже не казался ему неприятным. А

через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джознису шла Диедри Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат ее волос был подобен меду.

— Джознис, — произнесла она дрожащим голосом. — Я думаю о тебе с того момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мной и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джознис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

— Ну, — молвил Джознис, — мне кажется...

— Я так и знала! — воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче. — Мы поженимся через два дня, четвертого июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

— Э-э... — начал Джознис, — я полагаю, нам следует принять во внимание...

— Я не сомневаюсь, — сказала Диедри. — Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое: как мы ширялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой вестсайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

— Ну, — произнес Джознис, — я думаю...

— Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет против антиамериканизма в любой форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностраннных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искус-

ству, которое часто не что иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг свою жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

— Как можно отсюда выбраться? — спросил Джоэнис.

— Послушай, дружище, — сказал Лам, — но ведь ты только что сюда попал.

— Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

— Конечно, нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для Невменяемых Преступников».

— Нужно разрешение врача?

— Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

— Мне надо уйти сегодня же, — тревожно сказал Джоэнис. — Или завтра утром самое позднее.

— Довольно неожиданно, — заметил Лам. — Уж не крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

— Она, — признался Джоэнис.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Лам. — Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже, днем, вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возмнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

— Для пользы дела будет лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы, — предупредил врач. — Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

— Хорошо, — согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. Напротив зарешеченного окна

у стены стояла аккуратно застеленная койка. У маленького деревянного столика заходила душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

— Крайне странно, — проговорил врач, беря записку. — Полчаса назад, когда я запираю дверь, он казался в хорошем настроении.

— Но каким образом ему удалось выбраться? — удивился Джознис.

— Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, — сказал врач. — Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

— А что говорится в записке? — поинтересовался Джознис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

— Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джознис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

— Привилегия врачей, — объяснил он. — Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сначала записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь не вернуться ли нам в гостиную?

У Джозниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: «Помни». Совсем немного, но Джознис запомнил это слово навсегда.

Джознис провел беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить свои обещания, касающиеся Диедри и освобождения Джозниса из сумасшедшего дома. Но он еще не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а, если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июня. Диедри сказала Ламу, что с тех пор как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то такая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдающим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Диедри сдаться, так как недавно обретенная ею гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял факультетский комитет университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбчивым ртом и сердцем, большим как мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису освоиться и почувствовать себя как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

— Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы — ну, скажем, просвещения — постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют, причем, как

правило, в положительном аспекте, тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

— Понимаю, — сказал Джоэнис.

— Также следует добавить, — продолжал декан Глупс, — что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько человека с абсолютным пониманием своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной — да позволю себе выразиться — струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый мистер Лам объяснит все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

— Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясающий курс, дружище. Клевые ударные и прочее. Народ балдел.

— Лекции мистера Лама имели грандиозный успех, — добавил Глупс. — И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

— Нет, старина, — отрезал Лам. — Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

— Разумеется, — торопливо сказал Глупс, — если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

— Может быть, я дам семинар по дзену, — неуверенно произнес Лам. — Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

— Ну конечно. — Декан Глупс повернулся к Джоэнису: — Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

— Весьма любезно с его стороны, — осторожно сказал Джоэнис.

— У вас великолепные данные, — продолжал Глупс. — Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить, и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

— Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, — заверил Джоэнис. — Что касается курса, который мне предстоит вести...

— Пожалуйста, поймите меня правильно, — горячо произнес декан Глупс. — Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же университетская жизнь имеет свои преимущества.

— Я готов отправиться сейчас же, — заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

— Чудесно! — вскричал Глупс. — Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зеленом пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. «Все это, — сказал декан Глупс, — привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу».

Джоэнису предоставили уютную комнату, а затем пригласили его на коктейль, на вечеринку факультетских преподавателей.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил: «Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам».

Лавочникер, кафедра философии, сказал: «Ну что ж...»

Хиялкс, кафедра физики, сказал: «Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E=MC^2$? Уж

так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге "Совесть физика-ядерщика" и буду отстаивать их до конца».

Хенли, кафедра антропологии: «Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джоэнис».

Дальтон, кафедра химии: «Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру».

Джефрард, кафедра античности: «Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я?»

Шулерис, кафедра политических наук: «Ну что ж...»

Свободолюдинг, кафедра изящных искусств: «Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?»

Шкодборн, кафедра музыки: «По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее приветствую вас в нашей компании».

Птоломей, кафедра математики: «Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?»

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?»

Весь вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно, из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Но единственное объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия мистера Джоэниса начнутся в 11.00 в

аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джознис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например, мистера Лавочникера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных сомнений), и не спросить в лоб, что ему, Джознису, надо преподавать. Но этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джознис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джознис испытал типичный страх начинающего актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлось по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джознис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности подлинной.

— Вот что, класс, — сурово начал он. — Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. Ввиду определенной необычности моего курса, кое-кто из вас, вероятно, считает, что тут нечего делать, и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джознис продолжал:

— До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго. Знайте, что, если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джознис по-

нял, что стал хозяином положения. Поэтому он продолжал уже более мягко:

— Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам — тем, кто выбрал курс из искренней жажды знаний, — добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

— Мистер Ристократ, — обратился Джоэнис к серьезному и знающему на вид студенту, сидящему в первом ряду, — будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Ристократ с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров».

— Очень хорошо, — сказал Джоэнис. — А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «Данный курс затрагивает вопросы культуры островов юго-западной части Тихого океана, с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы».

— Отлично, мисс Хуа, — сказал Джоэнис.

Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, осталось еще немало трудностей. Он жил на Манитуауа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

— Что ж, на сегодня достаточно, — сказал он студентам. — До свидания, или, как говорят полинезийцы, алоха. И еще раз добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

— Не вставайте, пожалуйста, — сказал он. — Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и, хочу признаться, — восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем университете.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Джоэнис.

— Не надо меня благодарить, — мрачно произнес декан Глупс. — Мое последнее предсказание относилось к профессору барону Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории ошибок. Я пророчил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пятерых членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше, чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них

нуждающегося преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда пришло время, и Джознис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

— Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот — вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо и открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе — со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом меж двух миров». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джознису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джознис улыбался и говорил:

— Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джознис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на культуру атоловых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джознис не знал ответа, он неизменно говорил: «Прекрасно, Умникер! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала».

Таким образом Джознис отводил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боящихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но, к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров», написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом де Ривьерой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана (искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия), связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы». Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Флинт-Скряггером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д. Д. Т., И. Т. Д., И. Т. П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные работы и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые, здо-

ровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливового. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались все-таки преподаватели, соблюдавшие, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но, несмотря на все предосторожности, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джеффард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», полагая, что это папская энциклика. Потребовалось две недели отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда он, прочитав «Моби Дика», обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги». Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличающуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и

велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях (вследствие чего в «Зале Свободы» еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днем и ночью можно было видеть на тренировках, где они кидали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

И, наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув Джона Смита на пост президента Соединенных Штатов во время последних выборов. То обстоятельство, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, ничуть не охлаждало их пыла; напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы, если бы большинство избирателей не опасалось создания прецедента. Этим страхом умело воспользовались либералы. Они заявили: «Мы не возражаем против Джона Смита (да упокоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого Дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет недостойный покойник?»

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия.

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах либералам, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько посиживали в пивных и распевали «Балладу о побережье Омахи». Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на древнегреческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана.

Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир, кафедра английского языка: «Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает "Моби Дика" как составную часть культуры юго-западной части Тихого океана».

Шкодборн, кафедра музыки: «Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс».

Хилякс, кафедра физики: «На мой взгляд, большим упущением с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли».

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно».

Были и другие нарекания — со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис искажил или вообще игнорировал их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джеффарда с кафедры античности:

«Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я? Но, черт побери, я думаю, что он мировой парень!»

Сердечный отзыв Джеффарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и высказывали чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег, и вскоре он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Но уже тогда он начал задумываться о трудностях человеческого существования, а в скором времени окончательно пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Возможность покинуть университет представилась Джоэнису, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот; он носил титул Помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был человек лет пятидесяти, невысокий, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожьё морду. Его динамичность и целеустремленность взволновали Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

— Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напому вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело — найти этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус «Старый Скармут», в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра сердечно приветствовал его.

— Присаживайтесь, — сказал Заммот. — Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивенс Вуде, что прямо у каждого есть свой собственный план спасения мира, и в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается Заммот был хорошо осведомлен о настроениях в университете.

— Мы держим ухо востро, — сказал Заммот. — На сегодняшний день преподавательский состав УССВ на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар. Впрочем, к вам это не относится. Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

— Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

— Знаю, все знаю, — перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку. — Ну-ка, посмотрим, — сказал он, перелистывая страницы. — Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Оракулом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в «Доме "Холлис" для Невменяемых Преступников», после чего устроился на работу в данный университет. — Заммот закрыл книжку и спросил: — Все более или менее правильно?

— Более или менее, — сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо бесполезно. — Полагаю, что досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

— Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего страшного. Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан — это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности — совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональда Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден. ФБР утверждает, что, после того как вы в

первый и последний раз по заблуждению столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в «Доме для Невменяемых Преступников»; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист, и каждый человек, хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признательность по поводу доверия, оказываемого ему правительством.

— Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнштейн, — сказал Заммот. — Занимая пост Специального Помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

— Кто? Я? — спросил Джоэнис.

— Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрашные мыслители. Лишь лучшие из лучших могут нам подойти, и никакие побочные соображения нас не остановят. Нам нужны люди вроде вас, Джоэнис. Ну как, идете на службу в правительство?

— Иду! — закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом. — И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнштейн мне оказали.

— Я знал, что вы так ответите, Джоэнис, — сказал Заммот дрогнувшим голосом. — Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр правительственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку.

— Считайте, что с этого момента вы приступили к своим обязанностям в правительстве. Да благословит вас Господь! Помните, что мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

— Стойте! В чем же заключаются мои обязанности, и где именно я должен их выполнять?

— Вас известят, — сказал Заммот.

— Когда? И кто?

— Я только агент по найму кадров, — сказал Заммот. — Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую, — это совершенно вне моей компетенции. А теперь прошу меня извинить: меня ждут в Радклиффе для очень важного разговора.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами. Уже на следующее утро он получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжением в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собственноручно подписал не кто иной, как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

И вот наконец наступил долгожданный момент — Джоэнис прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдингу, миновав по пути Белый Дом — очаг американской имперской власти. Слева остались обширные уголья Октагона, построенного на месте маленького и тесного Пентагона. Еще дальше возвышались здания Конгресса.

Вид этих зданий особенно взволновал Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушительной Гражданской Войны. Он словно воочию увидел потрясшие

мир дебатов между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, покинувшего уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире и пришедшего сюда, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Луизиану, по этим ступеням поднялся Ксенофонт, и все, стоя, устроили ему оvation за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической Войны между Штатами. Гиппократ — Начальник Медицинской Службы — победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же придумал, никогда об этом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою известную дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джозниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. Перебирая в памяти их образы, Джознис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предшественников.

Пребывая в таком восторженном состоянии духа, Джознис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинга. Специальный Помощник Джон Мадж принял его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на свою колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и, казалось, никуда не спешил. Джознис сразу уяснил, что в Управлении по Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

— Ну, Джознис, — сказал Мадж, — мы очень рады, что вас определили к нам. Думается, мне лучше сразу объяснить, чем занимается наше Управление. Мы функционируем как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, принимаемых полуавтономными военными соединения-

ми под началом военных властей. Кроме того, мы выступаем также как разведывательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием психологической и экономической войны.

— Что-то многовато всего, — заметил Джознис.

— Это еще далеко не все! — воскликнул Мадж. —

И тем не менее наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, основную задачу Координации Взаимодействий Родов Войск. Не далее как в прошлом году, еще до того, как было создано это Управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях северного Таиланда. Вообразите их разочарование, когда дым рассеялся, и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вы только представьте, как это повлияло на моральный дух войск! А если учесть, что наши военные обязательства тонкой паутиной опутали весь земной шар, то мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джознис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей.

— Возьмите, к примеру, разведку. Когда-то она была исключительно в ведении Центрального Разведывательного Управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все более крупные контингенты войск для решения задач, с которыми оно сталкивается.

— Прискорбно, — согласился Джознис.

— И, конечно, то же самое в еще большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведывательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Разумеется, никто не ставит под сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск. Однако каждый из них, получив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна

оценить опасность и довести конфликт до победного конца. Конечно, при таком положении дел любая информация о противнике обретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

— Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна, — сказал Джоэнис.

— Трудна и неразрешима, — ответил Мадж. — По моему разумению, порок гнездится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распада. Холодная война все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить наши войска и держать их хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны разузнавать правду о противнике, передавать эти сведения на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы, прежде чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

— По-моему, я вас понимаю, — сказал Джоэнис. — И я полностью разделяю ваше мнение.

— Я так и знал, — ответил Мадж. — Я знал это с того самого момента, как прочел ваше досье и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

— А я думал, что это работа Шона Фейнштейна, — сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся.

— Шон — чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутация Начальства остается незапятнанной.

— Шону, должно быть, приходится очень нелегко, — заметил Джоэнис.

— Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, он и не знал бы, может быть, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей-психологов. А другой мой знакомый психолог — человек мистического склада ума — считает, что Шон Фейнштейн выполняет необходимейшую историческую функцию: ему предназначено быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности рождались во все исторические периоды, они — жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шона ненавидят и поносят народные массы, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон — фигура крайне полезная.

— Я хотел бы повидать его и пожать ему руку, — сказал Джоэнис.

— Как раз сейчас это невозможно, — сказал Мадж. — В настоящее время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на диете из хлеба и воды. Его признали виновным в краже двадцати четырех атомных гаубиц и ста восьмидесяти атомных ракет из наших армейских арсеналов.

— Он действительно украл все это? — спросил Джоэнис.

— Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в юго-восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи

давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение, — но тщетно.

— Мне очень жалко Шона, — сказал Джознис. — Какой же ему вынесен приговор?

— Смертная казнь, — ответил Мадж. — Но его помилюют. Его всегда прощают. Шон слишком важная персона, чтобы ему отказать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джознису.

— Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку на Восток с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но... либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом для поездки служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф «совершенно секретно» и непрочитанными складывались в досье в Комнате Высшей Секретности, которая расположена под Форт-Ноксом*. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают и на его основании начнут действовать. Мы полны решимости придать Управлению Координации большой вес, поэтому все, что вы расскажете о противнике, будет принято к сведению и использовано на практике. А теперь, Джознис, вы должны пройти полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Сказав все это, Мадж отвел Джозниса в Службу Безопасности, где полковник, руководитель группы френологии, ощупал его голову на предмет подозрительных шишек. Затем Джознис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадалей на картах, гадалей на испитом чае, физиономистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, ответственным за поступки, заслуживающим доверия и, главное, счастливчиком. На основании этого ему выдали

* Ф о р т - Н о к с — место, где хранится золотой запас США.

Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой стальной Секретной Комнате. Там за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами — необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

«Как я был невестой военного времени» — сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

«Сиротка Энни встречается с человеком-волком» — детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпиенок всех времен.

«Тарзан и Черный город» — потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

«Песни» (автор неизвестен) — шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

«Бак Роджерс вступает в Мунго» * — документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

«Основные принципы» Спенсера, «Апокрифы» (автор неизвестен), «Республику» Платона и «Малеус Малифакарум» — труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Гарпе Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И, конечно, он прочитал «Плейбоя Западного Мира» — сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны — по причине того огорчительного обстоятельства, что они были напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многие мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам

* Б а к Р о д ж е р с — популярный герой американских фантастико-приключенческих комиксов 20-х годов.

не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения двадцатого века, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру «Бутсы», отлитую в бронзе? Читал ли «Наставления для практичных людей, владеющих недвижимостью» — полную изумительной фантазии книгу, которая — практически в одиночку — сформировала нравы двадцатого века? Встречался ли со своим современником — достопочтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столетия? Беседовал ли с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинзонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато в его рассказах освещались вопросы куда более важные для того тревожного времени.

Закончив чтение документов, которое длилось три дня и три ночи, Джоэнис встал и покинул серую стальную Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. Теперь он был хорошо осведомлен о состоянии дел не только в своей стране, но и за ее пределами. С трепетной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДЖБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблудился внутри колоссального строения. А дальше... дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом — мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в Октагон, чтобы получить последние инструкции и пуститься в путь. Однако задача, стоявшая перед ним, была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ

(Рассказано Маубинги с Таути)

Сгорая от нетерпения, Джоэнис влетел в Октагон и на минуту застыл от изумления. Он даже не представлял, что на свете может существовать такое великолепие. Наконец Джоэнис пришел в себя и устремился вперед по коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и снова по коридорам.

Когда воодушевление несколько улеглось, он наконец сообразил, что его план, мягко говоря, неточен, поскольку указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он видел вокруг. Казалось, что это план совсем другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал шедшего по коридору мужчину в форме полковника Картографической Службы. Он производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился, и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

— О, что вы, он в полном порядке. Это схема Октагона из серии А433-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

— Но в ней невозможно разобраться, — сказал Джоэнис.

— Совершенно верно, черт побери! — гордо ответил полковник. — Вы хоть представляете себе, какое важное значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

— Я понимаю, — пытался возразить Джоэнис. — Но...

— Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если наши враги разберутся в структуре здания и размещения его кабинетов, — продолжил полковник. — В наши коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получают доступ к важнейшей информации. Никакие меры безопасности не помогут изолировать шпиона, вооруженного подобной информацией. И тогда нам конец, дорогой сэр. А план, который вы держите в руках, и который собьет с толку любого шпиона, — это одна из важнейших гарантий сохранности наших секретов.

— Думаю, что так оно и есть, — вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображенным на нем планом и сказал:

— Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

— Да что вы?! — изумился Джоэнис. — Я-то думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

— Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф — или шпион! — способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскрывает и в то же время вызывает ощущение правдоподобия, — это, дружище, требует высочайшего искусства!

— Не сомневаюсь, — сказал Джоэнис. — Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

— В целях безопасности, — ответил полковник.

Это объяснение окончательно завело Джоэниса в тупик, и некоторое время они с полковником стояли в полном молчании. Наконец Джоэнис вымолвил:

— И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

— До настоящего времени, — сказал полковник, — ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джозниса, потому что он быстро добавил:

— Поверьте, шпионы еженедельно попадают в сети нашей наружной охраны.

— Я не заметил вообще никакой охраны, — сказал Джознис.

— Конечно, не заметили. С одной стороны, вы — не шпион. С другой стороны, служба безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по необходимости. По крайней мере, ныне дела обстоят именно так. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джознис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться своими собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

— Вы убеждены, что я не шпион?

— Любой человек в каком-то смысле шпион, — сказал полковник. — Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, ответчу: да, я убежден, что вы не шпион.

— Тогда сообщаю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

— Могу я взглянуть на эти ваши инструкции? — попросил полковник.

Джознис передал ему бумагу. Полковник изучил документы и вернул их.

— На вид — в полном порядке, — сказал он. — Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

— Тут-то и зарыта собака, — сказал Джознис. — По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я не шпион, и видите, что нахожусь здесь по служебному вопросу, я был бы

в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, на его лице отразилось сильнейшее замешательство.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

— Не может быть! — вскричал Джоэнис. — Вы ведь картограф! И хотя вы чертите в основном фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

— Все, что вы говорите, совершенно правильно, — сказал полковник. — Ничто не может удержать настоящего картографа от создания истинных карт. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне строго-настрого запретили. Но, к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

— От кого? — спросил Джоэнис.

— От высшего начальства в этом здании, — ответил полковник. — Те, кто возглавляют службу безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но, разумеется, подлинные планы служат им только для удобства — это всего лишь клочок бумаги, с которым сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало — полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

— Если вы чертите для них настоящие планы, — сказал Джоэнис, — то наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

— Нет, не могу, — возразил полковник. — Только высшие чины знают это здание настолько хорошо, чтобы ходить, куда им вздумается.

Полковник поймал недоверчивый взгляд Джозниса и добавил:

— Я знаю, что мои слова кажутся вам неправдоподобными, но, видите ли, за один прием я вычерчиваю лишь небольшую часть всего здания. Никакой другой метод не дает благоприятных результатов, ибо здание очень велико и запутано. Чертеж я посылаю в вышестоящую инстанцию со специальным курьером. Затем я вычерчиваю следующую секцию, и так далее. Вероятно, вы думаете, что я могу мысленно объединить мои знания об отдельных секциях и составить представление о всем здании в целом? Скажу вам сразу: нет, не могу. Существуют еще и другие картографы; они вычерчивают те части здания, которые я так никогда и не видел. Но, даже если бы я лично собрал по кусочкам всю структуру здания, я ни за что не смог бы сложить все части в целостную картину. Любая секция здания кажется доступной моему пониманию, и я с величайшей точностью отображаю ее на бумаге. Но, когда речь заходит о том, чтобы охватить разумом все вычерченные мною бесчисленные секции, я совершенно теряюсь и не могу отличить одну от другой. А, если я размышляю об этом слишком долго, у меня пропадают сон и аппетит, я начинаю много курить, ищу утешения в выпивке, и это плохо сказывается на моей работе. Порой я допускаю ошибки и не осознаю нанесенного ущерба, пока начальство не спускает мне часть плана на переработку. Это подрывает мою веру в собственные способности, и тогда я погружаюсь в работу: продолжаю мастерски вычерчивать по одной секции в один прием и не мучаюсь домыслами о здании в целом. — Полковник сделал паузу и потер глаза. — Я говорил уже, что секции общего плана, которые мы вычерчиваем, иногда возвращают нам для переработки. Но когда мы — картографы — обмениваемся мнениями, то порой обнаруживаем, что двое из нас чертили одну и ту же секцию, причем каждый запомнил ее и отобразил по-своему. Разумеется, подобные ошибки — в природе человека, и их следует ожидать. Но что приводит нас в замешательство — так это те случаи, когда начальство принимает обе версии. Можете вообразить себе чувства картографа, когда он узнает о чем-либо подобном!

— У вас есть какие-нибудь объяснения этому? — спросил Джознис.

— Ну, с одной стороны, у каждого картографа свой индивидуальный стиль, свои особенности метода; а отсюда — и вполне объяснимые расхождения. С другой стороны, даже самая блестящая память — ненадежный инструмент, поэтому вполне вероятно, что мы чертили совсем не ту секцию. Однако, по моему разумению, этих объяснений недостаточно, и только одно соображение представляется здравым.

— Какое же? — спросил Джознис.

— Мне думается, что рабочие, выполняя приказ высокого начальства, постоянно перестраивают отдельные части здания. Я даже мельком видел людей, очень похожих на рабочих. Но если бы я и не видел их, то все равно считал бы, что этим все объясняется. Вы только вдумайтесь. Начальство озабочено соображениями безопасности, а лучшая из возможных мер безопасности — держать здание в постоянном тонусе перемен. Далее, если бы здание пребывало в статике, достаточно было бы провести одну-единственную картографическую съемку, между тем мы только и делаем, что чертим да перечерчиваем. Наконец, чем занимается большое начальство? Оно пытается управлять очень сложной и постоянно меняющейся мировой системой. Следовательно, если меняется система, то должно меняться и здание. Кое-где ремонт делается открыто, у всех на глазах, но иные перестройки совершаются сугубо в тайне. Именно по этим причинам охватить структуру здания в целом совершенно невозможно.

— Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? — удивился Джознис.

— Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты, — руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревает об этом. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: «поворот направо», «поворот налево». Вы расхохотались бы, а может, и разрыдались, если бы послушали, что эти люди твердят о нашем

здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преображающие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство — не разум и не знание — направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

— Понятно, — произнес Джознис, хотя на самом деле ничего не понял и пребывал в полном замешательстве. — Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть в указанный кабинет?

— Не знаю.

— Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать внимание в поисках дороги? Может быть, есть какие-нибудь ориентиры?

— Я крупнейший знаток этого здания, — грустно промолвил полковник. — И мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но, к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

— Как вы думаете, я найду когда-нибудь кабинет, в который меня послали? — спросил Джознис.

— Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное, — сказал полковник, — и если большое начальство заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет, — я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься, что ваше дело представляет важность только для вас самих и больше ни для кого другого, — тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты, — просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь — тогда, действительно, шансы на успех крайне малы.

— Так или иначе, перспективы у меня не очень-то радужные, — уныло произнес Джознис.

— Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях должен идти каждый из нас, — сказал полковник. — Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять их работой и отвратить от злонамеренной праздности. У каждого — свои сомнения, и я могу только пожелать вам успехов и выразить надежду на то, чтобы ваши сомнения никогда не подтвердились.

Сказав все это, полковник учтиво поклонился и пошел дальше по коридору.

А Джоэнис отправился куда глаза глядят. И пока он, движимый надеждой, бродил по коридорам, его не оставляла мысль, что тому отрезку пути, по которому он недавно прошел, уже придали новый вид.

Джоэнис шагал по огромным залам, вверх по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, и снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были большей частью из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах обнажилась проводка; было видно, что изоляция превратилась в труху, — того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия: местами он угрожающе вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы, но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочими молоток. Это вселяло надежду на то, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но пока он не встретил ни одного рабочего.

Окончательно заблудившись и крайне устав, он растянулся во весь рост на полу и через минуту заснул глубоким сном.

РАССКАЗ ТЕЗЕЯ

Джознис проснулся от неясного беспокойства и тут же вскочил на ноги. Он услышал чьи-то шаги, а затем увидел человека, идущего по коридору.

Это был высокий мужчина с умным, но очень нервным лицом, которое выражало крайнюю подозрительность. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на спицу. Двигаясь по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

При виде Джозниса лицо его исказилось гневом, на нем пролегли жесткие складки. Мужчина вдруг выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

— Стойте! — закричал Джознис. — Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад безумно горевшие, обрели нормальное выражение.

— Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

— Я так похож на него? — спросил Джознис.

— Не совсем, — сказал мужчина. — Но в этом чертовом здании у меня что-то распустились нервы и появилась привычка сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячий и чувствительной души, конечно же, простительны.

— Какова же ваша миссия? — поинтересовался Джознис.

— Моя миссия, — гордо заявил незнакомец, — заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

— Немало, — заметил Джознис.

— Меньшим я бы ни за что не удовлетворился, — сказал человек. — Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной скромности я надеюсь остаться в людской памяти как герой, сокру-

шивший диктатуру и освободивший народ. Мой подвиг навеки останется символом мужества и по праву будет считаться добродетельнейшим и справедливейшим деянием.

— Какой подвиг вы намереваетесь совершить? — спросил Джознис.

— Я собираюсь собственноручно убить тирана, — сказал Тезей. — Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество легковверных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество других подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

— Если он действительно все это делает, — заметил Джознис, — тогда получается, что он на самом деле благодетель.

— Вы попались на удочку тирана, — сказал Тезей с горечью. — Но смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник — это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам, что знаю сам, — рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

— Буду вам очень признателен, — сказал Джознис.

— Для того чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада, — единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечи-

вают то самое зло, которое они якобы призваны искоренять.

Джоэнис был тронут словами собеседника, однако тревога его не улеглась: глаза Тезея бегали и зловеще блестели. Поэтому Джоэнис заговорил как можно осторожнее:

— В общем-то, я понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

— Нет, не понимаете, — мрачно заявил Тезей. — Вы, наверное, думаете, что я всего лишь хвастливый болтун, обуреваемый сумасбродными идеями, безумец с револьвером в руке. Вы ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

— Вот как? — удивился Джоэнис.

— Этот тип, — начал Тезей, — в частной жизни проявляет вкусы столь извращенные, что они могут сравниться лишь с тем звериным инстинктом, который влек его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне или же высмеивают, объявив ее бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном «кадиллаке». Он сидел за пуленепробиваемым стеклом, попыхивая большой сигарой, и время от времени взмахом руки приветствовал толпу народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие — те, кто наблюдали из окон подвалов и с крыш домов, — остались свидетелями последовавшей сцены. Он предложил ей мороженое и конфеты и стал просить ее сесть с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти ребенка. Но телохранители открыли по ним огонь. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. Ей они сказали, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

И все же в девочке проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Задумчиво посмотрев на сласти и отметив нервные судороги исходящего похотью тирана, она сказала, что сядет в машину только со своими подругами. Ужасно, до чего

простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран расцвел от радости. Было ясно, что он получил больше того, на что рассчитывал. «Чем больше — тем веселее» — так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетелись к черному «кадилаку». Они прибежали бы и без приглашения, потому что тиран включил автомобильный приемник на полную громкость, и из машины доносилась чарующая музыка.

И вот тиран усадил всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители на мощных мотоциклах окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой.

Тезей вытер глаза — слезы из них лились уже потоком.

— Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана, — сказал он Джоэнису. — Я должен искоренить зло, отомстить за павших товарищей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джоэнис, — а его глаза тоже были далеко не на сухом месте, — обнял Тезея и воскликнул:

— От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

— Спасибо, — сказал Тезей. — Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле. Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвав на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от содеянного, ибо она не особенно отличалась по возрасту от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, хитроумно выбрав подходящий момент, объяснил ей, что за человек ее отец. Поначалу она не хотела мне верить: эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее. И вот финальный шаг:

я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он — само воплощение зла, неважно, что он творит жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не может стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилось помочь мне в убийстве — при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна, а именно — рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Еще она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом быстро вернуться, как только подвиг будет совершен.

— Вы еще не нашли тирана? — спросил Джоэнис.

— Нет, еще не нашел, — ответил Тезей. — Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые. К тому же мне не везет. Вот совсем недавно я встретил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

— Это был картограф? — спросил Джоэнис.

— Не знаю, кто он такой, — ответил Тезей, — но у него были полковничьи знаки различия, а лицо вроде бы доброе на вид... Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

— Кто они? — поинтересовался Джоэнис.

— К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, ради спасения которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их так же, как застрелил офицера, и так же, как едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все.

— Что вы сделаете с его дочерью?

— Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям и поэтому не убью ее, — сказал Тезей. — Но эта уродина, эта сучка меня никогда не увидит. И я буду только Богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

— А теперь я должен идти, — сказал он. — Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку, и вскоре скрылся за поворотом. Некоторое время еще слышались его удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина.

Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестящие. Она молча шла следом за Тезеем и сматывала проволоку, которую тот укладывал на пол. Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потерял глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

РАССКАЗ МИНОТАВРА

Джоэнис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого, запущенного помещения в светлый, современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джоэниса, был необъятных размеров, на его широком суровом лице читалось: «Без

дураков!» Совершенно очевидно, что это мог быть только большой начальник.

— Вас зовут Джоэнис? — спросил начальник. — Что ж, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джоэнис выразил глубочайшее сожаление, что он спал вместо того, чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

— Пустяки, — сказал начальник. — Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, по-моему, ханжами нас не назовешь. В сущности, даже хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы.

В кабинете был большой стол, заваленный горами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

— Говорите! — заревел он в трубку первого телефона. — Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

— Да, слушаю вас! — закричал он во второй телефон. — Голод в Кастрюльной Ручке*? Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

— Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! — зарычал он в третий телефон. — Чума косит Лос-Анжелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

— Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ванночке — и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

* Кастрюльная Ручка (амер. шутл.) — название штата Западная Виргиния.

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам, и в душу его закралось сомнение.

— Я не вполне уверен, — начал он, — но, кажется, есть тут один обиженный молодой человек, который...

— ...который собирается убить меня, — закончил начальник. — Правильно, не так ли? Что ж, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Минотавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

— Почему? — удивился Джоэнис.

— Плохая реклама, — пояснил Минотавр. — Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой блаженной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!.. Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня, и будто бы он сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить такое сообщение.

— Не совсем, — сказал Джоэнис.

— Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! — вскричал Минотавр. — Люди будут искренне сочувствовать мне, когда узнают, что я на грани смерти. И они будут еще больше мне сочувствовать, когда услышат, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то что всем известны лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки чернь меня недолюбливает... Эта история должна помочь мне завоевать их сердца.

— Замысел очень остроумный, — согласился Джоэнис.

— Спасибо, — сказал Минотавр. — Откровенно говоря, я уже довольно давно забочусь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то

нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

— А разве на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Джознис.

— О, они напечатают все, что я им прикажу, — заявил Минотавр с угрозой в голосе. — Найму человека, чтобы он написал об этом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдую из этой истории все, что только можно.

— А что вы приказали им написать о вашей дочери? — спросил Джознис.

— Ну, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ариадне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что мне это понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта статейки, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса в значительной степени состоит из лживых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

— А как там насчет детей? — спросил Джознис.

— Что вы имеете в виду — «насчет детей»? — спросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

— Ну, это... Тезей говорил, что...

— Этот человек талантливый враль, — заявил Минотавр. — Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же — дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джознис кивнул.

— Самая главная сейчас проблема — это информация. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит? Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда — пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно доложить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы ставим перед вами, Джознис?

— Думаю, что да, — сказал Джоэнис.

— Вы служите не какой-нибудь отдельной группе или фракции. Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот — излагайте события как можно проще и объективнее.

— Я сделаю все от меня зависящее, — пообещал Джоэнис.

— Вряд ли я имею право требовать большего, — проворчал Минотавр.

Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться ему во время путешествия, а затем вместо того, чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам должен был бы искать дорогу к выходу, он открыл окно и нажал на кнопку.

— Я лично всегда пользуюсь только таким способом, — сказал он, помогая Джоэнису занять место рядом с пилотом вертолета. — С этими чертовскими коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты, которая примыкала к кабинету Минотавра.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джознис сел на специальный реактивный самолет, и скоро он был высоко в воздухе.

Печально рассказывать о том, что было дальше... Когда Джознис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса «воздух — воздух». Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. И в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым страшным последствиям.

Объятый ужасом, Джознис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло — это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие — нет, но все мгновенно отозвались на сигнал «чрезвычайной обстановки». А тем временем самолет Джозниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса коварства, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радио-

станцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и объявил, что его атакуют, и что все ракеты, находящиеся в воздухе, есть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика имела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако новые ракеты, более искушенные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно таких коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва ракетами была в полном разгаре, самолет Джозниса сделал маневр и благополучно ушел от огня. Оставив зону боя далеко позади, он молнией понесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джознис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джозниса добивались, чтобы он рассказал о характере совершенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джознис знал наверняка, — это то, что какие-то одни ракеты его атаквали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джозниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но, после того как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаквали ракеты наземного базирования, и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно неизвестному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного боя, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.
2. На Калифорнию напали нейтральные страны.
3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.

4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.

5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей и подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и не останавливалась ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом «КРАЙНЕ СРОЧНО», машина изрыгала со скоростью десяти штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости — напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов — это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно было явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в двадцать первом веке.

Давно уже командир собственной персоной не выступал во главе своих войск и не обзирал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И форма противных сторон не

отличалась резко по цвету, и враг не размахивал боевыми знаменами, не распевал воинственные песни, и все это не складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия идущего боя, не оставлявшую ни малейших сомнений в физическом присутствии противника, его сущности и опознании характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все больше и больше обособлялась от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать надежную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Не удивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятностными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, Главнокомандующего Вооруженными Силами. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также, что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что при всей заботе, которой люди окружали машины, — а может быть, именно благодаря этой заботе, — машинам нельзя по-настоящему доверять. Эти создания были ничем не лучше своих создателей, в сущности, они даже походили на своих творцов, переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе или начинали вдруг проявлять чрезмерное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, машины еще имели слабость оказываться под эмоциональным влиянием ра-

ботающих на них людей — операторов. Фактически те из машин, которые сильнее других поддавались внушению, были не более чем продолжением личности оператора.

Но это обилие проблем не смутило генерала Пустойга, так как он был специально обучен умению принимать решения. И вот наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал, и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах оказать хоть какое-то влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой, — ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завывала высоко в небесах, рухнула на мыс Канаверал во Флориде и стерла с лица земли половину военно-воздушной базы. Оставшаяся половина собралась с силами и нанесла ответный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто шквал донесений, предусматривающих любые повороты событий.

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар — встречный. Здешние военачальники решили, что враг — кто бы он ни был — захватил плацдармы на американском восточном побережье. Они спешили ликвидировать эти плацдармы и без колебаний пускали в ход атомные боеголовки, если таковые действия представлялись им необходимыми.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные войска и машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кто-то еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, а неразбериха приводила к новым разрушениям. И вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время, как происходили все эти события, Джоэнис — совершенно ошарашенный — стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник, или хотя бы где он находится.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению: в атаку пошли особые землеройные машины.

Джоэнис взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

— Лам! — вскричал он.

— Привет, Джонсик! — выпалил в ответ Лам.

— Как ты здесь оказался? — спросил Джоэнис. — И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

— Ну, старик, — сказал Лам, — это необыкновенная история. И тем более странная, что я, в общем-то, не из тех, кого называют «военной косточкой». Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт трянуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису о том, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

*(Записано со слов самого Лама, текст
приводится по «Книге Фиджи»,
каноническое издание)*

Ну, старик, значит, утек я из «Дома "Холлис" для Невменяемых Преступников» вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и сразу же затесался в одну компашку. С ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином, вот и подумал, что кокаин — это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл* и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении, и тем тоскливее мне становилось, — я все думал о бедных, несчастных, старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавленными звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках, через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами и вот в этом состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

*Флоренс Найтингейл (1820 — 1910 гг.) — популярная в Великобритании сестра милосердия.

Наутро проснулся, смотрю — уже в казарме. Ну, конечно, я сразу очухался, если не сказать — перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но, оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части — сокращенно КЧ — говорю, мол, помимо прочего, я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, могу, мол, документально подтвердить и то и другое. Дальше — больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри Закон о поступлении на военную службу, страница 123, параграф «С».

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как могут улыбаться только кадровые вояки да еще «фараоны». И говорит: «Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен смотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями».

Когда я не сделал ни того ни другого, он перестал улыбаться и заявил: «Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляют с делами в органах стратегического планирования. Все, что от тебя требуется, — это быть хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок — это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты «гауптвахтный юрист», — это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались, что к чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя подпи-

сать вчера вечером специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту...»

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне теперь делать: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии — никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят в лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной — моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию, — залетев высоко-высоко под «кокой», — то указал в графе «специальность»: «сводник». Эта запись попала на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник — или офицер по особым поручениям, как его культурно называют, — подсказал мне, что и как. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу — единственное «окно», когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется, — это позвонить по одному из телефонов, указанных в «Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны». Или же, в случае крайней нужды, я посылаю срочную депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне сердечную благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия — вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

. Вот, Джознис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доложить, что эта война — с каким бы дьяволом мы там ни воевали — не могла попасть в

более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв, — не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасло несколько лампочек, и вроде дышать становится чуть труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

БЕГСТВО ИЗ АМЕРИКИ

(Рассказано Паауи с Фигжи)

Джознис был контужен — по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись: «Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных».

— Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными, — сказал Лам, — однако времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джознис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до... черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Я доверяю старому хрену. Вроде бы он ни капельки не шутил.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато к Джознису полностью вернулись присутствие духа и способность соображать. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джознис выбрал

одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигационные приборы — все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей с завыванием пронеслись ракеты, и Джознис решил отчаливать, не теряя больше ни секунды.

Судно уже было в нескольких милях от берега, когда Лам встрепнулся, огляделся по сторонам и спросил:

— Эй, старик, куда это мы направляемся?

— На мою родину, — ответил Джознис. — На остров Манитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и кротко сказал:

— Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн, и тогда вся эта музыка растянется примерно на восемь-десять тысяч миль, верно?

— Что-то вроде этого, — согласился Джознис.

— Может, передумашь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

— Я плыву домой, — твердо сказал Джознис.

— Ага. Ну ладно, — сказал Лам. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадетсЯ. К тому же у меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже дало течь.

— Все правильно, — сказал Джознис. — Но, кажется, течь можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда бы стоило плыть.

— Порядок, — сказал Лам. — Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, и я подумал, может, удастся их обсосать. Нет — так нет. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать

наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

— Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть, — сказал Джоэнис. — Хотя должен признать, что вероятность этого весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

— Может, и набросаю главу-другую, — ответил Лам. — Но большую часть пути я собираюсь провести в размышлениях о людях и правительствах и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

— По-моему, это просто замечательно, Лам! — воскликнул Джоэнис. — У нас у обоих есть много чего рассказать людям. Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по темнеющему морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

*(Написано Издателем с привлечением
всех доступных источников)*

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мыса Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно лишь упомянуть о том, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались, многочисленны. Но то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, плавающих по океанам во все времена — включая и наше собственное. Что, как не глубочайшее сочувствие, могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы, и так далее и тому подобное. Однако, отдав дань сопереживаниям, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в бесчисленном множестве других рассказов о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие ощущения он испытывал во время плавания, было: «Ну, старик, знаешь ли!..»

Мы-то знаем. Потому и переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег, и заботливые обитатели Манитуатуа вернули их к жизни.

Придя в себя, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделайо, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала его ждать, вышла замуж за рыбака с острова Туамоту и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Манитуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже не поддерживали контактов с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в которой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные возлагали вину на пришельцев из космоса, обладавших якобы невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории прежде вызывали жаркие дискуссии, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхалось в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные в основном на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой опознания противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше их не стало. Война закончилась. Старый Свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали сильнейшую слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть свою роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они смотрели на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к полному согласию. Они пытались сохранить дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более затруднительно. Их последователи пытались сглаживать острые углы, но многие из них считали, что эти два человека, столь страстно ненавидевшие войну, вполне могли начать ее между собой.

Однако этого не случилось, так как влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана — от Нукухивы на западе до Тонга на востоке — было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием несколько каноэ и отплыл на восток, направившись к Фиджи, — туда, где идеи Лама вызвали неподдельный интерес. К тому времени и Джоэнис, и Лам уже достигли зрелого возраста и распрощались друг с другом, охваченные великой печалью, не надеясь более свидеться.

Последние слова Лама, обращенные к Джоэнису, были таковы:

— Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джонсик, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто об этом знает. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Затем Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали на благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы говорят не на диалекте английского языка, основы которого заложил здесь Джоэнис, а предпочитают диалект, на котором

говорил Лама. Многие эксперты считают, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами — в том виде, в каком они записаны в «Книге Фиджи»:

«Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они к тому же сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть в металле — все зло.

Значит, как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа».

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и искусственного веселья («Давайте кайфовать!»); об идеальном поведении («Не будем липнуть друг к другу»); о границах влияния общества на личность («Не давайте обществу ездить на вас»); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения («Не следует лажать ближних»); о значимости объективно обусловленных ощущений («Я секу в корень, без понта»); о кооперации в рамках общественной структуры («Клево, когда все лабухи трубят дружно»)... и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из «Книги Фиджи», где полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего интересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи от природы людьми предприимчивыми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плавания под предводительством Лама, чтобы топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы, проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америки. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов. Особенно это касается работы, про-

деланной ими на Филиппинах, и с помощью маори — в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях — таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятými своих запасов металлов.

К тому времени, когда слава фиджийцев достигла апогея, они уже завоевали многие острова и вошли в контакт с жителями. Однако этот малочисленный народ не смог долго удерживать под своей властью другие народы. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, но затем они были или ассимилированы местным населением, или изгнаны с островов. Словом, большинство фиджийцев наконец в полной мере постигло выражение Лама, гласившее: «Сделал дело — и свали со сцены: главное, не околичайся где не надо и не будь букой».

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джознис не оставил нам собрания философских трудов. Он никогда не выражал своего отрицательного отношения к металлам, напротив, был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя и признавал, что они необходимы. По Джознису, закон мог быть хорошим только тогда, когда проистекал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Если природа этих людей менялась, — а Джознис полагал, что сие неизбежно, — менялась и природа законов. А когда это происходило, следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джознис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это крайне трудно. Самая большая трудность, как считал Джознис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постоянно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих в нем самом и в ближних, и сосредоточить свои усилия на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Этот поиск, указывал Джознис, мог оказаться успешным лишь при боль-

шом везении — объяснить сей феномен невозможно, но, безусловно, элемент удачи играет очень важную роль.

Джоэнис всегда придавал особое значение превосходству добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность человека в волевом действии и недостижимость совершенства. Но некоторые утверждают, что в старости Джоэнис стал проповедовать совершенно иные идеи. К примеру, что мир — это не более чем страшная игрушка, которую злые боги смастерили в виде театра, чтобы ставить для своего развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Когда актеры должным образом подготовлены, боги получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, разгуливающих с напыщенным видом, преисполненных сознанием собственной значимости и убежденных в том, что они занимают важное место в миропорядке. Они даже пытаются это научно доказать и трудятся в поте лица, чтобы разрешить проблемы, которые поставили перед ними боги. А боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большего наслаждения, чем вид какой-нибудь марионетки, вдруг вознамерившейся прожить безгрешно и умереть достойно. Но даже и это не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких марионеток-человечков, они уберут их подальше, снесут театрик и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец — люди.

Но мы считаем, что эта концепция нехарактерна для Джоэниса, и ваш издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он шел к людям с проповедью надежды.

Джоэнис прожил достаточно долго. Он видел смерть старого мира и рождение нового, он помнил, что многие наши предки прибыли из Европы, Америки или Азии. Но, несмотря на это смешение рас, мы чувствуем себя полинезийцами, меланезийцами и микронезийцами. Ваш издатель, живущий на острове Гавайки, считает, что современный мир процветанием обязан малым разме-

рам наших островов, их многочисленности и удаленности друг от друга. Потому что это делает совершенно невозможным тотальное завоевание одних островов другими и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов в прошлом.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, но масштаб их несоизмеримо скромнее по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, несправедливость, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастут до таких размеров, чтобы сокрушить островные сообщества. Жизнь меняется, но в наши дни перемены происходят гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен отчасти объясняется великим дефицитом металлов. На наших островах металлов всегда было очень мало, а фиджийцы к тому же уничтожили большую часть того, что было в наличии. Небольшое количество металла все еще добывают на Филиппинах, но он крайне редко поступает в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, который только удастся найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу — лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: «Послушай, парень, ты когда-нибудь пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?»

Так и течет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение которого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить. Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Некоторые фиджийские ламисты, отваживающиеся пускаться в дальние морские путешествия, сообщают о каком-то движении племен, населяющих ныне Американский континент. В настоящий момент

этих разрозненных пугливых дикарей еще можно игнорировать; но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джоэниса, то о нем рассказывают следующее. Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный гаваец, который пытался защитить свою швейную машинку. Падая, Лам произнес: «Ну что ж, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж на Небесах, где заправляет Самый что ни на есть Великий Наркоман на свете».

Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джоэниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джоэнис, находясь с официальным визитом на богатом острове Моореа, увидел на берегу какое-то движение и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил человека, принадлежавшего к его собственной расе, который приплыл на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, тело жестоко обожжено солнцем, но он пребывал в добром состоянии духа.

— Джоэнис! — вскричал человек. — Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джоэнис, не так ли?

— Так, — сказал Джоэнис. — Но боюсь, что мы с вами незнакомы.

— Я Чевоиз, — сообщил человек. — Как в «Чево изволите?». Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-Йорке. Теперь вспомнили меня?

— Вспомнил, — сказал Джоэнис. — Но зачем вы разыскивали меня?

— Джоэнис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый след в моей душе. Делом моей жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитать-

ся по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и наконец завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о всех трудностях, с которыми пришлось столкнуться вам, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии вашей истории.

— Все это в высшей степени поразительно, — сказал Джоэнис совершенно спокойно. — Но, мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, правда, для меня это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что меня разыскивают.

— А вы и не могли иметь такого понятия, — возразил Чевоиз. — Даже вы не в состоянии знать, кто и зачем вас разыскивает, пока вас не нашли.

— Хорошо, — сказал Джоэнис, — вот вы и нашли меня. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

— Несколько вещичек, — сказал Чевоиз. — Я преданно хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории.

С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнштейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке этих вещей, а также по снаряжению Чевоиза, которому выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, то он вместе с дочерью Диедри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще неплохих успехов; а Диедри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнштейн искренне

надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в «Доме "Холлис" для Невменяемых Преступников». Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возомнил себя Богом и исчез как раз перед встречей с Джоэнисом. Однако, поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший, — клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: «Точный и окончательный». План гарантировал любому посетителю быстрый доступ в любую часть здания.

Пока Джоэнис разглядывал все эти вещи, лицо его каменело, обретая сходство с выветрившимся гранитным останцом. Он долго стоял неподвижно и пошевелился лишь тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

— Я же хочу по справедливости! — вскричал Чевоиз. — Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не заглянул в них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

— Нет, — отвечивал Джоэнис. — Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаги силой. Несколько деревенских жрецов, умоляюще глядя в глаза Джоэнису, направились было к нему, но он попятился от них с выражением такого ужаса на лице, что люди подумали — еще секунда, и он швырнет бумаги в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и бросился бежать по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, чтобы изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевониза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Почти через два столетия некий охотник отправился полазить по крутым склонам Моореа в поисках горных козлов. Вернувшись с охоты, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги, которые старик держал в руках, давно выгорели на солнце и вылиняли под дождем, так что на них остались лишь неясные каракули, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

— Как вы можете читать эти бумаги? — спросил охотник.

— Мне незачем читать, — ответил старик. — Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике — будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис — несмотря на невероятный возраст — все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже и так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию; что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выцветшими бесполезными бумагами; и что в конце концов он умер в каком-нибудь недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Моореа воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

Содержание

Координаты чудес, роман, <i>перевод с английского Г. Гуревич</i>	5
Цивилизация статуса, роман, <i>перевод с английского В. Баканова,</i> <i>с доп. И. Васильевой</i>	153
Хождение Джозниса, роман, <i>перевод с английского В. Баканова,</i> <i>В. Бабенко</i>	297

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга третья

Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *М. Горшков, И. Архангельская, И. Васильева*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *К. Вартанова, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Художественное оформление серии *М. Захаренкова*
Оформление *И. Колобов, Л. Булыкина*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

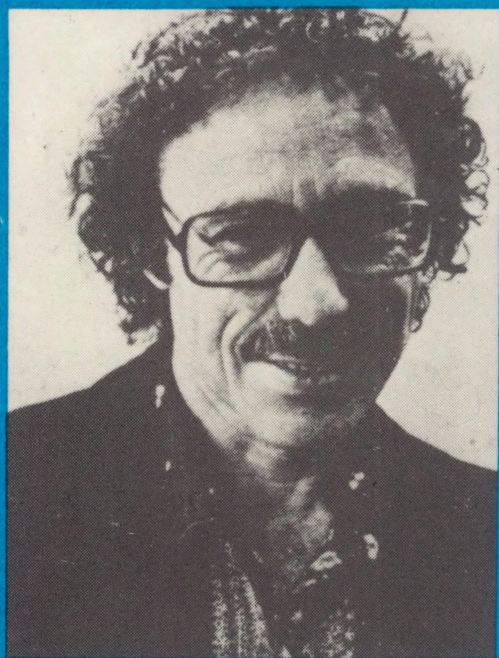
Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.06.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 23,31.
Уч.-изд. л. 20,08. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-188.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолно»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
СТАТУСА
ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994